

Дмитрий Маслов

Рассказы

Армейские эпизоды

Дмитрий Маслов

Рассказы Армейские эпизоды

Ногинск
2014

ББК 84.47

М31

М31 **Дмитрий Маслов.** Рассказы. Армейские эпизоды. —
Ногинск, 2014 г. – 200 с. с илл.
Издание 2, дополненное

В ваших руках первый сборник рассказов Дмитрия Маслова. Сборник включает шесть произведений, в которых автор, используя личный опыт и свои собственные наблюдения, открывает для читателя внутренний мир советской воинской части, расположенной на территории Германской Демократической Республики. Автор показывает, как в суровых условиях армейской службы, на чужбине, не смотря ни на что, ни на какие трудности, молодые солдаты учились дружить и выполнять свой воинский долг. Не обходит автор и неприятный вопрос о «дедовщине». В рассказе «Мерзебургская история» Дмитрий Маслов говорит о том, что ломка старого мира, устоявшихся, привычных понятий одинаково болезненно и для советских солдат и для немецких обывателей. Завершают сборник «Армейские эпизоды» – документальные воспоминания автора о своей службе в ГСВГ. Настоящий сборник адресован широкому кругу читателей от 18 лет и старше.

Содержание

Рассказы

Туша	5
Отпуск	11
Свинарник или завод Мессершмитта	19
Картошка	42
Мерзебургская история	54
Побег. Рассказ из армейской жизни	73
Армейские эпизоды	81
Фото на память	143

Туша

Командир скомандовал: «К торжественному маршу», и оркестр грянул так мощно и звонко, что Огурцов чуть не выронил тазик с грязной водой, когда выходил из холодильника. Выплеснув воду, Димка замер на минутку перед входом. Оркестр играл красиво, по-военному слаженно и четко. Солдаты двигались как роботы, точно попадая ногой в такт марша.

– Красота! – подумал Огурцов и шагнул внутрь. В холодильнике было холодно и грязно от скопившегося на полу и стенках жира вперемешку с кровью. Жир с кровью, та еще смесь. Попробуй, ототри. А оттереть надо обязательно, иначе кладовщик Леван рассвирепеет не на шутку. На полу в холодильнике с обреченным видом сидел Вилли и отчаянно тер тряпкой ледяной металлический пол.

– Не хрена не моется, Дим. Не успеем, – пробормотал Андрюха и отшвырнул скользкую от жира тряпку в угол камеры.

– Отмоется, – с интонацией мастера своего дела отреагировал Димка и вполголоса добавил. – А не отмоется, сам знаешь, чего будет. То же, что и с тушами. Может, забыл?

– Да не забыл я. Все равно мы не успеем. Вон, сколько жира. А вода холодная. Не успеем Димон, – Вилли поднялся и замахал руками, – не могу я больше. Все.

– Да ты что, чокнулся, что ли. Леван сейчас придет проверять. Опять по роже захотел? – Огурцов принялся уговаривать Вилли, но тот был не умолим, – не могу. Сил нет. И вообще, у меня старший – начальник столовой, а не Биадзе. Я к начальнику пойду. Пусть он мне другое задание даст.

Вилли выскочил из холодильника, громко хлопнув стальной дверью. Огурцов вздохнул: «Придется одному заканчивать. Дурак Вилли».

* * *

Димка припомнил, как буквально несколько дней назад, в прошлый наряд его и Вильшонкова Леван взял помощниками разгружать свиные туши и потом рубить эти самые туши на куски. Огурцов уже знал Левана, потому что тот часто забирал Огурцова и с наряда и из роты на работу в свое хозяйство. Димка знал все, на что был способен этот страшный грузин-кладовщик. Ну, или почти все. А Вилли тогда попал по незнанию в серьезную переделку. В тот раз Леван повел солдат в малый парк, где их дожидалась полковая транспортная машина. Ребята залезли в обитый оцинковкой кунг. Дверь захлопнулась, и ЗиЛ с ревом рванул с места. Водитель-срочник не особенно беспокоился о двух молодых бойцах, которые катались от стенки к стенке по гладкому полу кунга и подпрыгивали на каждой кочке. В кунге не было окна, поэтому Димка и Андрюха не знали толком, куда их везут. Догадывались, конечно, что на какой-то склад. Впереди из кабины раздавался громкий бас Блиадзе. Он что-то весело рассказывал водителю. Огурцов решил, что надо бы ввести Вилли в курс, а не то попадет парень под раздачу.

– Вилли, смотри сюда, – начал Димка. – Ты Левану не перечь и, главное, делай все, что он скажет, ладно.

– Ладно, ладно. А чего будет то? – Андрюха явно не понимал, что это Димка так беспокоится.

– Чего будет? – передернул Огурцов и тихонько сказал: – Плохо будет. Леван не любит, когда делают не по его. Понял?

– Да понял я, понял! – воскликнул Вилли и съехал прямо к самой двери кунга, когда Зилок пополз под гору.

– На склад какой-то едем. Только бы не за тушами. Только бы не за тушами, – забормотал себе под нос Огурцов.

– Чего ты запричитал? Туши так туши. Какая разница.

Машина въехала на территорию склада. Дверь кунга открылась и Блиадзе скомандовал: – Выходи. Приехали.

Четверо бойцов, работников склада лихо забросали в кунг шесть здоровенных свиных туш. Туши были не целые, а половинки. Жирные и скользкие. Огурцов, стоя в сторонке уже прикидывал, как они будут их разгружать.

– Чего встал, рижий. Давай бочки грузи. И ты тощэй тоже давай, грузи, – Леван указал на груды деревянных бочонков подготовленных у входа на склад.

Обратная дорога была уже не такой веселой. Было ясно, что придется разгружать туши, а это очень трудная работа. Димка то знал. Он уже разгружал такие жирные и скользкие туши. Туша всегда норовит вырваться из рук и упасть на землю. Если такое случалось, Леван наказывал за это здоровенной оплеухой.

– Ухо до сих пор болит, – помял опухшую плоть Огурцов и сказал, как будто вспомнил. – Еще Вилли, ради Бога, не урони тушу, когда разгружать будем.

– Да ладно, не уроню. Чего ты разнылся?

Через некоторое время Зил подкатил задом к холодильнику гарнизонной столовой, и началась разгрузка. С бочонками быстро управились. Разгрузили и закатили их в низкий сводчатый погреб под варочным отделением. В бочонках была соленая рыба, которую потом долго отмачивали, прежде чем зажарить для солдатского ужина. А вот туши. Жирные и скользкие, которые всегда норовили выскочить из рук и упасть на землю. Димка держался до последнего, вцепившись мертвой хваткой в стремительно тающую свинину. А Вилли, конечно, упустил несколько раз свой край на землю, за что и получил от Левана сполна. Туши сваленные в холодильник все еще продолжали таять, испуская жир и коричневую кровь на пол, а Вилли сидел в углу и тихо постанывал, проглатывая ком подкатывавший к горлу снова и снова и утирая грязной ладонью накатывавшие слезы.

– Я тебе говорил, Вилли. Я же тебе говорил, – оправдывался, словно извиняясь Огурцов.

– Да ладно, Дим, – всхлипнул Андрюха и спросил надломленным голосом. – А дальше то что? Можно уходить то?

– Если бы. Сейчас Леван вернется, рубить будем. Здесь, кстати, то же самое правило: не уронить.

Димка чувствовал себя экспертом и по Левану и по свиным тушам. Страх получить новую порцию побоев и унижения заставлял Огурцова приспособливаться, ловить каждый взгляд Биадзе, каждое его движение, научиться предугадывать его мысли и хоть как-то защититься от него.

Леван вошел в холодильник, держа в одной руке громадный топор.

– Колёду ставь, – приказал Биадзе, и Димка быстро пододвинул большой деревянный пень к Левану.

– Чего двигаешь? Слабый? Руками ставь. – зарычал Леван и толкнул Огурцова топором в живот.

– Ставь. Ставь. Опять ставь. Сначала. – заорал Биадзе и растопырил пальцы свободной руки, как бы стремясь схватить Димку за

горло. Огурцов поднял тяжелую колоду и потащил обратно. Поставил, а потом потащил к Левану опять. Леван занес топор.

– Туша давай. Быстро давай.

Вилли с одного конца за ногу, Димка с другого конца за другую ногу поднимали еле-еле скользкую тяжелую тушу и потащили на колоду. Пока тащили, Огурцов скороговоркой пытался предупредить Андрюху: Когда разрубит пополам, держи крепко, чтобы половина не упала на пол. Держи крепче Вилли! – почти умолял Димка очумелого от всего этого абсурда Вильшонкова.

Бесполезно говорить, что было потом. Конечно, Вилли упустил свою половину. Конечно, Леван награждал его новой порцией оплеух. Конечно, было очень страшно, когда куски становились все меньше и меньше и Леван опускал свой топор почти в плотную к пальцам помощников. Напряжение и страх так раскалили воздух в холодильнике, что стало жарко.

– Все тут отмыть и колёду тоже, – бросил топор на пол Блядзе и ушел.

Вилли прислонился к стенке и медленно сполз на пол. Димка сел на колоду и вздохнул: ну как тебе туши, а?

– Да ладно, Димон, прорвемся.

– А ты, Андрюх, негнибачный.

– Это точно.

Ребята улыбнулись друг другу и рассмеялись. В этот момент в дверях появился начальник столовой прапорщик Жучков.

– Чего сидим? Наряд сдавать. Быстро. Тафай. Тафай.

– А Леван? Он сказал, чтобы мы тут убивались, – Димка привстал с колоды.

– Да пошел он, ваш Леван, – Жучков махнул рукой. – Пусть с нового наряда рабов себе берет. А, Огурцов?

– Так-то оно так, только вы ему об этом скажите, товарищ прапорщик.

– Скажу, скажу, Огурцов, не переживай. Давайте в наряд, живо! – сказал Жучков и пошел в сторону к кладовой Блядзе.

– Правда, отмажет. А, Димон?

– Отмажет. Жучков его терпеть не может. Пронесло Вилли.

Ребята опять засмеялись и поспешили в наряд.

* * *

– Отмыли от крови? – вопрос Блядзе заставил Димку содрогнуться.

– Да вроде бы... – начал отвечать Огурцов.

– Вроде? А второй где? – Леван зашел в холодильник и провел

огромной ладонью по стенке. Потом присел и скользнул пальцами по полу: – Чисто. Ладно. Тэпэрь все. Только второго давай суда. Я ему устрою побэг.

Леван вытолкал Огурцова из холодильника и запер дверь. Огурцов вспомнил, что забыл отмытить колоду: «Только бы Леван не заметил. А, все равно заметит».

Димка помрачнел и побрел в кухню. В наряд. В кухне с важным видом расхаживал сержант Субботин и, помешивая сахар в кружке с чаем рассуждал о том, как надо правильно жарить картофан в кули-нарном жире, чтобы было вкусно. Заметив Димку, Субботин остано-вил ход своих рассуждений и прокричал, надвинув при этом пилотку чуть не на переносицу: «Где шаялся, череп? Давай быстро картошку чистить. Там людей не хватает».

В подвале, под варочным отделением у самой настоящей домаш-ней ванны сидели кто, на чем трое бойцов из наряда. Леха Гастев, Мишка Рыжков и Андрюха Костин. Они чистили картошку и швыря-ли очищенную в ванну.

– О, подмога пришла. Садись Огурец. Только чистить нечем. Но-жей нету. Я вот заточку сделал из ложки, – Рыжков показал заточен-ную кое-как ложку.

– Да я с прошлого наряда ножик заныкал, – Огурцов пошарил под подоконником и достал половинку столового ножа.

Димка уселся на перевернутый ящик и принялся за работу.

– А где Вилли, то? – спросил Огурцов

– Варку убирает, а что? – ответил Костин

– Его Леван ищет. Вот он попал. А я ведь ему говорил, – запричитал Димка.

– Если быстро начистим, то картофан получим. Субботин сказал, – Рыжков в предвкушении застолья закатил глаза.

– Ага, получим. Нам две ванны надо начистить. Две. А мы еще одну никак не наберем, – Леха Гастев по прозвищу Гастон вернул Рыжкова на землю и добавил. – И чего ты слушаешь этого Субботина. Картофан он обещал. Себе он картофан обещал, понял.

– Да ладно, мужики, давайте чистить! – воскликнул Костин и от-бросил картофелину в ванну.

– Без подмоги не начистим. Или до самого подъема чистить бу-дем, – отозвался Гастон.

– Вот ребята с варки придут, веселей будет, – Андрюха Костин плюхнул следующую картофелину в ванну.

Минут через тридцать, когда первая ванна была начищена и бойцы пересели ко второй, под варку спустились остальные: Илюха,

Сергея, Филон и Вилли. Работа и впрямь пошла веселей. К трем часам ночи две ванны с горкой были начищены. Старший по наряду сержант Субботин сдержал обещание, велел поварам нажарить для бойцов картофан в кулинарном жире. Наряд разместился в мойке. Расселись по лавкам и перевернутым ящикам, держа на коленках пластмассовые плошки с картошкой. Картошка была зажаристой с красноватой от кулинарного жира корочкой. Вкусная, сочная и хрустящая.

– Эх, мужики, всегда бы так питаться! – воскликнул Рыжков и закашлялся, поперхнувшись картофельной долькой.

– Ты давай переваривай, Рыжков, а не болтай, – приказал Субботин и добавил. – Я в роту пошел. Приду к подъему. Сейчас смена будет с приемного центра, а потом можете поспать, сколько успеете. Все.

За единственным окном моечного отделения чернело ночное немецкое небо. Осенний ветерок покачивал каштановые ветки, которые прислонялись к оконному стеклу при каждом порыве. Воцарилась тишина. Ребята, наевшись, побросали плошки в ванну с горчицей и устраивались на стеллажах и скамейках ко сну.

– Димка, сейчас бы домой. В домашнюю постельку! – воскликнул Илюха, закручивая поудобнее засаленный бушлат под голову.

– Молдавский, в домашнюю постельку захотел. Размечтался, – прошипел Филон и зевнул, широко открыв рот.

– А чего, я бы от домашней постельки не отказался, – сказал Димка Огурцов и закрыл глаза.

Через несколько минут в мойке все спали. Ночью приходили бойцы со смены. Поели быстро и ушли. Огурцов с Молдавским раздавали им ночной паек, а Вилли с Костиным мыли плошки и стальные эмалированные кружки. Остальных не будили. Жалко. Управившись со сменой, пацаны вернулись к своим топчанам. До подъема был еще часок времени, чтоб поспать.

Огурцов только сел на скамейку, как уставшее тело само завалялось на бок, а голова уткнулась в грязный ватник. Уснул. Во сне Димка мыл посуду, чистил картошку и тер тряпкой жирную кровь на полу огромного холодильника. В холодильнике было почему-то жарко и душно. У самой двери стоял Леван и кричал с сильным грузинским акцентом: «Колёду ставь. Руками ставь. Тушу не упусти. Рижий».

Потом Леван почему-то исчез. Пропал и холодильник. Димка с красной от крови тряпкой очутился в самом центре плаца, и увидел, как с краю мчится прямо на него огромная жирная свиная туша. Мчится, как человек, на двух ногах, сверкает на солнце щетиной на боках. Вот-вот прихлопнет Огурцова на всем скаку. Димка за-

метался по плацу, убегая от туши, размахивая перед собой кровавой тряпкой.

– Димка, тряпку брось. Свинья на кровь бежит, – кричал из окна учебки Илюха Молдавский, – бросай тряпку Димка.

Огурцов слышал Илью, но не мог ничего поделать. Тряпка, словно приклеилась к его руке. Свинья вот-вот догонит Огурцова. Осталось совсем чуть-чуть и догонит. А уж потом точно сожрет, не помилует.

– Димка! – кричит из окна Молдавский. – Димка, спасайся!

Димка падает на бетон плаца, переворачивается на спину, закрывает лицо тряпкой и кричит что есть мочи: «Уйди туша! Уйди туша!»

Но туша не уходит. Напротив, туша бросается на Огурцова и бьет его передней конечностью прямо по опухшему уху. Бьет еще раз и еще, от чего тряпка, которой прикрывался Димка, снова стала влажной от крови. Вдруг Огурцов услышал, как свинья завопила знакомым голосом с грузинским акцентом: «Почему кровь не отмыл, рижий. Почему колёду не отмыл, огурэц гребанный. Где второй? Где Вилли гребанный?»

Димка проснулся.

Отпуск

Огурцов лежал неподвижно под холодным войлочным одеялом, придавленным двумя шинелями. В казарме было жутко холодно. Над кроватями поднимались завитки пара от горячего дыхания бойцов. Яркий свет из коридора слепил Огурцову глаза. Он не спал. Не мог заснуть. От холода, наверное, но больше от мыслей, которые кружились в голове в зловещем танце. Огурцов уже больше полугода прослужил в армии и должен был бы уже привыкнуть к холоду, голоду и остальным тяготам и лишениям воинской службы, которые, как учил устав, советский солдат обязан стойко переносить. Огурцов и переносил стойко, как мог. Но вот то, что он никак не умел выносить, так это унижения и грубость. Причем унижения и грубость не прямого

Пояснения к тексту:

Фишка – пост перед входом в караульное помещение.

Говорить «засом» – говорить невнятно, непонятно.

Фазан – обозначение принадлежности к 3-му периоду службы.

НачПО – начальник политотдела полка.

Приемный центр – основное место несения боевого дежурства.

Папа – командир полка.

действия против именно Огурцова, а вообще унижения и грубость вокруг, растворенные в армейской атмосфере.

Огурцов медленно, чтобы не впустить холод внутрь постели перевернулся набок. На соседней койке храпел Вильшонков. Огурцов смотрел несколько минут на неподвижное лицо Вилли и как-то незаметно для самого себя уснул. Ему снился дом. Звучала музыка. Папа делал бифштексы. А мама читала книгу. А он, Огурцов, смотрел на все это счастье как бы сверху, со стороны. Во сне Огурцов закричал: «Мама! Папа!» Но родители его крика не слышали и продолжали спокойно делать свои обычные домашние дела. Огурцов не унимался и кричал и кричал, снова и снова. Он боялся, что умер, что никогда больше не вернется домой, к родителям.

– Мама, я здесь! – кричал Огурцов. – Папа, я рядом!

– Ты че, Огурец, свихнулся что ли? – сержант Субботин рывкнул так, что Огурцов проснулся и стал испуганно озираться по сторонам.

– Разорался. Давай спи, слоняра, – сержант со злостью ударил сапогом по под рабицу кровати так, что Огурцов подскочил от неожиданности.

Димка спрятался с головой под одеяло и закрыл глаза. Субботин, звонко стуча набойками на сапогах, вышел из кубрика.

– Пронесло, – прошептал Огурцов и снова провалился в сон.

«Первая рота подъем» – с силой тревожного набата пронеслось над кубриком, повторяясь эхом на остальных двух этажах казармы. Огурцов вскочил, схватил зубную щетку с пастой и помчался, периодически спотыкаясь о чьи-нибудь ноги, тычась в чьи-нибудь спины в умывальную. В умывальной он столкнулся с Капустиным. Толик огрызнулся: «Огурец, смотри у меня. Сегодня получишь».

Огурцов пристроился рядом, так как отступать было некуда: все умывальники заняты намыливающимися, бреющимся, умывающимися бойцами. Димка, намазывая пасту на щетку, хотел сказать: «да ладно, Толь, чего ты?» Но не мог, слишком далеко все зашло.

После развода Димка вошел в казарму чуть позже остальных. Задержался на крыльце. В воздухе пахло осенью. Свинцовое небо низко нависло над городом. Несколько ворон то садились на каштаны, то взлетали с них. Или это были не вороны, а какие-то горлицы. «Не знаю», – подумал Огурцов. Осень, гарь, холод, Мерзбург. «Домой хочу», – еще подумал Огурцов и отвернувшись от осеннего неба вошел внутрь казармы. У туалета стоял ухмыляющийся и злой Капустин: «Иди сюда, Огурец. Время твое пришло». Димка сверкнул глазами, попытался изобразить смелость и гнев, и шагнул в туалет за Капустиным.

– Ладно, Толь... – начал, было, Димка, но не закончил фразу, получив кулаком прямо в глаз. Огурцов не упал, а только отшатнулся от удара к окну. Сразу как-то помутилось в голове и безобразные «чаши Генуя» запрыгали вниз вверх, как при качке.

– Еще хочешь? Сам напросился, Огурец. – Толик не унимался и занес кулак для второго удара.

Димка очнулся и встал в боксерскую стойку. Капустина это только подзадорило: «Да у нас тут боксер. Сейчас под второй глаз поставлю. Боксер».

Но Огурцов больше не дал себя ударить. Он защищался, как мог, отбивая бледные кулаки Капустина, которые вдруг показались маленькими, почти женскими с острыми худыми костяшками. Димка разозлился. Он негодовал. «Ведь я не хотел драться. Я не думал, что мы будем драться. Я не ожидал драки, поэтому и пропустил удар. Гад ты Капустин», – вертелось в Димкиной голове, как смерч.

В туалет ввалилась группа бойцов.

– Хорош, мужики! – воскликнул кто-то.

– Давай разнимай их! – поддержал другой.

Драчунов растащили по углам, как бойцов на ринге. Драка закончилась. Капустин тут же выбежал из туалета, а Огурцов остался. Он стоял, прижавшись к оконной раме, и почти плакал. «Я домой хочу», – шептали неслышно губы: «Домой».

– Чего ты с дураком связался, Димон, – успокаивал Вилли, – пойдем в кубрик, там посидим.

Огурцов дружил с Капустиним. Хотя они совершенно не походили друг на друга. Общего у них было мало. Но армия, трудности, совместные переживания сближают, наверное, даже трудносближаемое. Димка Огурцов и Толик Капустин ходили в одну смену на боевое дежурство. Запертые в серых стенах приемного центра, они проводили там шесть часов с перерывом опять-таки в шесть часов. Сидели за своими постами и крутили ручку радиоприемника. И так, каждый день. Шесть через шесть. С ума можно было сойти. А тут еще старослужащие со своими придирками: то не так, это не так, честь плохо отдал, пост плохо убрал. Частые оскорбления и подзатыльники создавали невыносимую атмосферу страха и замкнутости каждого молодого бойца в себе. Когда оставались на смене одни, уходил куда-нибудь старший смены, а еще лучше, если вместе с ним исчезал и начальник смены, расслаблялись, как могли. Слушали музыку, даже играли в картишки, припрятанные до счастливого момента в приемнике. Все расслаблялись, Стас Осназ,

Толик, Огурец, Вилли, кроме Коли Зорина, Зора. Зор сидел неподвижно и только позволял себе прикрыть глаза. Капустина это злило. Толик стал цепляться к Зору постоянно. Зор невозмутимо проглатывал оскорбления раз за разом. А в тот раз не проглотил: Отстань, Капустин. Хватит уже. Сказал все это спокойным, ровным голосом, что еще больше взбесило Капустина.

Раз. Ударил Капустин Зорина ладонью по голове. Два. Ударил еще раз по касательной. Зорин свалился с кресла и остался лежать на полу, поджав к груди колени.

– Да что ты, Толян, с ума что ли сошел, – заступился Огурцов, – чего ты его так.

– Сам хочешь! – вдруг взвизгнул Капустин, – и тебе достанется.

Слово за слово. Началась перебранка. Дружбе конец.

– Старший идет. По постам, мужики. Тихо! – Вилли отскочил от дверного проема и прилип к стене у своего ЗАСа.

– Повезло тебе, Огурец. После получишь! – только и успел процедить сквозь зубы Капустин, как в дверь вошел сержант Богданов.

Со смены шли, молча, как враги, но, тем не менее, Огурцов не верил в будущую драку с Капустиным. Все-таки, друзья же были.

– Вот именно, были! – подумал про себя Димка.

Потом была ночь, бессонная, спутанная, холодная. Потом был развод, а потом была драка. После драки, Огурцов вышел из туалета вместе с Вильшонковым.

– А ну стой, Огурцов.

– Черт, замполит! – узнал голос Димка и повернулся на каблуках в сторону Семененко.

– Ну ка, повернись к свету. Это чего? Под глазом чего? Спрашиваю, – Семененко начинал нервничать. – Второй кто? Вильшонков? Ага, давай вместе вниз в каптерку.

Тут все и началось. Расследование. Откуда синяк? Кто дрался? Зачем дрался? Через несколько минут замполит все узнал. А Димке скрывать было нечего.

– Это хорошо, что ты за товарища заступился. Это хорошо. Плохо, что подрались. Что синяк. Это очень плохо! – Сэм засуетился, как всегда в предвкушении разбирательства на более высоком уровне.

– Я должен ротному доложить. И начПО. Ты же понимаешь. Я должен.

Пока он тараторил, привели Капустина. Толик стоял у входа в каптерку, взъерошенный, напуганный.

– Дежурный по роте на выход, – не успел прокричать дневальный, а начальник политотдела полка уже сбежал по ступенькам в подвал. Не

дойдя до двери в каптерку, забасил: «Семененко, давай бойцов в канцелярию к Хайрулину, что я по ступенькам буду бегать».

В канцелярии Димка и Толик сидели рядом, как подсудимые. НачПо Шиян что-то долго говорил об обязанностях воина ГСВГ, Хайрулин в это время моргал глазами и периодически вздрагивал, когда Шиян повышал голос. А Сэм стоял в дверях канцелярии и пританцовывал. По его сияющему лицу было видно, что он на подъеме и вот-вот его талант воспитателя и замполита раскроется во всей красе.

– Семененко! – вывел из сияющего состояния замполита Шиян. – Это твой просчет. Плохо знаешь, чем живут бойцы. Почему не предупредил мероприя... событие, а?

– Да я, я и... – начал Сэм.

– Я, я, работать надо в роте! – махнул рукой НачПО и, хлопнув дверью, вышел из канцелярии. Повисла пауза, но недолго. Дверь резко распахнулась. Шиян вернулся.

– Вот папа узнает, будет тебе я! – воскликнул НачПО и, наконец, ушел совсем.

– А па...па узнает, – сказал Хайрулин и добавил, проглатывая буквы и целые слова. – Эт...и...х под ар...ест. В карау...лку. Вс...се.

Ночь Капустин и Огурцов встретили в караулке. Вернее в обезьяннике, как называлась бетонная камера-клетка в караульном помещении. Они сидели, молча, стараясь не встречаться глазами. Но это было довольно сложно, потому что обезьянник был такой маленький, тесный, что нет-нет, да и упрешься глазами в сокамерника. В караулке мимо камерной решетки сновали бойцы, то в сушилку, то в комнату отдыха. Когда приходил или уходил караул, коридор наполнялся сырým и холодным осенним воздухом из-за долго открытой настежь двери. Тогда Димка ежился и украдкой поглядывал на Толика – холодно ли ему тоже? От того, что и Капустину холодно Димке становилось как-то легче. Караульные из чужой роты совершенно не интересовались заключенными, проходили мимо, болтая о своем, жуя припасенные куски сала с белым офицерским хлебом. Запах еды и чавканье караульных сводили с ума Капустина и Огурцова.

– Эх, чайку бы сейчас. А, Димка! – совсем незлобно, а напротив жалобно протянул Толик.

– Это точно. Было бы здорово! – ответил Огурцов и встал с ледяного бетонного пола на ноги. Димка потянулся и схватился руками за металлические прутья решетки. Через несколько секунд поднялся и Толик и тоже встал у решетки.

– Эй, мужики! – воскликнул Капустин, обращаясь ко всем караульным сразу, – угостите арестантов горяченьким.

– Сейчас я тебя угощу, – откликнулся здоровяк, высунув чубастую голову из сушилки, – горяченького захотел. Видали.

В сушилке здоровяка поддерживали и все вместе весело заржали.

– Фазаны. Сволочи из четвертой роты. Бесполезно, – сказал Толик и еще крепче вцепился в прутья. Потряс решетку на себя от себя.

– Не поддается, гадина, железная.

– Да ладно, Толь.

– Ишь, смотри, как голубки сидят. А-аа. А-аа, – пошутил, позевывая старший прапорщик Марков, вышедший из комнаты начальника караула.

– Как там, в песне-то: сидите, сидите, сидите, – продолжил приставать Марков.

– Там летите, летите, летите, – вполголоса процедил Димка.

Марков услышал: «Вот именно. Правильно. Летите. Щас папа придет, и полетите за неуставняк, орлы сизокрылые. И от решетки отошли, умники».

Димка с Толиком медленно расцепили от прутьев, успевшие заостенеть пальцы, и попятились вглубь обезьянника, чтобы не видеть сволочных фазанов и злобного Маркова, хотя, в общем-то, они во всем правы. Сами виноваты, а тюрьма это вам не санаторий.

Где-то под утро в камеру завели сержанта Кирпикова. Арестанты в этот момент спали сном праведников, примкнув, друг к дружке головами. Кирпиков растолкал бойцов и уселся между ними. Предвкушая вопрос, Юрка Кирпиков промышчал: «Потому что я ваш командир отделения, придурки. Только со смены пришел, а меня хватить и в караулку. Я ночь на смене был. Спать хочу, как.... тюлень».

Кирпиков не унимался. Он минут десять рассказывал, как ему тяжело живется. Как он вообще устал от жизни и от таких вот придурков.

За полчаса до подъема прозвенел звонок.

– С урока или на урок? – спросил Димка у нянчки, которая всегда сидела на стульчике в коридоре первого этажа школы.

– с фишки, – ответила нянечка, подняв указательный палец вверх и многозначительно улыбнувшись.

– С какой такой фишки. Что за бред? – не понял Димка

– С той самой. Самой что ни на есть. С фишки, – нянечка теперь крутила тем же пальцем у своего виска, – с фишечки. Так вот.

– Что вы говорите? Что это за фишка? – запричитал Огурцов и вдруг понял: Ах, фишка. Ясно. Фишка.

– Фишка. Фишка. Да проснись ты уже! – Кирпиков толкал Димку за плечо все большее и большее.

Капустин уже стоял, у решетки. Встал и Огурцов с Кирпиковым. Начальник караула Марков медленно отпирал засов, машинально поправляя португезию, бубня про себя, как заклинание: папа, папа, папа.

Когда Марков все-таки открыл дверь, квадратная фигура папы уже удалялась, кряхтя от караулки.

– Медленно, кхх хх, прапорщик, кх хх х, отпираешь. На вторые сутки, кхх хх, – кряхтел удаляясь папа, переваливаясь, с боку на бок, как старый издававший виды боцман.

Марков побледнел. Хотел что-то сказать, оправдаться, но слова застряли у него в горле. Он так и стоял, молча, вглядываясь в утренний туман, пытаясь различить командира. Но Косолапов уже исчез в густом, словно сечка тумане.

– Товарищ старший прапорщик, товарищ полковник приказал арестованных на плац под конвоем, – вернул Маркова к действительности караульный на фишке.

– Ясно, – не совсем убедительно произнес начальник караула и притворил дверь.

– Сейчас, товарищ старший прапорщик! – часовой вцепился в ручку двери.

– Чего сейчас? – заревел из караулки Марков

– Арестованных на плац, сейчас. Папа ждет на плацу.

– Папа? А... папа! – Марков надвинул фуражку на брови искомандовал, неожиданно громко и грозно: «Отдыхающая смена-а! Люткин, Перваков, Дрозд выводи арестантов».

Кубическая, приземистая и крепко стоящая в мягких хромовых сапогах папина фигура выплывала из тумана, как фашистский танк. Даже командирское кряхтение издали походило на лязг вражеских гусениц.

И вот туман резко отступил в стороны, образовав воронку, в которой сошлись друг перед другом Косолапов, Капустин, Огурцов и Кирпиков. Караульные, ведомые звенящим набойками Марковым, уходили прочь, обратно, в туман.

– Кхх...хх... – начал Папа, медленно извлекая из кобуры именной пистолет, – застрелю. Кхх..хх. Здесь, на плацу. Как...Кхх..хх. И все.

Бойцы затряслись, как березовые ветки на ветру и теснее прижались друг к другу. Командир тыкал дулом перед собой и все больше мешал кряхтение со словами. Понять его было не возможно. В тесном туманном колодце воздух быстро вытиснился алкогольными парами, исторгающимися из папиной глотки. У Кирпикова закружилась голова и он начал за-

метно постанывать. У Капустина загорелись дьявольским блеском глаза от предвкушения интересной развязки: «В кого-то это дуло выстрелит». А Огурцов пытался понять командирский бред, отсекая кряхтение и урчания, составляя из пойманных звуков слова, но получалось плохо.

– Кирпиков. Уууу....Кхх. Почему я могу застрелить бойца? Где... Кхх...хх..в уставе это сказано?...Уууу, – Косолаповские междометия отскакивали от белесой стены тумана и больно ударялись в уши арестованных.

Кирпиков начал было стонать наизусть Общевоинской Устав с самого начала, буквально с обложки.

– На поле боя.... Уууу, – прервал его криком командир, – кхх...хх. В боевой...Ууу...обстановке...для предотвра...щения.Уууу...Кхх измены.... Имею права....Кхх... Уууу... применить табельное оружие, – последние три слова папа произнес так четко, что у всех души упали к пяткам.

Папа продолжал: «Не знаешь сержант Устава не хрена....Уууу...Кхх».

– Боец, – обратился Косолапов к Капустину, – дуй в роту.... Ууу... за Уставом.

Пока Толик бегал за Уставом, туман почти рассеялся, а папа подобрел.

– Так ты молодого защищал? Молодец! Как фамилия? Кххх...хх.

– Рядовой Огурцов товарищ полковник.

– Рота? Ууу...кхх.

– Первая рота товарищ полковник! – Огурцов вытянулся по стойке смирно.

– Уже прибежал! – заметил запыхавшегося Капустина Папа. – Давай теперь в первую за Хайрулиным. Командир разошелся не на шутку.

Капустин прибежал обратно вместе с капитаном Хайрулиным, командиром первой роты.

– Хкк..Кхх.. так он молодого бойца защищал. В отпуск его отправляй. Понял? – скомандовал Косолапов

– Так точно. В отпуск, товарищ полковник.

Хайрулин завел Огурцова в ленкомнату и прошипел, глотая и гласные и согласные, подергивая Димку за рукав хэбэшки: «Хрен т...бе, а не отпу...к. В н..ряды пойдешь чер...з сутки, у..род. Св...боден».

Когда Хайрулин говорил засом, значит он был не совсем трезв, а значит спорить с ним бесполезно. Да и как спорить с ротным.

– Хрен, значит хрен, а не отпуск, – промямлил себе под нос Димка и выскочил из ленкомнаты. По коридору, сверкая застиранными кальсо-

нами носились бойцы. В роте – подъем. Все как обычно. Капустин уже с кем-то сцепился в кубрике. Даже на крыльце, куда вышел Огурцов, было слышно, как Толик кому-то выговаривал за постель. Димка посмотрел в сторону плаца. На центре, как забитый гвоздь выделялась фигура Кирпикова с книжкой в руках. Он читал вслух Устав и боялся прекратить чтение и уйти, хотя папа наверняка забыл про свое наказание и вообще про Кирпикова, про Огурцова, про Капустина и уж точно про отпуск.

Свинарник или завод Мессершмитта

Свинарник

Стеша и Великий появились в первой роте в ничем не примечательный день поздней немецкой осени. Они вошли в коридор казармы в сопровождении полкового овощевода и животновода прапорщика Охрицкого.

– Тихо, тихо! – махнул рукой Охрицкий на попытку дневального вызвать дежурного по роте.

– Ротный на месте? – спросил прапорщик и не дожидаясь ответа протолкнул вверенных ему бойцов в канцелярию. Так рядовой Стещенко и рядовой Величко прописались в первой боевой роте на должностях свинарей. Надо сказать, свинари народ особый. Вечно они попадали в истории. То учудят что-нибудь совсем не комсомольское над местным населением, то просто напьются и валяются неделями вместе со своими подопечными свиньями. Конечно, свинарей постоянно воспитывали, ловили с поличным и в итоге меняли на новых. Но все повторялось опять, как по волшебству.

– Место это такое, проклятое! – почесав затылок, сболтнул как-то не к месту Андрюха Сергеев.

– Давай, давай, ври больше! – воскликнул Ахахлин, бывалый боец, втайне мечтающий о ссылке на свинарник. Так или иначе, Стешу и Великого отправили принимать наряд на свинарник. А принимать то было что. Две-три жирных свиньи, шатающихся по территории и главное – закрома полка – бездонные сырые подвалы со сводчатыми потолками, где хранились полковые овощи, выращенные на своем полковом огороде.

Замполит Семененко звонко стуча набойками по отполированному полу казармы пробежал расстояние от входа в казарму до входа в

каптерку наверное за секунду, на ходу улыбнувшись Криванчику на тумбочке вместо уставного приветствия. Сэм был на взводе. Он любил отвлеченные действия и просыпался при малейшей возможности забыть про свои непосредственные обязанности.

– Огурцов! – пропел Семененко, влетая в каптерку: «Сейчас, в город пойдем».

– Отлично. Вернее, есть в город, товарищ старший лейтенант! За красками? – оторвался Огурцов от книжки.

– Да какие там краски. Парфюм жене надо купить. У нее завтра день рождения, – ответил Сэм, начищая сапоги гуталином. Огурцов по-хозяйски запер каптерку и вышел вслед за замполитом к тумбочке дневального.

– Смотри, Криванчик, не спи, – пошутил Огурцов.

– Сам смотри, а то увидишь, – попытался сострить в ответ Криванчик. Время было перед ужином. По коридору взад и вперед сновали солдаты, напоминая Огурцову о «броуновском движении», которое он основательно подзабыл за полтора года в армии. Как здорово было отправиться в благоухающий цветами, вечерний город. Да! А не торчать в казарме в ожидании построения на ужин.

– А вот поужинать было бы неплохо, – подумал Огурцов и мысленно плюнул: «Хрен с ним, с ужином». В тот момент, когда Огурцов мысленно плевал, а Семененко взялся за ручку входной двери их остановил громкий командный бас Рудакова: «Замполит и комсорг здесь, кстати. Отвести новых свинаярей на свиарник к месту несения службы. И там, не забудьте про инструктаж, но вы знаете».

– Вот тебе и прогулка в город. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! – подумал Огурцов и как-то совсем невзначай взглянул на Криванчика, который всем своим видом издевался на Огурцовым.

– Да пошел ты! – сказал вслух Огурцов и поплелся за Семененко. Они шли как конвоиры в молчании и думах. Огурцов мечтал о городе и живущих в нем девушках. Замполит вспоминал название любимых духов своей любимой жены. А свиарники шли бодро по брусчатке гарнизона, весело обсуждая свою будущую жизнь на свиарнике.

– Завтра сходим, – сказал громко и уверенно Семененко, обращаясь и к Огурцову и ко всем остальным. Между тем четыре фигуры вышли за территорию гарнизона. Дырка в деревянном заборе и означала выход из гарнизона. Огурцов зацепился голенищем сапога за ржавый гвоздь и ели слышно выругался. Все четверо повинуюсь какому-то далеко запрятанному внутреннему чувству, замерли за границей воинской части. Перед ними расстилалось бескрайнее поле, полное разноцветных трав и дурмящих слегка пожухлых цветов. Солнце еще не сяди-

лось, но уже окрасило горизонт ярко оранжевой полосой. Совсем скоро наступят тихие немецкие сумерки.

– Красота-то какая! – протянул Сэм.

– Да! – согласился Огурцов.

– Ну что, пошли уже? – вернул партийный актив к действительности будущий свинарь Величко. Они шли по узкой тропинке, убегающей от них в зарослях густой травы. Иногда из канавки, утонувшей в осенних цветках, с шумом вылетал вальдшнеп.

– Эх, ружьишка нет! – сожалел Стеша, вздыхая. Как-то совсем незаметно тропинка побежала вдоль кривой и ржавой ограды из колючей проволоки. А за оградой синели в приближающихся сумерках силуэты РАС.

– Стой говору, стой кто там идот, смотри стреляю, слышишь, а. Четверо замерли, прислушиваясь к голосу невидимого караульного. Вдруг из-за кунга показалась маленькая фигура с автоматом наперевес.

– Ну напугал, чтоб тебя. Своих не узнаешь? На свинарник идем, – скороговоркой прокричал Сэм.

– Летуны, вы? – то ли спросил, то ли воскликнул караульный, подойдя поближе. Парнишка был точно из Средней Азии. Даже в наступающих сумерках ему трудно было скрыть свой природный загар.

– Да, да, летуны, летуны, – ответил Огурцов и резво шагнул вперед вдоль «колючки» к свинарнику. Невесть откуда взявшийся холм заставил четверку карабкаться, вверх цепляясь за тонкие стволы кустарников. С холма они увидели свинарник. Чудесное зрелище открылось их неискушенным взорам. Огромные каменные стены, местами серые, местами черные обозначали периметр здания, у которого в буквальном смысле сорвало крышу. Ее нигде не было. Внутри за стенами прятался и стремился через оконные и дверные проемы фруктовый сад, яблони, груши, сливы. А среди этого фруктового великолепия в окружении нескольких заросших сорняком грядок стоял маленький дом-мазанка.

– Вот он – свинарник! – сказал Семененко и лихо помчался с холма, рискуя свернуть себе шею. Дверь в домик свинарей оказалась распахнутой настежь. В домике пахло запустением и сырой картошкой.

– Пивом пахнет! – уловил неуловимое рядовой Величко, предвкушая будущее.

– Ну, располагайтесь, пожарная безопасность сами знаете. Книжки из ленкомнаты, журналы там, газеты все на месте, – обнаружив кучу макулатуры в углу на тумбочке, воскликнул замполит и не думая ни секунды добавил: «Огурцов, завтра боевой листок здесь повесишь».

– Нет завтра мы в городе, а ну после обеда сделаешь, – вспомнив о шопинге уточнил Семененко. Огурцов молча, согласился.

– А где свинья, чего-то ее не видать? – задал уместный вопрос Стещенко.

– Спит уже! – пошутил Семененко и добавил. – Завтра отыщете. Их тут три должно быть, наверное. Завтра Охрицкий приедет все вам про свиней расскажет и про овощехранилище и про все остальное. Скоро темно будет совсем, пошли в роту Огурцов. Про боевой листок я тебе сказал.

Сэм фамиллярно схватил за рукав комсорга, и они вышли из домика. Обратная дорога была наполнена стрекотом и жужжанием ночных насекомых, урчанием в животе Огурцова о не съеденном ужине и приятными мыслями об утреннем походе в город.

– Я ж забыл совсем, я ж в наряд завтра заступаю, – почти закричал Огурцов вслед шагающему впереди Семененко.

– Ну ладно заступишь, – равнодушно сказал Сэм.

– А как же боевой листок? – всхлипнул Огурцов, подумав об утреннем походе в город.

– А кто расписывал? – спросил Семененко.

– Да вы, кажется, и расписывали, – с укоризной ответил Огурцов.

– Нельзя сорвать доведение боевого листка до личного состава. Хотя ты до наряда вполне успеешь нарисовать, а отнести вряд ли. Ладно, утром заменю тебя. Кто у нас там свободный? Костин? – решил Семененко, и проворнее прежнего зашагал к части.

Художник

У здания казармы комсорг с замполитом разошлись. Каждый пошел своей дорогой. Огурцов вбежал на ступеньки крыльца и скрылся за тяжелой дверью здания. А Семененко продолжил путь в сторону КПП. Огурцов поболтал с дежурным по роте Ваней Левшицем о том, о сем, и спустился в каптерку. Через несколько минут звонкий голос Капустина с тумбочки дневального приказал всем строиться для вечерней прогулки. Рота шумно вышла из казармы. Горизонт уже окрасился красным с оранжевым цветом, а воздух пьянил ароматом отцветающих трав. Настроение у всех приподнятое, совсем скоро отбой. Огурцов только успел разложить кисти и откупорить банки с краской, как в каптерку постучали.

– Димон, пошли погуляем, песни попоем! – звал наружу знакомый голос Андрюхи Костина.

– А-а, сейчас иду, – протянул в ответ Огурцов и, прикрыв банки с краской, чтоб не засохла, вышел в темный коридор подвала.

– Привет, как жизнь, с утра тебя не видел? – спросил Огурцов Костина.

– У особиста торчал, потом к экзаменам готовился.

– Когда уезжаешь?

– Недели через две-три, точно не знаю.

Рота уже построилась, когда из казармы выскочил взъерошенный Кадаш и скомандовал: «Шагом марш!»

Солдаты вышли на плац, по которому уже двигались колонны бойцов из других рот. Затянули песню. Хорошо.

«Вот бы увидеть это из космоса!» – подумал Огурцов и улыбнулся. Всю ночь Огурцов провел в каптерке, склонившись над столом. Огурцов любил рисовать и частенько проводил ночь за этим занятием. Иногда он поднимался на этаж – помыть кисти или набрать воды для разведения красок. В полку знали его увлечение, и ответственные офицеры не тревожили Огурцова своими проверками.

Каптерщики

Утро Огурцов встретил в каптерке. Он так и не ложился всю ночь. Уснул лишь под утро, с удовлетворением от выполненной работы, (картина сохла на столе) растянувшись, как мог на кривоногом старом кресле, притащенном с немецкой свалки. Огурцова разбудил не громкий вопль дневального «подъем», а Тарасенко, зашедший взглянуть на шедевр.

– Как это у тебя получается, Димка?

– Не знаю, – растирая глаза и потягиваясь, ответил Огурцов

– Мастерство не пропьешь! – зачем-то добавил он и стал приводить себя в порядок.

– Слушай, дай я тоже чего-нибудь нарисую.

– Давай.

– Отлично, когда?

– Да хоть сейчас, вместо зарядки.

Огурцов достал из шкафа чистую картонку и протянул Олегу

– Рисуй.

Тарасенко уселся за стол, положил перед собой картонку, на мгновение задумался, взял из банки кисточку и, обмакнув ее в желтую краску начал творить.

– Надо замок снаружи повесить, а то Жучков все грозитя проверку устроить, как деды вместо зарядки в каптерках отсиживаются.

Димка приоткрыл дверь и позвал:

– Игорь, Ломего.

Напротив, с присвистом отворилась дверь, и в темный коридор подвала выглянул суровый на вид солдат.

– А, Димон, чего хотел?

– Игорь, закрой нас снаружи на замок, чтоб старшина не застукал. Ломего плотно закрыл дверь и навесил замок снаружи.

– Все, теперь не достанет.

– Откроешь на завтрак, ладно?

– Ладно, ладно. Сидите тихо! – со знанием дела сказал Ломего и скрылся в своей каптерке.

Тарасенко с увлечением водил кистью и радовался каждому мазку краски, как ребенок.

Огурцов дочитывал статью из «МК», присланную отцом. На столе среди банок с красками закипала вода для чая. Нехитрый самодельный кипятильник из нескольких рядов лезвий «НЕВА», нанизанных на огрызок карандаша покрылся белой насыщенной пузырьками пеленой, которая рванула с ревом вверх к горлышку, наполненной до краев литровой банки. Что-то загудело, затрещало, в банке сначала начался водоворот, затем поднялась буря. Вода закипела. Огурцов достал кипятильник и запрятал его куда-то вглубь шкафа. Отодвинув несколько книг на полке, Димка нашел заварку в смятом бумажном кульке и начатую пачку сахара. Сыпанув горсть заварки в банку с кипятком, Огурцов, бросив взгляд на картонку Олега, похвалил:

– Молодец, хорошо получается, это что?

– Это солнце! – ответил Тарасенко и ученическим почерком по воображаемой дуге сверху написал: «Я завтра приду». Большую часть картонки занимал яркий красно-желтый полукруг, над которым и была надпись.

– А давай, я еще порисую?

– Конечно, рисуй, сколько хочешь.

Внезапно раздались шаги на лестнице, ведущей в подвал. Набойки на сапогах выдали приближение старшины Жучкова. Жучков нарочито громко спускался на ходу, объявляя «старичкам» приговор:

– Попались, всех спалю. Старыми стали. Сейчас я вас.

Огурцов потушил свет.

– Тихо.

Жучков двигался по подвалу медленно, натываясь на всякий хлам и спотыкаясь в темноте.

– Сколько раз можно говорить, чтоб лампочку ввернули.

Огурцов с Тарасенко давились от смеха, рискуя выдать себя.

– Огурцов! – дернул за ручку двери старшина.

– Тафай, тафай открывай, я знаю, что ты в каптерке, – смешно косил под немца Жучков.

– Там же замок с наружи, как я могу быть здесь. Вот дурень! – трясся от смеха Огурцов.

Старшина тряс дверь еще несколько минут не забывая периодически угрожать Огурцову и «кто там с тобой» расправой. Пнув безмолвную дверь каптерки замполита, Жучков переключился на свою каптерку, которая давно была во власти сержанта Ломего.

Постучав в дверь каптерки Ломего, и не найдя сочувствия, старшина смутно представляя свой проигрыш не хотел отступать без последнего боя.

– Ну ладно, допрыгаетесь! – придумал месть Жучков и застучал набойками к выходу из подвала.

– Все, уходит, пронесло! – вздохнул Олег и включил свет.

– Да подожди ты, еще не поднялся.

Жучков поднялся на этаж и нарочито громко закрыл вход на лестницу железной решетчатой дверью. Лязгая ключами, запер решетку на висячий замок. Тут же отворились двери каптерок и в подвал высыпали бойцы, прогуливающие зарядку. Старшего периода были только Огурцов, Тарасенко и Ломего. В каптерке зампотеха, в которую забыл постучаться старшина, отсиживались «фазаны» Лазовский, Горбунов и Круглов.

– Вот попали. Чего делать-то будем, Димка! – прошептал Игорь.

Ситуация была идиотская. Старики вместе с «фазанами» заперты старшиной в подвале во время утренней зарядки. Вот-вот придет Рудаков. Огурцов живо представил во всех красках, как Жучков с ехидной ухмылкой докладывает ротному о расслабившихся стариках, доигравшихся до такого позора. Ротный скомандует «выводи». Жучков отворяет дверь, и мы выходим в белых кальсонах под всеобщий хохот казармы. Позорище-то. Под конец службы. Так думал Огурцов и независимо от мрачных мыслей, другой половиной мозга искал выход из сложившейся дурацкой ситуации.

– Есть! – осенило Огурцова.

– Чего есть, ни хрена нет! – почти заорал Тарасенко.

– Окно есть из подвала, я помню, – радовался Огурцов своему открытию.

– Да, окно было! – подтвердил Ломего – но в чьей каптерке?

– Скорее всего, в каптерке зампотеха, проверим, – Огурцов начал действовать, тем более что времени было в обрез. Лазовский открыл каптерку, и все протиснули свои физиономии внутрь. Каптерка напоминала скорее зланный будуар криминальных авторитетов. Пледы и покрывала с кисточками на немецких старых креслах, ряд пустых заграничных бутылок и несколько плакатов совсем не технического содержания. Но главное окна не было, как и в остальных каптерках. Все опустили руки и приготовились к поражению. Но только не Огурцов.

Он забегал по помещению и, приподнимая и заглядывая за каждую полку и каждый плакат, походил на частного детектива. Вдруг Огурцов остановился напротив вмонтированного в стену телевизора.

– Там должна быть еще комната. Коридор длинный, а каптерка короткая.

– Точно! – проснулся, молчавший до этого Круглов

– Давай мужики, вынимай ящик! – скомандовал Димка и «фазаны» бросились к телевизору. Через секунду телик вытащили, и изумленным бойцам открылся проем в темное заваленное всяким хламом помещение, слабо освещаемое только маленьким окошком почти на уровне земли. Командовать больше не было нужды. Все по очереди полезли сначала через проем в соседнюю комнату, а потом, рискуя порвать кальсоны в узкое окошко из подвала. Последним, как и подобает организатору побега, вылез Огурцов и оказавшись на улице увидел, что рота возвращается с зарядки. Смешавшись с сослуживцами, прогульщики вбежали в казарму и сразу кто, куда. Тарасенко в ленкомнату, Лазовский с другими «фазанами» в кубрик, Ломего пошел ругаться с Жучковым.

– Накой фиг подвал заперли? А мне туда надо, – ворчал Ломего.

Огурцов прихватил полотенце из кубрика, небрежно набросил его на плечо и направился в умывальную. По пути в коридоре он налетел на изумленного старшину. Жучков не поверил своим глазам.

– Откуда ты взялся Огурцов?

– С зарядки товарищ прапорщик.

– А почему рожа не красная?

– А холодно сегодня, осень ведь! – спокойно ответил Огурцов и продолжил движение к умывальной. Жучков провожал его взглядом и выглядел совершенно глупо в фуре, съехавшей на затылок.

– Ну че, мне в каптерку надо, подвал откройте, – привел Жучкова в чувства Ломего.

Жучкову ничего не оставалось, как признать поражение и открыть подвал. Лязгая ключами, он бормотал себе в усы: «Они точно там были, я точно знаю, что были».

Потом пришел Рудаков и другие офицеры роты. Потом был завтрак и развод, все как обычно.

Наряд

Придя после развода в каптерку, Огурцов встретил там замполита. Семененко сидел за столом в фуражке и смотрел в книгу нарядов.

– Ну, кем тебя заменять будем, Огурцов?

– Не знаю, – изобразил равнодушие Огурцов

– Так, Ломего в караул заступает, Малашин на смене, Левшиц меняется, Рыжков с караула. Остается только Костин, но его командир приказал не трогать. Он к экзаменам готовится.

– Да уж готовится. По полку шляется от безделья, – выдал друга Огурцов.

– Давай, зови Костина, – поправив фуражку, приказал Семененко.

Огурцов выглянул из каптерки и на весь коридор подвала, чтоб услышал дневальный, крикнул:

– Сержанта Костина к замполиту.

Через несколько минут в каптерке появился Андрюха Костин.

– Сержант Костин по вашему приказанию прибыл.

– Ладно, ладно. Ну что, в наряд сегодня заступаешь по роте. Некого ставить, все или в нарядах или сменились. Один только ты остался, да Огурцов. Огурцов мне нужен сегодня, поэтому ты заступишь.

– Меня как бы ротный освободил от нарядов, я ведь готовиться должен, – стал оправдываться Костин

– Ну, раз сходишь в наряд не страшно, у тебя еще будет время подготовиться. Ситуация такая, сам понимаешь, безвыходная. Давай, давай, Костин иди, готовься к наряду.

Костин покраснел и стал топтаться на выходе, явно показывая, что он совершенно не согласен с принятым замполитом решением.

– Нет, товарищ старший лейтенант, не могу я в наряд, меня же ротный освободил.

– Да ладно тебе Андрюха. В наряде будешь книжки свои читать. Ты же дежурным заступаешь. Вся ночь твоя, готовься, сколько хочешь, – влез в разговор Огурцов.

– А ты чего лезешь, ты, что ли наряды расписываешь? – огрызнулся Костин и совсем не по-дружески взглянул на Огурцова.

– Да если бы я расписывал ты бы у меня через сутки ходил, – не удержался Огурцов.

– Мы тут все вкалываем, а он ходит, цветочки нюхает! – Огурцов все больше распалялся.

– Все Костин иди, занимайся своими делами, – предвидя никому не нужную ссору, закончил разговор Семененко.

Костин молча вышел из каптерки.

– Ну что идем в город. А вечером на свинарник боевой листок отнесешь. Заодно проверишь, как они там.

– Опять через сутки заступаю, товарищ старший лейтенант, – промывчал Огурцов и добавил:

– Ну и ладно, скоро рота с учений приедет, тогда и отдохну.

Город

В городе было пусто. В это время большинство добропорядочных горожан находились на работе. Семененко и Огурцов неторопливо шагали по тихой улице, которая текла почти по прямой от КПП части до городского вокзала Мерзбурга. На площади перед вокзалом было несколько магазинов. В одном из них Семененко и хотел приобрести духи для жены. А Огурцова привлекал другой магазин. Магазин грампластинок. Огурцов готов был, не сменяясь стоять в нарядах ради нескольких минут нахождения в этом магазине. Он мог часами разглядывать пластинки, медленно двигаясь вдоль прилавка. Огурцов любил музыку.

– Не знаю, как можно жить без музыки! – часто повторял Огурцов, когда встречал равнодушных к музыке людей.

Семененко отпустил Огурцова разглядывать пластинки, а сам отправился за подарком.

Прошли не более двадцати минут, и замполит пришел в музыкальный магазин за Огурцовым.

– Не знаю, что взять. Голова кругом идет. Пойдем вместе посмотрим, – попросил Семененко.

Огурцов согласился, и они уже вдвоем вошли в парфюмерный магазин. Скусающие продавщицы немного оживились, увидев теперь уже двух русских военных.

– Гуттен морген! – поприветствовал продавщиц Огурцов, а Семененко виновато улыбнулся и прошептал:

– Посмотри, что посоветуешь?

Огурцов окинул свежим взглядом прилавки и, остановив взгляд на островке с яркими коробочками, громко спросил, зная ответ наперед:

– А как жену зовут, товарищ старший лейтенант?

– Как, как, Тамарой! – подняв брови, ответил замполит.

– Да вот же духи, называются «Тамара», смотрите.

Среди небольших коробочек действительно выделялась одна побольше с надписью во всю коробку «TAMARA»

– Точно. Как это я не увидел. Молодец Огурцов. Не зря я тебя с собой взял.

Семененко был доволен. Дело сделано. Огурцов тоже не зря сходил. Он купил на последние деньги пластинку Джо Кокера. Они шли, обсуждая покупки, и незаметно очутились на КПП со стороны понтонеров.

– Ты иди в роту, а меня Шиян попросил в школу зайти насчет мероприятия, – важно произнес Семененко и повернул налево к школе. Огурцов приложил ладонь к пилотке и зашагал к роте.

Завод Мессершмитта

Огурцов решил идти на свинарник перед отбоем. Отдав распоряжения дневальным, Огурцов поправил повязку дежурного по роте:

– Я на свинарник, скоро буду.

По дороге Огурцов вспомнил, как он впервые побывал на свинарнике. Дело было на втором периоде. В полку ожидали проверку из разведуправления армии. Срочно наводили порядок во всех подразделениях. В боксах первой роты скрывались несколько неучтенных «Уралов». Если их обнаружит проверяющий, проблем не оберешься. Ротный зампотех Букин по приказу Рудакова организовал исчезновение лишних автомашин. «Уралы» решили отогнать на свинарник. Машины перевозили на жесткой сцепке, для дополнительного контроля в кабины посадили «слонов». Огурцов, не умеющий водить, был одним из них. Он цепко держался за баранку, представляя что, в самом деле, управляет военным «Уралом».

– Что детство вспомнил? А, Димка! – спросил Андрюха Сергеев, сидевший рядом в кабине.

– Точно.

Свернув с пригородного шоссе на узкую грунтовку, «уралы» поползли совсем медленно, подпрыгивая на ухабах. В свете фар Огурцов увидел, что-то нереальное. Настоящие средневековые развалины высились впереди. Над черными кронами деревьев возвышались стены, остроконечные фронтоны, казалось готического храма, и темное сине-фиолетовое небо смотрелось сквозь глазницы огромных оконных проемов.

Когда машины разместили среди каменных стен, Рудаков закулив сигарету, заметил:

– А вы знаете, что здесь когда-то был завод Мессершмитта? Самолеты вылетали прямо из подземных цехов.

– А потом, что? – спросил кто-то из ребят.

– Когда потом?

– Ну, после войны?

– Немцы, когда отступали, взорвали, что успели. Вон стены остались, а крышу снесло. А еще затопили подземные цеха. Наши пытались воду откачать. Бесполезно. Откуда вода берется, так и не поняли.

Огурцов часто возвращался в мыслях к этому рассказу ротного. Уж очень, это все романтично. Война, Мессершмитт, подземные цеха. Вот бы полазить там с фонариком. Да там же вода. А вдруг есть еще не затопленные коридоры?

– Конечно, есть, – подтвердил однажды догадку Огурцова повар литовец Гинтарас. – У нас там хранилище. Картошка там, морковка. Сам увидишь.

После того первого визита на свинарник, Огурцов бывал там часто. Вместе с другими бойцами укладывал морковку в пирамиду, пересыпая песком, чтоб дольше хранилась. Засыпал картошку в глубокие деревянные бункеры. Подметал каменный пол подземелья. Заглядывал в плавно уходящий вглубь коридор. Доходил до воды и поворачивал назад к свету.

Боевой листок

Незаметно Огурцов добрался до свинарника. Вокруг было тихо. Стрекот насекомых и легкий ветерок вот единственные нарушители спокойствия. Огурцов перепрыгивая через, нарытые свиньями канавки с дождевой водой добрался до мазанки свинарей. Дверь была приоткрыта, и изнутри пробивался яркий свет и шум голосов. Открыв дверь, Огурцов поморщился от ударившего в нос перегара и сигаретного дыма. За столом в единственной комнате сидели упомянутые ранее свинари и еще двое незнакомых солдат. Судя по их расхлябанному виду это были или понтонеры или ракетчики. Все четверо были настолько заняты карточной игрой, что не обратили внимание на появившегося в дверях Огурцова. На столе стояли несколько пустых бутылок пилснера и почти полная бутылка шнапса. В пустой жестяной банке тлели окурки. Огурцов поправил пилотку и постучал по деревянному косяку двери.

– А Дим Димыч пришел, – протянул Стеша, – садись. Пивка? Картишки?

Чужие бойцы заметно насторожились, увидев подтянутого сержанта со штык ножом на ремне и повязкой дежурного по роте.

– Ребят, давайте по домам, – желая мирно решить проблему, сказал Огурцов.

– Я с проверкой пришел, Вы же не хотите, чтоб я о вас в рапорте написал, – слукавил он и добавил для верности. – Величко, Стешенко навести порядок. Ночью ответственный вполне может нагряться.

– Ау видерзейн, мужики. Мы пошли, – сказал самый трезвый из чужих и они скрылись за дверью.

– Че, Дим правда, что ли ответственный сюда припрется? – спросил Толик Величко, перемешивая, зачем то карты.

– А кто его знает. Может и припрется, – ответил строго Огурцов.

– Вы тут вообще уже. Первый день и карты, водка. Охренели что ли.

– Да ладно, чего завелся. Это Стешин зема с другом зашли. Так, провели время. Свиньи вон накормлены спят. Хошь свиней посмотреть, а?

Стеша, охмелев совсем, спал в одежде на койке. Великий налил Огурцову густой чай в эмалированную кружку и сел за стол рядом.

– Ты чего вообще пришел то? – спросил Толик.

– Да проверяю вас. Как вы тут. Первый день все-таки. Чай вкусный, спасибо. Хорошо у вас тут. Не то что в казарме, – сказал Огурцов.

Отхлебывая горячий чай, Димка вдруг ощутил всю нереальность происходящего. Он русский солдат сидит с кружкой чая в мазанке в центре полуразрушенного завода Месершмитта в немецкой Саксонии, какого хрена?

– Ну, я пошел, – прервал ход своих размышлений Огурцов, – давайте, чтоб порядок был, ладно?

– Ага.

Огурцов уже вышел и резко развернулся перед дверью.

– Забыл. Я же вам боевой листок принес. Повесьте на стенку, – вспомнил Димка и достал из-за голенища сапога сложенную вдоль бумагу.

– Все пошел.

Райский сад

Огурцов быстро добрался до роты. Бойцы готовились ко сну. Молодые сидели в кубрике и подшивались. Старики качались в закутке в конце коридора. Кто-то кого-то стриг в бытовке. Обычная суета перед отбоем. Огурцов спустился в подвал и заперся в каптерке.

За несколько минут перед отбоем Огурцов поднялся на этаж.

– Я не слышал, ответственный пришел? – спросил он дневального.

– Да. Романча в канцелярии.

– Давай отбой, Круглов.

– Первая рота отбой! – заорал что есть силы Круглов.

Пятая рота отбой! Вторая рота отбой! – эхом прокатилось по этажам казармы. Резко стало тихо. Бойцы лежали под синими тонкими одеялами и неслышно переговаривались. Только второй дневальный силился уснуть, зная, что под утро его разбудит Круглов, не дав ни выспаться, ни досмотреть сон. Лейтенант Романча, худой и маленький пробежал по кубрикам пересчитал бойцов, расписался в книге и скомандовал Огурцову: «Гаси свет дежурный».

– Если что, я в канцелярии, – зевнув, махнул рукой Романча и скрылся в коридоре. Огурцов погасил свет, в который раз про себя заметил, какая все-таки вонь в кубриках из-за портянок и спустился опять в каптерку. Скоро пришла смена с боевого дежурства. Огурцов выслушал доклад старшего смены, принял оружие и опять спустился в каптерку. Он читал Хемингуэя «Райский сад». Сидя в сырой каптерке на старом немецком кресле, притащенном когда-то со свалки, Огурцов

читал одно из самых романтических и красивых произведений старика Хэма. Ласковое и теплое море. Шум прибоя и запах водорослей выброшенных на песок пляжа. Утренний кофе и круасаны. Рыбаки вытаскивают из лодки мокрые и соленые сети. Макрель. Мартини. Загорелые и сводящие с ума женские ноги. Любовь. Любовь всю ночь. А утром завтрак в постель. Мужская рубашка на голом теле женщины. Солнце. Выцветшие на солнце волосы. «Что это?» – думал Огурцов. «Где это?» и «Будет ли это со мной?». Огурцов мечтал о свободе, о творчестве, о любви, о жарких объятиях и страстных поцелуях. Чтение доставляло ему огромное удовольствие. Он настолько зачитался, что не слышал команды «дежурный по роте на выход». Огурцов оторвался от книги только, когда открылась дверь каютерки. На пороге стоял ответственный по части майор Леонтьев.

– Доброй ночи, – сказал Леонтьев совсем не по уставу, – что читаем?

– «Райский сад» Хемингуэй, – не ответив на приветствие, промямлил Огурцов

– Я войду? – спросил майор и шагнул внутрь.

– Да, да, конечно. Дежурный по роте сержант Огурцов, – спохватился Огурцов и вскочил с кресла, отдавая честь.

– Ничего, ничего, – мягко остановил дежурного Леонтьев и уселся на табурет у входа в каютерку.

– Я тоже люблю книги. Что тут у тебя еще есть? Покажи.

Огурцов, изумленный самой возможностью такого общения с заместителем командира полка, полез в стоящий вдоль длинной стенки каютерки шкаф. Из шкафа Огурцов извлек двухтомник Марины Цветаевой.

– Ух, ты. Хорошее издание. Поздравляю! – воскликнул майор и бережно взял книги.

– Я купил их в городе. Удивительно, но в немецком книжном магазине полно дефицитных книжек на русском. А дома их днем с огнем не сыщешь.

– Да. Именно так, – согласился Леонтьев.

Они проговорили минут тридцать. Наконец Леонтьев поднялся, пожал Огурцову руку и сказал, прощаясь: «Не ожидал встретить в подвале первой роты такого интересного сержанта. Хотя нет, все-таки ожидал. Есть у нас в полку хорошие бойцы. Молодец. Так держать. А ты ведь еще и комсорг роты, кажется?»

– Да.

– Ну, Тебе и флаг в руки. До свидания, сержант.

– До свидания, товарищ майор.

Леонтьев ушел, а Огурцов еще долго приходил в себя от этой встречи.

– Я и не знал, что Леонтьев нормальный, – подумал Огурцов и закрыл книгу. Читать он уже не мог. Слишком много событий в один день. Дима поднялся к тумбочке. Круглов дремал усевшись верхом на перила и прислонившись спиной к стене.

– Круглов. Подъем! – прокричал дежурный и когда дневальный, будто подстреленный воробей соскочил с периллы, добавил:

– Ты че расслабился-то.

– Да я просто. Никого же нет, – оправдывался Круглов

– Никого нет. Сейчас нет, а минуту назад ответственный по полку заходил. Ты что на вторые сутки захотел? – урезонил дневального Огурцов и про себя подумал: «Неужели Леонтьев его застукал спящего, да и меня в каптерке. А мне про книги втирал. Вот лис».

– Видел я Леонтьева. Я ж вас вызывал один раз. Леонтьев сказал одного раза достаточно. Я потом уснул, когда он ушел уже из казармы, – продолжал оправдываться Круглов.

– Ладно. Смотри сейчас не спи! – строго сказал Димка.

Икра на закуску

– Огурец, Огурец! – с третьего этажа в проем лестничной клетки на Огурцова смотрел дневальный из второй роты Черненко.

– Чего тебе? – без энтузиазма спросил Димка. Он страшно не любил это глупое прозвище «Огурец».

– У нас мужики с наряда пришли. Картофан принесли. Поднимайся к нам, похаваем.

– Ага. Иду.

– Я наверх. Смотри не спи, Круглов.

Димка взбежал по лестнице и пошел за Черненком в бытовку второй роты.

– А чего на тумбочке никого нет?

– А ваши на что.

– Понял.

В бытовке Огурцов встретил знакомую компанию из второй роты. Там были Чеботок, Тюрин, Илюха Молдавский и уже упомянутый Черненко. Посреди пола стоял термос с жареным картофаном. Жуткий запах слегка подпаленного кулинарного жира сбивал с ног.

– Налетай, подешевело, – раздавая тарелки, сказал Серега Тюрин.

Илюха протянул Огурцову белую эмалированную кружку с чаем.

– Давай Димка. Лехаим!

– Ага, – не понял Огурцов и взял кружку.

Ребята молча уплетали картофан, запивая его чаем. Иногда кто-то

шутил и тогда все робко смеялись. Попасться за едой в казарме никто не хотел. Поэтому старались не шуметь.

– Я вот тут под чаек случай вспомнил. Помнишь Серега, как мы с икрой погорели, а? – доедая картошку, спросил Молдавский.

– Это, когда нас Бочко застукал?

– Точно, только не Бочко, а Перепелица, – поправил Илья и, положив руку на плечо Огурцова, продолжил, – А ты, Димка, тогда с лопатой где-то бегал.

– Ага – опять не понял Огурцов.

– Лех, тебе добрые люди передали бутылку водки. Удивительно, как ты ее на ПЦ пронес? Так или иначе водка была. А у меня случайно оказалась банка черной икры. Уж и не помню, кто из наших был в отпуске и мама с ним передала для меня икру. Видимо она посчитала, что баночка черной икры гораздо важнее теплых носок или портянок.

– Я помню, как ты банку икры в подсумке таскал, и мы ее потом уговорили на смене, – воскликнул Серега Тюрин.

– Мы тогда на чердак забрались к радиомастерам. Решили, что там безопаснее всего будет, – вступил в разговор молчавший до этого Чеботок.

– Короче, распили мы водку и закусили черной икрой. А кто пил то? Нас вроде трое было.

– Леха, Ты, да я. Я первый спускался. Пошли по одному, чтоб не заподозрили, помнишь? – вспомнил Тюрин.

– Да, конечно. Тебя на втором этаже Перепелица и встретил.

– Он мне говорит: «дыхни». Я и дыхнул, – рассмеялся Тюрин, вспомнив этот момент.

– Нет стоп. Первым я пошел, – остановил Тюрина Молдавский.

– Да какая разница. Что дальше то? – замахал руками Черненко.

– Я первым шел и к Перепелице первым угодил. Вот я ему и дыхнул! – Илюха сложил губы уточкой, и смешно приподняв их к носу выдохнул. Все засмеялись. А Огурцов поперхнулся чаем и, смахивая чайники с хэбэшки, продолжал смеяться.

– Тихо вы, ночь же, – Черненко постучал пальцем по часам на руке, – дежурный по части лазает.

– А Перепелица говорит: что за херь. Икрой пахнет! – продолжал Молдавский под общий хохот.

– А тут. А потом. Ххха,ха,ха. Я пошел, точно! – Серега пытался что-то сказать, но не смог.

– Ты тоже икрой дышал.

– Так это на смене было, – очнулся Огурцов, соображая, почему он в этом не участвовал.

– А я и говорю, ты где-то с лопатой ходил.
– С какой лопатой? Куда ходил? – обиделся Огурцов.
– Ладно, ребят заканчивай. Скоро подъем уже, – сказал Чеботок, заступивший вчера дежурным по роте.
– Подожди, самое интересное впереди. Перепелица нас повел к Бочко. А тот мудрый гад говорит: «Пусть посидят минут пятнадцать, там посмотрим». Ну, через пятнадцать минут мы конечно уже не икрой пахли. Что тогда началось. Нас конечно покончали, как водится, и отправили туалет на ПЦ чистить.
– И главное... – продолжал Молдавский. – Леха, как-то ты наказания избежал, правда ведь, Серега? Илья обнял Тюрина за плечо и вздохнул.
– Точно так! – сурово произнес Тюрин.
– Мы на тебя тогда здорово обиделись, – протянул Молдавский. Все притихли. Видно было, что Чеботку эта тема не нравилась и он, пользуясь правами дежурного по роте, резко нарушил тишину:
– Давайте, мужики, по ротам.

Казематы

Первая рота подъем. Вторая рота подъем. Пятая рота подъем. Загудела казарма как улей. Сонные бойцы хлопая шлепанцами по натертому полу коридоров спешили в умывальную и обратно. Уже через несколько минут на этажах выстраивались шеренги солдат для утреннего осмотра. Сержанты прохаживались вдоль строя и делали резкие замечания. День начинался.

Огурцов любил утреннюю суету и движение. Любил между выдачей оружия и приходом в казарму ротного забежать заварить чаек в каптерке. В этом чувствовалась некая свобода и Огурцов ею жадно пользовался.

Спустившись в подвал, Димка ощутил резкий запах особого казематного воздуха, наполненного сыростью. Нащупав в темноте висячий замок на двери каптерки, Огурцов вставил ключ и слышал еле различимый шепот. Там в глубине коридора. Огурцов повернул голову по направлению шепота и застыл с наполовину повернутым ключом в руке. Мурашки побежали по спине комсорга. В глубине, казалось, было еще темнее и вдруг стало совершенно тихо.

– Эй, Игорь, Ты? – позвал громко Огурцов.

Никто не отзывался. А через секунду Огурцов услышал топот набоек Игоря Ломега по полу первого этажа.

– Так, это не Игорь. Показалось, – прошептал Огурцов и отпер, наконец, дверь. Димка уселся в кресло и, взяв обеими руками кружку,

отхлебывал горячий чай. Расслабиться и забыть о шепоте не удавалось. Огурцов вспомнил, то, что рассказывали о подвалах под казармами. Были разные слухи. Точно известно было, что подвалы под казармами были связаны между собой и подземные казематы имели выход где-то за территорией части. Среди бойцов ходила легенда о немецком солдате, который испугавшись прихода русской армии в 1945 году, скрылся в подвалах и до сих пор, где то там бродит, живет и наводит жуткий страх на новых хозяев казарм.

Димка допил чай, вытянул ноги и закрыл глаза. Через несколько минут он уже спал. Во сне Огурцов увидел себя в парадке и с маленьким чемоданом в руке. Он стоял на железнодорожном перроне и ждал поезда домой. Во сне пришел поезд. Вагоновожатый открыл дверь в вагон и ласково улыбаясь пригласил Огурцова внутрь вагона. Димка прошел в вагон, бросил чемодан на полку в купе и вышел к окну коридора, посмотреть в последний раз на немецкий вокзал за окном. От радости скорого свидания с домом и от грусти неизбежного расставания с друзьями у Огурцова и во сне и наяву потекли слезы. Вдруг вагон наполнился гулкими возгласами: «Огуцов, Димка, Огурцов, Димон».

Огурцов закутил головой во все стороны, пытаясь разглядеть, кто его звал. Вагон начал раскачиваться. Что-то затрещало, и поезд пошел. Вдруг опять со всех сторон в унисон со стуком колес: «Огурцов, Димка, Огурцов, Димка».

– А как же развод? – вспомнил во сне Огурцов и, забыв чемодан на полке, на всем ходу выпрыгнул из вагона. Димка несколько раз перевернулся, упав на склон пути, и резко проснулся. От внезапного пробуждения Огурцов чуть не свалился с кресла. В дверь громко стучали и несколько голосов хором вопили: «Огурцов, Ты чего там, умер что ли?»

Димка вытер ладонью слезы с заспанных глаз и открыл дверь, отбросив крючок.

В каютерку ввалились Ломего, Леха Гастев и взъерошенный Капустин.

– Тебя ротный ищет. На развод пора. Пошли уже, – сказал Капустин. Димка запер дверь и все четверо поспешили в строй.

Свинари

В единственное окно мазанки свинарей хлестал дождь. Толик Величко загнав свиней в бункер, грел руки у печки. На пороге появился нетрезвый Стеша.

– Ну че, пошли. «Симсоны» ждут.

– Пошли.

На дворе стояла ночь – теплая и дождливая.

– Дождь, зараза, – сплюнул Стешенко.

Остатки заводских построек Мессершмитта казались в тусклом свете прожектора останками огромного кита, выброшенного на берег гигантской волной. Свинари прошли по тропинке через грядки огорода и исчезли в темноте за заводскими стенами.

Дождь утих и теперь только моросил. В пригороде было тихо, лишь у гаштета немцы курили и громко переговаривались. Стеша и Великий притаились за телефонной будкой. Наконец немцы шумной гурьбой скрылись в гаштете, оставив вдоль стены три мопеда. «Симсоны» стояли рядом, и что-то в них побулькивало и потрескивало, делая их похожими на загнанных жеребцов.

– Еще теплые! – как заправский конокрад, прошептал Стеша

– Мой красный! – сказал Толик и осторожно снял мопед с подножки.

Через минуту ребята гнали по мокрому асфальту шоссе в ДОСы.

Город спал и лишь в окнах домов офицерского состава горел свет. Офицеры и их семьи жили своей, не подвластной гражданскому распорядку, жизнью. Кто-то уходил среди ночи по вызову. Кто-то прибегал «на чаек» с дежурства. Свинари, буксуя на газонной траве, остановились у крайнего к забору части дома.

– Галя! Галя! – закричал во все горло Стеша

Тут же отворилось окно и Галя, голосом понтонерской чапошницы зашипела:

– Вы что черти, с ума сошли. Муж дома.

– Облом, твою мать! – выругался Стешенко.

– Дина-мо ! – протянул Величко.

– Погнали в город. Пива возьмем! – воскликнул Стеша.

Свинари катались по центру Мерзебурга минут двадцать в поисках открытого магазина или гаштета. Вдруг они заметили за собой «хвост». Мерзебургская полиция на автомобиле с включенной мигалкой была уже совсем рядом, как Великий закричал: «Партизаны не сдаются!», и что есть мочи крутанул ручку газа.

– Партизаны не сдаются! – повторил Стеша и поспешил за другом.

Когда Косолапову доложили о ночной погоне за его полковыми свинарями, о том, что два русских бойца убегали на мопедах по ночным улицам и переулкам от образцовой немецкой полиции до тех пор, пока не разбили «Симсоны» «в хлам», а во время задержания устроили активное сопротивление и даже набили полицейским по мордам, он испытывал странное чувство гордости за подчиненных. Криминальная составляющая события как-то тускнела.

– Если у русских такие свинари, то какова подготовка солдат из боевых подразделений, а? – вопрошали в мыслях немецкие товарищи.

– Вы еще моих поваров не видели! – отвечал им мысленно, конечно, Косолапов.

Подведение итогов

Прошло уже более часа, а полк все стоял на плацу. Весь полк, в полном составе. Огурцов переминался с ноги на ногу. Ноги затекли, а тяжелая сырая шинель давила к низу как морской якорь. Страдальческое выражение лица и пот, струящийся по лбу, выдавали его состояние. Огурцов очень хотел в туалет. Причем он хотел уже как минимум минут сорок. А смотр все продолжался и продолжался.

– Когда же скомандуют «к торжественному маршу». Скорее бы. Еще немного и я схожу прямо здесь, – героически решил Огурцов и сжался так, что дубовый ремень с подсумком чуть не свалился на плац.

– Что они там стоят? – спрашивал сам себя Огурцов, глядя на сутулые спины командиров подразделений шеренгой закрывающие невысокую коренастую фигуру Папы. Из-за шеренги командиров периодически раздавались: «У-уу. У-уу. У-уу». Как будто там пытались изловить какого-то лесного зверя. Наконец, к радости Огурцова, командиры вскинули ладони к фуражкам и словно заводные солдатики точно и резко развернулись через левое плечо, по уставу. Немного пошатнувшись в конце разворота, командиры поспешили бодрым строевым шагом к своим ротам. Командир первой роты Андрей Иванович Рудаков, оказавшись перед строем, окинул отеческим взглядом ребят и, увидев лицо Огурцова, спросил, не без волнения за солдата:

– Ты че Огурцов? А?

Огурцов открыл рот для ответа. В этот момент грянул оркестр. Трубы затрубили так, что можно было оглохнуть. Загрохотал барабан, и зазвенели тарелки. Полк, как огромный медведь зашевелился, покачался из стороны в сторону и зашагал. Поротно. В клуб. На подведение итогов. Каждый шаг давался Огурцову так тяжело, что сама мысль о следующем шаге приводила его в ужас. Если бы дело было на войне, и Огурцов шагал бы на войне так же, то враги разбежались бы в страхе от его ужасных гримас. Тем временем рота вышла с плаца, и в общей полковой колонне устремилась в распахнутые двери клуба.

– Или сейчас или поздно будет, – пробормотал Огурцов и решительно вылетел из строя прямо к ротному.

– Андрей Иванович, сил нет терпеть, разрешите в учебку в туалет.

– Беги, только быстро, – сжалился Рудаков. Огурцов пулей влетел в

туалет учебки, растолкав по пути дневальных. Свалив на пол туалета автомат и ремень с подсумком, Огурцов, приподняв полы шинели, уселся на очко. Вот оно, оказывается, что есть счастье. Какое же блаженство, освобождение и, надо честно признаться, кайф снизошел на Огурцова в туалете учебной роты. Успев прочитать несколько предложений из «Красной звезды», брошенной на полу туалета, Огурцов с наслаждением помял газетный лист и довершил процесс. Свежий и бодрый, готовый к любым неожиданностям и трудностям суровых армейских будней, Огурцов вошел в клуб. Протиснулся к своим, доложил движением бровей ротному о благополучном прибытии и уселся в жесткое, обитое дерматином кресло. Вообще говоря, Огурцов был сержантом и на хорошем счету у начальства. Он был не слишком тщеславен, но когда о нем говорили: «Смотри, смотри, вон он Огурцов начальник штаба первой роты!» ему было приятно.

– Держи колбаску, – пнул Огурцова локтем Любимов, – тетка из Ростова прислала, с чесночком.

– Чего сейчас покажут? – ехидно спросил сзади Капустин.

– Судилище! – протянул Рыжков и зевнул так, что и Огурцов не удержался.

– Хорош болтать первая рота! – рявкнул ротный и солдаты поежившись в креслах, примолкли и приготовились к борьбе со сном. Беззаботный галдеж офицеров КП еще продолжался, когда на трибуну стали подниматься члены президиума. Когда в проходе между рядами появился Косолапов, наступила гробовая тишина. Папа шел по проходу, и его квадратная фигура в тугой портупее переваливалась с боку на бок, так словно он ступал по палубе древней галеры. Казалось еще немного и Командир раскачает лодку, и все мы потонем вместе с галерой и веслами. Огурцов ткнул Любу в бок: «Ведут».

Да, действительно, курсанты-автоматчики провели через дверь у сцены двух голых до пояса солдат и остановились с ними прямо перед столом президиума, возвышающегося на сцене. Это были Стеша и Великий, наши свинари, из первой роты. Они стояли, как будто в ожидании казни, жалкие и почему-то грязные, с ссадинами и синяками. Повисла тяжелая пауза. Потом Папа много орал, топал ногами и обещал всех кончить. Затем Папа опять много орал, топал ногами и обещал всех кончить. Между его двумя выступлениями оправдывался ротный, недоумевал начальник санчасти, тихо сидел, закрыв глаза особист, сопел потупив взор, замполит роты и ждал своей очереди Огурцов – комсорг первой роты. Очередь в этот раз до него не дошла или Огурцов до нее в этот раз не дошел. Какая разница – главное, что гнев командира прошел стороной.

Дембеля и папа Голов

Огурцов так привык к казмерной жизни, что известие о переводе в спортзал, которое означало совсем скорый дембель, застало его врасплох. Из дембелей сформировали роту под командованием старшего прапорщика Голова. Папа Голов, сверкая красной рожей, пытался построить несколько десятков расслабленных дембелей на плацу перед спортзалом.

– А где этот рыжий черт, как его там, Любимов мать твою так? – орал Голов и тряс головой, как индюк.

В каптерку влетел Леа Гастев и срывающимся голосом закричал:

– Вы чего тут расселись. Там Голов дембелей строит.

– Да хрен с ним. Все равно дома скоро будем, – спокойно отреагировал Тарасенко.

– Хрен то хрен, но он грозит отправку задержать, – уговаривал Гастев.

– Охота здесь еще месяц дороги строить, – добавил Леа и скрылся за дверью.

– Ладно, пойдём, чего будить бешенную собаку, – деловито произнес Огурцов. Через минуту Тарасенко и Огурцов появились на крыльце. Увидев сержантов, папа Голов будто с цепи сорвался.

– Опоздывать в строй! Разболтались! Вы еще в армии уроды и я буду решать, как долго вам еще здесь оставаться. Быстро в строй.

– А ну, стой! – спохватился Голов и брызнул слюной в сторону испуганного Огурцова

– Ты, рыжая сволочь. Ты у меня напляшешься с машкой, урод!

Огурцов впервые в конце службы слышал такие слова в свой адрес и несколько опешил. От волнения он начал заикаться: «Я, я, я. Что я, я, я сделал товарищ старший прапорщик?».

– Молчать урод! Я с тобой позже разбираться буду, – не унимался Голов.

Огурцов стоял слева от Голова и боялся пошевелиться. Строй замер в ожидании продолжения спектакля. Какая-то странная, нереальная тишина опустилась на плац, и лишь ветерок нежно трепал начинающие отрастать чубы дембелей. Вдруг справа от Голова послышались шаги и покашливание, приближающегося со стороны казармы третьей роты Любимова.

– Разрешите... – начал было Люба, – встать в строй, товарищ

– А, ты! Урод, рыжая скотина, я узнал Тебя! – зарычал Голов.

– А ты давай в строй, я тебя перепутал, – спокойным голосом обращаясь к Димке, сказал Голов.

Рота покати́лась со сме́ху и стро́й развали́лся.

– Молча́ть, сми́рно! Разбо́лтали́сь. Уро́ды.

Огурцо́в встал в нача́ле стро́я и спроси́л давя́щегося от сме́ха Ры́жкова: «Че́го он сорва́лся то? Че́го Лю́ба ему́ сде́лал-то?»

– Да Лю́ба ему́ че́сть в шта́бе не отдал. Проше́л мимо́ Голо́ва. Голо́в ему́ сто́й стре́лять буду́. А Лю́ба в отве́т: «Здрасте, товари́щ пра́порщик, а чо́й то вы та́кой краси́ый?» Да э́то было́ уже́ давно́, а Голо́в запо́мнил.

– Ты морда! Долго́ ржа́ть буде́шь? – подско́чил Голо́в к Ры́жкову и, ре́зко поверну́в голо́ву на краси́ой ше́е, проора́л, – в коло́нну по че́тыре, стано́вись.

Шере́нги зака́чали́сь, задвига́лись, и рота́ преврати́лась в толсто́ую гусени́цу.

– В столо́вую ша-гом ма-рш! Песню́ запе-вай!

Па́па Голо́в

На бо́льшие пра́здни́ки в клубе́ устраи́вали кон́церт. Музыканты́ из полково́го оркестра́ Еро́хин, Долга́лев и дру́гие выходи́ли на сце́ну в па́радной фо́рме и начина́ли «лаба́ть» зна́комые все́м песни́ из реперту́ара зве́зд советско́й эстра́ды. Обы́чно клуб́ был ме́стом прове́дения ито́говых собра́ний полка́ и суббо́тнего просмо́тра филь́ма. Если́ на подве́дении ито́гов личны́й соста́в полка́ боро́лся со сном и дрема́л с широ́ко откры́тыми гла́зами, то на киносеа́нсе все́ откровенно́ спа́ли. Кон́церт полково́го ансамбля́ совсе́м друго́е де́ло. О́дной из лю́бимейши́х песе́н была́: «Я долго́ буду́ гна́ть велосипед....» Ба́рыкина. А песня́ «Па́па ты са́м был та́ким» из реперту́ара Пресе́някова́ просто́ вызы́вала востор́г и исполня́лась не́сколько раз на би́с. В о́дин из припе́вов ребя́та вставля́ли: «Па́па Голо́в ты са́м был та́ким». И полќ взрыва́лся а́плодисмента́ми и сви́стом. Ки́рпичные сте́ны клуба́ ре́ально содро́гались от ре́ва и то́пота сапо́г, одуре́вших от эмо́ций солда́т.

Па́па Голо́в фигу́ра заме́тная. Он наводи́л ужа́с своим кри́ком и краси́ым ли́цом не то́лько на сво́их подо́печных солда́т четвёртой роты́, но и на ве́сь полќ. Его́ поба́ивали́сь да́же не́которые офи́церы. Голо́в был жертво́й Хруще́вского сокра́щения офи́церского соста́ва в Советско́й Арме́ии. О́кончив во́енное уче́бное заведе́ние Голо́в, попа́в под сокра́щение, вынужде́н был выби́рать или́ уходи́ть на гра́жданку́ или́ до ко́нца дне́й служи́ть пра́порщиком. Влю́бленный в Арме́ию молодо́й Голо́в выбра́л службу́. На́конец че́рез мно́го ле́т он дости́г сво́его пото́лка и получи́л еди́нственно́ возмо́жное повы́шение – зва́ние ста́ршего пра́порщика́. А ве́дь, как он са́м ча́сто повто́рял, мо́г бы полком ко́мандова́ть. Вот та́кая неспра́ведли́вость. И все́ э́тот Хруще́в. Прохо́дя мимо́ Голо́ва, Огурцо́в испыты́вал чув́ство жа́лости

и страха. Эти смешанные чувства заставляли Димку нервничать и вести себя неестественно. Огурцов начинал подыгрывать старшему прапорщику и отдавал ему почести, предназначенные, как минимум, для командира полка. Но при этом, поднося руку к обреза пилотки и вытягиваясь в струну, Огурцов не мог скрыть жалостливую улыбку в уголках губ. Голов замечал это и свирепел еще больше.

Однажды Огурцов стоя в наряде дежурным по роте, всю ночь рисовал в пустом классе для лингафонных занятий. В открытые окна класса врывается легкий весенний ветерок. Теплая ночь манила. Огурцов закончив картину, подошел к окну и сел на подоконник.

– Как хорошо! – воскликнул вслух Огурцов и зевнул.

Закрыв глаза, он жадно вдыхал теплый весенний воздух и мечтал о будущем, о доме, о свободе, о счастье.

Картошка

Рассказ из студенческой жизни

Стояла замечательная пушкинская осень, желтые с красным листья тихо шуршали на ветру, трава, немного пожухлая, еще зеленела, небо было уже осеннее, пасмурное временами, но солнышко еще грело, и вся природа как бы наслаждалась последними теплыми днями. Шумная группа студентов толпилась перед входом в здание института. Какой-то человек в очках, наверное, преподаватель, громко командовал: второй курс рассаживаемся по автобусам. Давайте, давайте, не задерживайте шефов.

– Товарищи родители! – не унимался очкарик, – прощайтесь быстрее. Второй курс по автобусам.

– Серега, я с Тобой, погоди! – воскликнул Димка, испугавшись оказаться в автобусе с незнакомыми второкурсниками. Димка Огурцов совсем недавно пришел из Советской Армии и вот попал, как говорится «с корабля на бал». Учеба в институте началась с картошки. Димка почти никого не знал. Все ребята были более молодыми, поступившими в институт уже после Димкиного призыва. Из старых сокурсников на картошку поехал только Серега. Серега тоже отслужил срочную. Он пришел на гражданку в то же время, что и Огурцов. Парень он был веселый, даже заводной и за несколько минут ожидания автобусов успел подружиться с молодежью.

Огурцов уселся у окна и вздохнул: хорошо дома. На самом деле Димка Огурцов пришел из армии в конце весны и все лето ходил по друзьям, привыкал к гражданской жизни, и привыкание это давалось ему трудно, а если честно, то никак не давалось. У Димки все чаще появлялось желание вернуться в казарму и, просыпаясь утром, он долго озирался по углам комнаты, пытаясь понять, где же он. А теперь он сидел в автобусе, в который весело запрыгивали незнакомые парни и девушки, кто-то уже брэнчал на гитаре в корме салона, девчонки раздавали бутерброды и смеялись без причины. Наконец автобус наполнился галдящими студентами и водитель, оглядев салон, выдохнул: «Поехали».

– Димон, чего грустишь? – толкнул плечом Димку Серега. – На картошку едем.

Серега в своей поношенной телогрейке выглядел заправским колхозником. Серега вообще был такой «свой в доску». С ним было легко и весело. Про таких, как он говорят: «С ним не пропадешь». Наверное, поэтому Димка и согласился поехать на картошку, узнав, что и Серега едет. Можно было отпроситься, сослаться на недавний приход из Армии и Димка думал об этом, разглядывая расписание занятий в вестибюле родного института в самом начале осени. Появившийся в вестибюле Сергей, прервал Димкины раздумья: «Поехали, все равно дома делать нечего. А на картошке весело и вообще...» – убеждал Серега.

Автобус плавно раскачивался по ровному шоссе, уходящему куда-то в соседнюю область.

– Как же все-таки здорово быть свободным и молодым, и какое счастье быть беззаботным и ехать, куда глаза глядят, пусть даже на картошку! – думал Димка, уткнувшись лбом в стекло окна. Огурцов не легко сходилась с людьми и поэтому сидел один, погруженный в свои раздумья. Серега же пересел поближе к девчонкам на соседний ряд и уже смеялся над чем-то громче остальных.

– Меня зовут Галя, а Вас? – нежный девичий голосок вывел Димку Огурцова из раздумий.

– Меня, меня?

– Вас, вас.

– А-а, Дима.

– Вот и хорошо. Будем знакомы.

Галя вдруг звонко засмеялась и поправила свои огненно-рыжие волосы. Это движение, то, как она поправляла волосы, Димка будет помнить еще очень долго и ее маленькие, тонкие пальчики еще долго будут поправлять и его, Димкины волосы в самых смелых его снах.

Вдруг автобус резко качнулся и Галя, не удержавшись, плюхнулась прямо на свободное кресло рядом с Димкой. И опять звонко засмеялась.

В тот самый момент, когда Огурцов начал было мысленно отрабатывать свое обращение к девушке, раздался совсем не девичий тенорок.

– Галь спой. Давай нашу! – уговаривал какой-то парень с длинными сальными волосами, протягивая Гале потрепанную гитару.

Галя взяла гитару, толкнув грифом в Димкино плечо.

– Извините, – сказала Галя и запела, ловко перебирая струны. – Вижу тень наискосок, синий берег с полоской ила.

Последние слова припева уже пел весь автобус: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила».

Огурцов слушал, и мурашки бежали по его спине от чувств, которые его переполняли. Незнакомое или скорее забытое ощущение свободы и новое, волнующее и манящее ощущение близости с девушкой, сидящей рядом, так рядом, что дух захватывает.

Так не заметно, за смехом и разговорами, за песнями и шутками свернули с дороги и покатались по каким-то ухабам и лужам чрез стесненные покосившимися заборами деревенские улицы и подкатили к мрачному давно не выдавшему ремонта одноэтажному зданию. Это был сельский клуб. Заколоченные окна и огромный висячий замок на входной двери говорили о том, что клуб не работает.

– А в прошлом году нам здесь кино показывали! – воскликнула темноволосая девушка, выходя из автобуса.

Кто-то сострил: «Кина не будет».

Все дружно смеялись, вываливаясь из автобуса. Через некоторое время подъехал и другой автобус – привез вторую партию студентов.

Вот и началась «картошка».

Рядом с клубом стоял наскоро сколоченный барак.

Студенты шумно и весело занимали комнаты и койки.

– Я у окна.

– Сам ты лошадь!

– Димка, давай сюда.

– Девочки, смотрите, какой вид из окна!

Пока ребята размещались, комсомольское начальство в лице Алексея Николаевича по прозвищу «баклажан» из-за яркого с синевой цвета носа занималось организационными вопросами.

– Тихо, тихо ребята... – начал «баклажан». – Все в коридор. Объявление.

Неожиданно в длинном коридоре барака стало тесно и душно – студенты гадали и смеялись.

– Ну, тихо же, кому говорю, – продолжал «баклажан», – значит у нас такое дело. Сегодня день приезда. До вечера обживаемся. Вечером ужин и дискотека.

– А обед, А компот? – загадали студенты

–обеда сегодня не будет. Столовая не успевает с обедом, – разъяснил «баклажан» и продолжил объявление, – значит, я уже сказал. Вечером ужин и дискотека. Завтра первый рабочий день. Выезжаем на сбор картофеля. Все. Через десять минут жду у себя бригадиров. Все. Свободны.

– Вот как бывает в жизни – из казармы в казарму, а Серый! – протянул Димка Огурцов со вздохом.

– Да ладно, Димон. Прорвемся! – ответил Серега.

Вечером, как и обещал «баклажан» загремела музыка и началась дискотека. Димка вышел из комнаты в разгар дискотеки. Музыка стучала барабанами и завывала, проникая во все уголки барака. В коридоре стояли студенты. Шумели, гадали, смеялись и казались не трезвыми. Огурцов вышел на площадку перед входом в барак. Музыка ударила всеми своими децибелами прямо по ушам Огурцова. Пары топтались на лысой площадке прямо перед входом. Кое-где на площадке можно было различить островки асфальтного покрытия, которые словно лужи чернели на утоптанном песке. Огурцов хотел было пройти к группе ребят. Среди них заметно выделялся Серега, который размахивал руками, иногда приседал и делал вид, что падает. Часто группа взрывалась смехом, переходящим в судорожный кашель.

– Серый, опять заливает, – сказал вслух Огурцов и начал рывок через танцующую площадку к Сереге. Вдруг его потянули за рукав и втянули в круг танцплощадки.

Это была Галя.

– Потанцуем? А, Дим! – спросила она и опять, тем же движением, как в автобусе поправила свои огненно-рыжие волосы.

– Да, конечно! – ответил Димка.

Деревня называлась Дмитровка. Деревня небольшая всего-то улица да закоулки. Низенькие избушки, обитые почерневшими от времени досками с шиферными крышами жались вдоль единственной кривой улицы. И только разноцветные наличники на окнах яркими пятнами раскрашивали мрачные фасады изб. Со всех сторон деревню окружали поля и редкие перелески, окаймлявшие эти самые поля. Местность была холмистая и далеко-далеко до самого горизонта разбегались рыже-желто-коричневые волны осенних полей необрунных корнеплодов.

Утро выдалось туманное и холодное. Студенты после завтрака шли на работу, в поле, молча, как на расстрел. Бойкая девчушка – бригадир, желая взбодрить не проснувшихся еще ребят, звонко прокричала: «Ребята давайте веселей. Если сделаем норму раньше, раньше уйдем с поля».

– Какую такую норму? – зевая, спросил кто-то из студентов. Потом Огурцов узнал, что это был Леха, которого все звали Киса.

– Пять мешков картошки на человека. Вот какую! – ответила бригадир.

– Ребята пошли назад, мы никогда не соберем по пять мешков. Они же с ума по сходили, – прорычал Серега, смешно сдвинув на край рта дымящую папиросу.

– Я щас тебе пойду назад. Мы взяли обязательство. По пять мешков и точка! – резко отреагировала девчушка-бригадир. После этих слов бригадира ребята вопросов больше не задавали и брели дальше. Через несколько почерневших изб, за последним огородом показалось колхозное поле. На середине поля стоял заведенный комбайн, как объяснили ребятам позже предназначенный для сбора картофеля. Комбайн громко тарахтел и поэтому голоса бригадира никто не слышал. Студенты растянулись по жесткой пахоте поля в цепь, как наступающие колчакowцы и постепенно расходились в разные концы от комбайна.

Вдруг комбайн заглох и все услышали громкое окончание долгого, наверное, крика бригадира: – «... всех. Стойте же вы, наконец».

Все остановились. Все это время Огурцов присматривался к ребятам из своей бригады. Там был уже упомянутый Киса, прозванный так не понятно почему, но прозвище это Кисе удивительным образом подходило. Киса внушительного роста и веса очкарик с добродушным лицом. Валерка – худощавый паренек, который сильно напоминал Огурцову армейского друга Мишку. Наверное, поэтому Димка как-то быстро сдружился с Валеркой. Там был еще долговязый в нелепых больших очках Паша, который хвостом ходил за Серегой. Аркадий – деловитый парень с ранней бородкой и усами. И девчонки. Уже знакомая нам Галя и бригадир Наташа.

Измазанный, как кочегар копотью комбайнер, высунулся из кабины и устало позвал: «Ну, садитесь».

– Камни и землю выкидывать, картошку оставлять, – научил он, и принялся хлопать дверью кабины, которая никак не хотела закрываться.

Ребята расселись в кузове комбайна по обе стороны от грязной транспортной ленты, по которой, когда комбайн тронулся, поползла черная масса земли вперемешку с камнями и иногда картошкой. Зачерпывая землю, лента поднимала страшную пыль. Ребята сидели с поднятыми воротниками, нахлобучив капюшоны. Поднять глаза не было никакой возможности, они тут же забивались пылью. Комбайн жутко тарахтел, двигался очень медленно, то переваливаясь с боку на бок, то проваливаясь в какие-то ямы и с трудом выбираясь оттуда. Ребята приуныли и лениво выбирали с ленты слипшиеся комья

холодной после ночи земли и камни, выбрасывали все это за борт. Если бы в то же самое время кто-то посмотрел на все это со стороны, то был бы удивлен странным зрелищем. По полю медленно ползла грязная машина, сверкая включенными фарами. Над машиной висел густой пыльный смог, изрыгая из себя брызги камней и комьев.

Настроение у ребят было соответствующее, кроме того заморосил мелкий дождик, добавив к холоду сырость. Вдруг комбайн резко остановился так, что ребята подпрыгнули, как в шлюпке на высокой волне. Галя, сидевшая с краю кузова, подпрыгнув, с тем милым девичьим «ой», завалилась на бок, рискуя свалиться с комбайна. В тот же момент, Димка Огурцов, перегнувшись через остановившуюся ленту схватил руками за плечи девушку, не дав ей упасть. На мгновение все вокруг замерло. Димка держал Галю за плечи, через телогрейку ощущая всю хрупкость и нежность ее тела. Они встретились взглядом и какой-то электрический разряд – молния проскочил между ними.

– Спасибо, Дим, – только сказала Галя.

– Ага, – ответил Огурцов и отпустил Галины плечи.

– Ну, все Ромео, пошли отсюда, – вернул Димку к действительности Серега.

– Куда пошли? Я вам сейчас дам, пошли они. Вы нам все показатели сорвете, – затараторила Наташа.

– Ладно, ладно. Остаемся Дим, не время пока, – согласился Серега и, уткнув лицо в стоячий ворот телогрейки, закрыл глаза.

Тракторист что-то там возился с мотором и когда закончил, громко захлопнул ржавый сложенный пополам лист крышки моторного отсека.

– Ну че студенты, закидали от грязюки? – сказал он, улыбнулся и добавил, – а картофана печенного хотите?

– Хотим! – оживились ребята.

Тракторист, собрал десяток картофелин в грязное мятое ведро и закрыл его жестяной крышкой с дыркой посередине и ловко нацепил наверх выхлопной трубы комбайна. Трактор затарахтел, затрясся, и в ведре что-то зашумело и загудело. Это выхлопные газы от мотора стремились вырваться наружу, но ведро с картошкой их сдерживало. Горячие газы окутали картофель в ведре и таким образом он пекся.

– Хитро придумано, – протянул Пашка.

– А это есть то можно будет? – спросил Киса, сдвинув очки на нос.

– Можно, можно, не бойсь! – ответил тракторист, натягивая на черные от копоти и масла ладони зимние рукавицы, прожженные во многих местах.

– А меня Сашка зовут, – вдруг сказал он и полез на подножку снимать ведро.

– Так быстро, неужели уже спеклась, – удивился Огурцов
– Эх закуска есть, а выпить нету, – отреагировал Серега, весело подмигнув Пашке.

Паша полез куда-то в глубины телогрейки и извлек четвертинку «московской».

– Нет, нет пить вам не дам. Совсем распоясались.

Бригадир строго посмотрела на Серегу и Пашу, ну совсем, как директор школы, застукав учеников с сигаретой в туалете.

– Да ладно, тебе трещать Наташ. Холодно ведь, вон промокли все. Согреемся и все.

– Если бы. Знаю я тебя. Ты же не успокоишься, – сказала строго бригадир и махнула рукой в сторону Сереги.

Ребята выпили прямо из горлышка. Каждому досталось по маленькому глотку. Заели вкусной рассыпчатой картошкой и заметно повеселели.

– Ну чего ребят, за работу! – отбросив обуглившуюся картофельную шелуху на землю, воскликнул Сашка.

До обеда просидели на ветру, под дождем уже не так уныло, как до водки. Потом был обед в колхозной столовке. Обед был на удивление вкусный и главное горячий. Димка жадно выпил два стакана обжигающего чая и подмигнул Сереге: «Жить можно!» После обеда на работу не вышли – дождь зарядил еще сильнее и свинцовое небо с черными тучами, обложившими горизонт, ничего хорошего не предвещало. До ужина торчали в бараке. Валялись на кроватях и мучились от безделья. Совершенно неожиданно после ужина распогодилось, тучи исчезли, и стало теплее. Даже зароились, закрутились в воздухе какие-то букашки у входа в барак. Огурцов лежал на кровати, вперив взгляд в белый с желтыми разводами потолок. Ребята играли в карты, громко смеялись и матерились просто так без причины. Пашка, успевший познакомиться с деревенскими, раздобыл трехлитровую банку пива и теперь, по-хозяйски разливал мутную вонючую жидкость по стаканам. Кто-то сбегал в столовую, пока не закрылась, и уговорил девчонок с кухни нажарить черных корок с солью. Веселье было в самом разгаре, когда Димка вдруг вскочил и почти прокричал: надо действовать! В комнате стоял шум, как на вокзале в момент прибытия поезда. Огурцова никто не слышал. Постоянно кто-то входил или выходил из помещения. Дверь болталась на слабых петлях то в одну, то в другую сторону. Киса периодически кричал: «Дверь! Надо закрывать!»

Иногда казалось, что он обращается к двери, потому что тот, кто заходил или выходил совершенно не реагировал на крики Кисы. А дверь

скрипела все сильнее и сильнее и в итоге, шумно повисла на одной верхней петле. Димка вышел из комнаты, попытался прикрыть дверь, повозился с дверью несколько секунд и ушел. Он пошел к Гале. Он решил увести ее из этого шума и гама и может быть познакомиться с ней поближе. Дверь в комнату, где расположились Галя, Наташа и еще какие-то не знакомые пока девчонки была закрыта. Огурцов взялся за ручку двери и прислушался. За дверью было тихо. Он отпустил ручку и постучал.

– Открыто! – звонкие голоса девчонок заставили Димку покраснеть.

Он взял себя в руки и, толкнув дверь, шагнул внутрь. Он теперь никого кроме Гали не видел. Огурцов смотрел на нее, а она на Огурцова. Возникла пауза, которой Димка очень боялся. Он чувствовал, что краснеет еще больше и совершенно забыл те слова, что твердил себе несколько минут назад. Наконец он очнулся: «Пойдем, погуляем. На улице тепло, пройдемся». Огурцов говорил эти слова впервые в жизни и впервые в жизни он узнал, как это замечательно говорить эти слова.

Галя улыбнулась и, взяв со стула кофту, сказала: «Пока девчонки. Пошли».

Они ушли далеко от шумного барака в сторону каких-то колхозных построек черневших вдалеке. Галя молчала и лишь иногда тихо смеялась. Димка много говорил, рассказывал об армии, о Германии, о книгах, которые прочел и о книге, которую читал сейчас, о звездах, о научных открытиях и еще о чем-то. Ему казалось, что Гале все это нравится, что он производит на нее впечатление своими знаниями и увлечениями. Несколько потеряв чувство меры, которое так необходимо в общении с девушкой, особенно на первом свидании, Огурцов запел, что-то там из Гребенщикова, что-то, что казалось ему высоко духовным и высоко поэтичным и вместе с тем очень романтичным в данный момент. Он даже решился взять Галю за руку. Самое потрясающее было то, что это произошло как бы невзначай, не специально, а привычно и обыденно, так если бы Димка всегда брал Галю за руку во время прогулок. Галина рука показалась Димке нежной и хрупкой, ее пальцы, как тоненькие стебельки весенних цветов робко шевелились в его руке и он чувствовал через прикосновения все тепло ее тела. Кровь то прилиwała к голове Огурцова, то резко убегала по кровотокам вниз к ступням, заставляя его вздрагивать и ежиться.

– Все нормально, Дим? – спросила Галя

– Ага, нормально, – ответил Огурцов.

Незаметно они зашли на какой-то колхозный двор, заставленный техникой и заваленный пиломатериалами и еще чем-то, трудно различимым в темноте. Одинокая тусклая лампочка, болтающаяся на проводе у деревянного склада, еле освещала кривую скамейку у стены.

– Посидим? – спросила Галя и села на середину скамьи, потянув Димку за руку к себе.

– Давай, – ответил Огурцов, садясь рядом.

Они сидели так близко друг к другу.

– Димка, подъем! Хорошо спать, не дома, – прокричал кто-то прямо в ухо Огурцову.

– А, Серега, привет, – проснулся Огурцов и присел на мягкой койке.

– Как спалось? – спросил Серега, театрально подмигнув левым глазом.

– Нормально.

– Ладно, нормально. Ты вчера, во сколько пришел? – не отставал Серега.

– Да я не поздно пришел. Все нормально, отстань Серег.

За окном барака начинался новый день. Солнце пробивалось сквозь листву к окнам и наполняло теплом комнату.

– А сегодня хороший день будет! – протянул Валерка, спрыгивая с койки.

– Бригада на выход. Быстро, быстро! – прокричала за дверью бригадира.

Студенты выходили не торопясь, щурясь от яркого утреннего солнца, и разбредались по углам вытоптанной площадки перед входом в барак. Кто-то уже позавтракал, а кто-то только собирался на завтрак.

Наташа вышла в центр площадки и громко и отчетливо командным голосом продекламировала: «Моя бригада, внимание. Сегодня работаем на переборке картофеля. Все идем за мной. Понятно?»

– Понятно, пошли!

Ребята побрели за бригадиром.

Огурцов шел один, немного отстав от остальных. Он шел, разглядывая камушки на дороге, лишь изредка поднимая глаза и идущую впереди Галю. Они еще не разговаривали утром. Казалось, что между ними ничего не было вчера ночью. Они соблюдали конспирацию. Это здорово волновало Огурцова. Димке было приятно держать друзей в неведении о том, что случилось вчера. Эта таинственная игра щекотала нервы, и преувеличивало само событие. На самом деле ничего особенного не было. Был всего один поцелуй, ну может еще один и все. Но для Огурцова и этого было больше, чем достаточно! Он был на седьмом небе. Впервые случилось так, что девушка, которая понравилась Димке, обратила на него внимание. И не просто обратила внимание, а была с ним на свидании и они целовались.

Студенты пришли к месту работы. Это был здоровенный металлический ангар, на полу которого лежали кучи грязной картошки. Ребята

расселись группами и стали сортировать картофель. Начались разговоры, смех, дурачества.

– Ну и работнички, ешкин кот! – сказал, появившийся на входе Василий. Василий местный парень, вечно ошивающийся со студентами. Он деловито прошелся между картофельных куч, стараясь не расплескать чифирь в грязной эмалированной кружке.

– Так, так, так. Качество то никакое. Плохо перебираете, городские, – тоном знающего толк агронома, пропел Васька.

– А ты с нами садись и перебирай. А, Вась? – сказал Пашка и дернул «агронома» вниз за рукав.

– Щас, делать мне нечего. У меня вон – куры кудахчут, – ответил Васька и, отхлебнув с отвращением чифиря, удалился.

– Во, типаж центральной России! – воскликнул Аркадий.

Все это время, пока сидели и перебирали, болтали и дурачились, Димка и Галя играли в переглядки. Это было так романтично и восхитительно. «Вот она любовь!» – думал Огурцов и ловил солнечный зайчик Галиной улыбки! Весь день прошел в томительном ожидании вечера и от этого день казался бесконечным. Димка мечтал о новом свидании, о новых поцелуях. Но вечером все Димкины планы рухнули. После ужина Галя куда-то исчезла, и Огурцов тщетно искал ее по всему барaku. Он заглядывал в комнаты и к девчонкам и к мальчишкам, надеясь отыскать свою пассию. Галя словно провалилась сквозь землю. Ее нигде не было, ни в бараке, ни на площадке перед ним. Тем временем стало заметно темнее и прохладнее. «Странно» – подумал Огурцов и присел на краешек перекошенной скамейки напротив входа. Димка сидел уже минут двадцать, один, погруженный в раздумья о том, что было вчера и о том, что же случилось сегодня. «Я что-то не так сделал, как всегда» – прошептал Огурцов и увидел, как из темноты прилегающих к барaku зарослей кустарника вышла пара. Это была Галя и с ней какой-то парень. Парень смело обнимал Галю за талию и в такт ходьбе прижимал к своему бедру. Они что-то весело обсуждали и смеялись. Огурцов узнал парня. Это был Игорь Семенов с металлургического. Димка почувствовал, как дрожь пробежала по телу. Он, не раздумывая, вскочил и пробежал перед парочкой в барак, едва не задев Галю плечом. «За что? Почему? Что я сделал не так?» Вопросы сыпались в Димкиной голове один за другим. «Ладно. Пусть. Бегать за ней не буду» – решил Огурцов и вошел в комнату.

– Димыч, Валерку не видел? – обратился к Огурцову Пашка, приподняв голову с мятой подушки.

– Не-а. Не видел. А чего? – спросил Огурцов.

– Да он узнал, что Галька с Игорем ушла, начал все тут швырять и

убежал куда-то. Серега с Аркашкой искать ушли. Уже, наверное, час как ушли, – ответил Пашка, окончательно поднявшись с койки.

– А чего Валерка из-за Гали переживает-то? – Огурцов понял, что он не одинок в своих претензиях на внимание девушки.

– Да они встречаются еще со школы. А ты, не знал? – разъяснил Паша, плюхнувшись обратно на кровать.

– Не знал, – честно признался Димка и добавил, – если бы я знал, я бы не... Огурцов запнулся. Ему не хотелось открываться полностью, хотя он понимал, что рано или поздно все станет известно. Станным образом Димке стало жаль Валерку и ему захотелось как-то помочь ему, то ли из сожаления, то ли из солидарности. Ведь Галя бросила и Огурцова тоже. «Вот сучка» – подумал Огурцов и вслух сказал: «Паш, куда они ушли? В какую сторону?»

– Кажется, в деревню пошли. У Валерки там дружки есть.

– Пойдем на встречу, узнаем, как дела?

– Пошли.

Как назло на улице заморосил дождь. Метров через триста от барака лежала деревня, погруженная во мрак. Слабый свет лампочек уличного освещения на редких столбах тускло освещал единственную деревенскую улицу.

Ребята перепрыгивали через лужи, стараясь не поскользнуться на глинистой почве и, ежились от морозящего холодного дождя.

– Валерка вообще психованный. У них с Галькой серьезно все было. Наверное, Валерка так всегда думал. А она.... Ну, Ты понял, мучает его постоянно. То да, то нет и в таком духе, – пустился в разъяснения Пашка.

– В каком смысле психованный? – спросил Огурцов

– Шальной. В прошлый раз грозился с крыши сигануть. Ели его отговорили. А в другой раз пьяный напился и из дома ушел. Ну вот, как сейчас.

– А он что – пьяный.

– Ну, а я о чем говорю. В доску. Натворит еще чего, – Пашка протер стекла очков и добавил, – он сказал: «Утоплюсь»

– Так чего Ты раньше то... – воскликнул Димка. Топиться в деревне было негде. Ближайшая речка «Вобля» протекала в 3 километрах от колхозных полей в сторону Серебрянных Прудов.

– Если Валерка на реку пошел, то нам его не догнать, – заметил Пашка.

– А если он к навозникам ушел, то он уже утопился, – сострил в ответ Огурцов.

Навозники это такие искусственные водоемы, то ли отстойники, то

ли еще что, но в них плавало что-то вонючее и густое. Местные называли эти водоемы навозниками. Эти самые навозники окружали деревню со стороны поля, и в темноте там и впрямь можно было утопнуть.

– А где же Серега с Аркадием, а? – спросил Димка.

– А хрен их знает, – ответил Паша.

– Ладно, пошли скорее, – поторопил Огурцов и представил, как пьяный Валерка ищет дорогу среди опасных навозников, куда и трезвому то нырнуть не сложно.

Друзья миновали последние огороды и замерли в оцепенении. В свете лампы, прямо под ней стояла огромная самая настоящая рысь. Рысь была неподвижна и, казалось, не сводила глаз с ребят.

– Вот попали, – прошептал Димка

– На хрен я поперся, – запричитал Пашка

– Тихо, не дергаемся. Стоим, ждем. Вдруг в лес уйдет, – сказал ели слышно Огурцов и застыл на месте.

Рысь постояла несколько минут, и медленно перебирая лапами, пошла на ребят.

Димка стоял, не шелохнувшись, крепко сжимая за локоть руку Пашки. Все вокруг тоже замерло в ожидании развязки. Ни ветерка, ни дождинки, ни звука.

Неожиданно рысь остановилась, мотнула головой и затрусила в сторону от ребят.

Теперь было ясно видно, что это никакая не рысь, а облезлая дворняга.

– Чтоб тебя, – сплюнул Пашка.

– Все, пошли домой, – выдохнул Димка Огурцов и отпустил Пашкин локоть.

Когда ребята вернулись в барак и вошли в комнату, им открылась следующая картина. Серега и Аркашка сидели на койках напротив друг друга, и пили чай. Валерка мирно спал на своей кровати. Прямо в одежде, поверх одеяла.

– Мы нашли его у Васьки. Чифирили, – сказал Аркашка, как бы отвечая на немой вопрос Огурцова. Димка вышел в коридор и прижался спиной к сыроватой фанерной стене коридора. Было уже два часа ночи, но барак не спал. То и дело хлопали двери, по коридору сновали подвыпившие студенты. Кто-то с кем-то уже обнимался по углам. В воздухе стоял неприятный затхлый запах беспорядка.

«Полпятого автобус в Москву», – подумал Димка и зашел обратно, чтобы собрать вещи.

– Ты чего Димон, уезжаешь? – спросил осторожно Серега.

– Да, надоело все это. У меня дома дела, – ответил Огурцов и, застегнув молнию на сумке, окинул взглядом комнату. – Ладно, мужики, пока.

– Ты чего, Дим. До станции десять километров, – не унимался Серега.
– Да ничего, успею, – ответил Огурцов и скрылся за дверью.
В коридоре Димка столкнулся с Баклажаном.
– Это ты куда намылился? – Баклажан был явно навеселе, отчего нос его стал еще больше походить на экзотический овощ.
– Домой, – спокойно ответил Димка и прошел дальше к выходу.
– Так и запишем: самовольно уехал с обязательной картошки. Давай, давай. В деканате все будет известно, – напугал Баклажан.
– А еще в деканате будет известно, как ответственный за картошку пьет вместе со студентами, нормально? – неожиданно жестко отреагировал Огурцов и вышел из барака.

Мерзбургская история

Ханс

Будильник зазвонил громко, противно и самое главное, как всегда, неожиданно, как раз в тот самый момент, когда Ханс целовал в губы Ильзу. Ильза оттолкнула Ханса так, что он чуть не свалился с кровати.

– Все Ханси, хватит. На работу опоздаешь, – сказала Ильза строго и отвернулась к стенке.

– Ладно, ладно. Встаю, мой генерал! – воскликнул Ханс и присел на кровати. Будильник показывал четыре часа утра. За окном было темно и холодно.

Ханс быстро умылся, глотнул горячего кофе и вышел из квартиры. Он спускался по лестнице, стараясь не шуметь, но шаги все равно отдавались звонким эхом в пустом подъезде. Ханс немного задержался на ступеньках, вдохнул осенний холодный воздух и шагнул на мокрую брусчатку тротуара. Через полчаса Ханс вошел в полицейское управление Мерзбурга. Ханс Грюнмайер служил в криминальной городской полиции и был из тех молодых специалистов, про которых говорят: «Он подает надежды». Еще Грюнмайер был тем, кого считают карьеристом. В хорошем смысле. Он мечтал лет через десять или пятнадцать оказаться в кресле шефа криминальной полиции. Какой солдат не мечтает стать генералом.

Грюнмайер родился в хорошей семье. Он был единственным ребенком и его баловали. Отец всю жизнь проработал на буроугольном комбинате и хоть и не поднялся до профессиональных высот, но проявил

себя в общественной жизни. Мать была домохозяйкой. Дома у Грюнмайеров всегда было тепло и уютно. Семья не была богатой, но маленький Ханси имел все, о чем только мог мечтать мальчишка из Восточной Германии. Летние каникулы он проводил в пионерском лагере. В свободные от школы часы, Ханси с удовольствием помогал матери с цветами. Цветник перед домом был гордостью фрау Грюнмайер. Мать Ханса была настоящим специалистом по декоративному цветоводству и на общественных началах занималась цветами в городском парке. А еще фрау Грю, как ее называли соседские дети, активно работала в уличном комитете и каждую среду председательствовала на собраниях. Ханси хорошо окончил школу, и потом технологический институт. Он собирался работать, как и отец, на буроугольном комбинате, а может быть и на химическом в Лойне.

Однажды, в один из дней, когда Ханс Грюнмайер еще купался в лучах счастливой юности, только-только закончив химико-технологический факультет в дверь их славного домика по Гартен штрассе постучали. Фрау Грю открыла дверь и увидела человека средних лет в красивой униформе полицейского.

– Меня зовут Райнер, я начальник отдела кадров городского управления народной полиции. Ваш муж, Вальтер, должен меня помнить, я был у него в учениках в Гайзельтале. – Сказал полицейский, и фрау Грю пропустила гостя в дом. Райнер сидел напротив семейства Грюнмайеров и рассказывал о трудной и интересной, по его мнению, службе в криминальной полиции, о том, как не хватает в народной полиции молодых, грамотных, дерзких ребят, особенно сейчас, когда так обострились противоречия в окружающем ГДР мире. Фрау Грюнмайер принесла кофейник и свои фирменные домашние печения, и разговор стал более доверительным.

– Знаешь, Ханс. Работа в полиции это то... – Райнер на секунду задумался, – то, о чем ты будешь всегда говорить с гордостью. Я не к тому говорю, что работа твоего отца или других там, на комбинате или еще где-то не важна, нет. Просто полицейский, он, понимаешь, он все это защищает, хранит. Дом, семью, возможность быть счастливым. Ты понимаешь?

– Да, герр Райнер. Я понимаю, – ответил Ханс, и твердо решил стать полицейским.

Вначале Хансу не давали серьезных дел. По правде сказать, ему вообще не давали никаких дел. Его наставник Фридрих Кун повсюду таскал его с собой, по ходу объясняя, что и как. Фридрих был не старше Ханса, ну может быть на год или два. Они вместе ездили по городу на

патрульной машине, ходили по улицам, просиживали много часов в кабине, разбирая то или иное дело, на примере которого Фридрих хотел научить Ханса «мыслить в нужном направлении, отсекая не нужное».

– Так еще Микеланджело говорил, – поучал Фридрих. Ребятам намеренно не поручали ничего серьезного, давая возможность сработаться.

– Ну что Кун готов твой напарник к большому делу, – сказал однажды шеф криминальной полиции Шенкер и потряс тощей папкой-скорошивателем.

– Готов герр майор! – отчеканил Фридрих и вытянулся по стойке смирно.

– Ну, тогда вот – дело! – воскликнул шеф и бросил на стол папку. – Даю Вам неделю. Через неделю жду результаты расследования. Все.

Дверь за Шенкером захлопнулась, и Ханс вздрогнул: «А хватит недели – то? А, Фридрих?»

– Хватит! – уверенно сказал Кун и открыл папку.

Фридрих и Ханс, наверное, потому что были почти что ровесниками, давно наплевали на субординацию и спустя несколько недель совместной работы стали просто хорошими приятелями. Они взяли в привычку заходить после работы в гаштет, пропустить по паре пива. Фридрих говорил, что полицейский всегда на работе, даже когда спит дома и даже тогда, когда пьет пиво после работы. В этот раз ребята сидели в пропахшем пивом подвальчике «Зеленого попугая», а перед ними на столе лежала папка с делом.

– Заявление гражданина Мильха Иоганна о пропаже мопеда и еще три подобных заявлений. Все датированные еще маем месяцем. Представляешь, сколько эти заявления валялись у Шенкера. Два заявления 7 мая, а два 12. Что нам это дает, Грюнмайер. – Отхлебнув пива, сказал Кун.

– Я думаю... – начал Ханс и задумался.

– Никогда не говори: я думаю. Говори, я считаю. Ты что! – поправил Кун коллегу и добавил, – итак, что ты считаешь?

– Я считаю, что пропажи связаны между собой. А где это произошло?

– На Гойзер штрассе.

– Поехали туда. Посмотрим на месте.

Ханс взял инициативу и руководство в свои руки, но Фридрих не обижался. Они стали друзьями и решили, что отныне и удачи и не удачи будут делить поровну.

Прошло три дня. Детективы ездили на Гойзер штрассе к магазину от которого были угнаны два мопеда 7 мая и к бару на той же улице, от которого были угнаны другие два мопеда 12 мая. Ханс дотошно расспрашивал возможных свидетелей происшествия, а Фридрих изучал ближайшие переулки и проулки. Никаких следов. Все было тщет-

но. Свидетелей не нашлось. Переулки и проулки были обследованы, но мопедов там не было. Дело зашло в тупик. На четвертый день друзья сидели в кабинете и молчали. Каждый думал о пропавших мопедах и о том, куда они могли подеваться. Срок, отпущенный этому «большому делу» шефом подходил к концу, а команда Куна, как прозвали ребят в управлении, была еще далека от того, чтобы закрыть дело.

– Поехали ко мне. У меня сегодня День Рождения, – нарушил тишину Фридрих.

– Сегодня? А что же Ты не сказал раньше? – воскликнул Ханс.

– А какое это имеет отношение к делу, – логически точно заметил Кун и скомандовал. – Поехали!

Знакомство

– Ханс – это Ильза. Ильза – это Ханс, – пробормотал Фридрих, когда дверь открылась. Кун небрежно кинул пиджак на пуфик и прошел в комнату.

– Так вот Вы какой, Ханс Грюнмайер! – воскликнула Ильза и, заправив льяную прядь волос за ухо, добавила, – мне Кун, я его так называю, все про Вас рассказал, что Вы вместе работаете и вместе пьете пиво после работы.

– А Вы Ильза... – начал было Ханс.

– А я сестра этого грубияна. Ведь он Вам ничего обо мне не говорил, да?

– Да. Ничего не говорил.

– А что говорить. Давайте за стол! – крикнул из комнаты Кун.

Кун и его сестра Ильза жили вместе со своей матерью в маленькой квартире в сером панельном доме недалеко от Шлоссгартен. Грюнмайер и Ильза сразу понравились друг другу. Между ними, как говорится, проскочила искра или что-то в этом роде.

– Наш мальчик, кажется, влюбился – сказала фрау Грюнмайер, когда Ханс нетрезвой походкой проскочил мимо гостиной в свою комнату.

– С чего Ты взяла, матушка? – старшему Грюнмайеру явно не по себе было от этой идеи.

– Он первый раз пришел домой так поздно, еще и навеселе и не подошел к нам, чтобы пожелать доброй ночи. Я Тебе точно говорю, он влюбился.

Ханс и вправду влюбился. И пьян в ту ночь он был не столько от вина, сколько от Ильзы. От ее смеха, от ее глаз, от ее рук, от ее голоса. Да, Ханс влюбился.

Не пройдет и месяца, как Ханс и Ильза перестанут скрывать свои чувства и огорошат близких желанием жить вместе.

– Ты с ума сошла. Он же. Он... – запнулся Фридрих.

– Он твой напарник и он твой друг. И еще я люблю его.

– А мама? Что Ты ей скажешь?

– То же, что и Тебе.

Ильза настояла на своем, и Ханс поселился в ее комнате, пока они подыскивали квартиру. Фридрих хмурился по утрам и уходил на работу раньше, не дождавшись Ханса. Фрау Кун ворчала, что раньше в их времена надо было бы сначала сыграть свадьбу, а уже потом спать в одной кровати. Родители Ханса тоже были не в восторге от решения сына, но они его любили и баловали, поэтому приняли все это, как должное.

Прошло время, и все привыкли, что Ильза и Ханс вместе и всем, а особенно самим любовникам, казалось, что так будет всегда.

Но все это еще только будет впереди, а пока влюбленный Ханс Грюнмайер проснулся утром и ударил себя ладонью по лбу. Его осенило.

– Ну конечно. Как я раньше этого не понял, – сказал он сам себе и вскочил с кровати.

– А завтрак, Ханси? – только и успела сказать фрау Грю, когда ее сын пробежал мимо кухни к двери из дома.

– Я понял, Кун. Это русские! – влетая в кабинет, закричал Ханс.

– Чего Ты кричишь? При чем тут русские? Какие русские? Отстань, голова болит, – отреагировал Фридрих и добавил. – Он понял. Лучше бы Ты понял, что шефу будем говорить?

– Да ладно Тебе. Ты что и вправду не понимаешь? – не унимался Ханс. – Я только ночью об этом подумал.

– Приснилось, что ли? – перебил напарника Кун.

– Ну, приснилось. Какая разница? – оправдывался Грюнмайер. – Смотри сам. Там почти вдоль всей Гойзер штрассе забор русской воинской части.

– Стоп. Стоп. Я все понял. Не дурак, – посерьезнел Кун и вкрадчиво сообщил. – А ты знаешь, что говорит шеф про русских? А?

– Нет, – честно признался Ханс

– Ру-сс-ки-х не тро-га-ть. Понял? – сказал громко Фридрих и поднялся из-за стола. – Не трогать и точка.

– Почему не трогать? А если я докажу, что русские мопеды угнали?

– Докажи.

– Докажу.

– Докажи.

– А вот и докажу! – обиделся на друга Ханс и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Шеф криминальной полиции Шенкер нервно поправил бумаги, грудой лежащие на столе и, подняв зачем-то пепельницу из майсенского фарфора вполголоса сказал: «Эти уж мне русские».

Новость, которую ему сообщил Кун, новостью для него не являлась, он и сам догадывался, что к делу причастны русские, живущие внутри обшарпанного бетонного забора на окраине Мерзебурга. Шенкер уже представлял, как вынужден будет идти и объясняться с русскими и главное то, что в этом его походе нет никакого смысла. Он знал, что все кончится братанием по-русски, комнатой дружбы, и на следующее утро больной головой.

– Ладно, Кун, Грюнмайер собирайте доказательства, заканчивайте расследование и пойдете со мной к русским, – сказал Шенкер, – хоть раз доведем это безобразие до конца.

Ильза

Ильза работала в магазине грампластинок на вокзальной площади. Ей было пятнадцать, когда отец уехал по работе на Запад и не вернулся. Брат сильно переживал из-за бегства отца. И пусть говорили, что отец сбежал от режима Хонеккера, для Фридриха было ясно, что отец сбежал от них, от мамы, Ильзы и от него. Возможно поэтому Фридрих и решил стать полицейским, чтобы доказать всем и главное отцу, что он никуда бежать не собирается, что для него его страна, как и его семья главные вещи на этом свете. А Ильза, она запустила школу, стала курить и однажды пришла домой пьяная. Фрау Кун, которая была вынуждена уйти из бухгалтерии трамвайного парка, и ей хватало забот с поиском новой работы, где бы на нее не смотрели косо из-за изменника мужа, замкнулась в себе и перестала даже пытаться повлиять на дочь. Фридрих, на правах старшего брата, воспитывал сестру, успокаивал мать, но со временем их общая боль не утихла, а скорее затаилась где-то в глубине их общего сознания. Потом был переезд с улицы Лиденштрассе, где они жили все вместе счастливо до бегства отца, в эту квартиру в серую панельную многоэтажку на улицу Унтеральтенбург. Ильза окончила школу, и ее приняли ученицей продавца в магазин. Фридрих уже работал в народной полиции, когда Ильза принесла свои первые заработанные деньги. Фрау Кун накрыла праздничный стол. И казалось, что счастье, их прежнее семейное счастье, возвращается к ним.

Через два года работы в криминальной полиции Фридрих получил повышение и из стажера сам превратился в наставника. А стажером

стал Грюнмайер. Тот самый Ханс Грюнмайер, который однажды появился в семье Кун, да так и остался в ней. Правда, не совсем так, как хотелось бы фрау Кун. Ильза любила Грюнмайера и это чувство она хотела показать всем вокруг, матери, брату, подругам в магазине, соседям по многоквартирному и просто прохожим. Ханс сначала стеснялся такого «любовного шторма», как он говорил, а потом он привык и ему этот «шторм» стал даже необходим, как воздух. Они с Ильзой целовались везде: дома перед телевизором, на автобусной остановке перед открывающимися дверями автобуса, в магазине перед покупателями, везде.

– Ильза Кун, Вы будете уволены, если я увижу Вас на рабочем месте вместе с Вашим...хм...приятелем, – сказала однажды Фрау Гранец, директор магазина грампластинок.

– Когда Вы нас пригласите на свадьбу, Ильза? Он такой милый твой Ханси, – болтали девчонки из отдела классической музыки.

– Мы современные люди. Вы телевизор смотрите? Сначала надо привыкнуть друг к другу, – отвечала на призывы Ильза.

– А Вы еще не привыкли? – ехидничали подружки.

Ильза и сама думала о свадьбе. И Ханс хочет жениться. Он сам ей об этом говорил. Но она боялась серьезного шага.

Русские

– Мне твои отговорки... вот где! – закричал Командир и указал рукой в окно.

– Да это не отговорки, товарищ полковник, – оправдывался высокий худощавый майор с серым изрытым оспинами лицом, – я ему все объяснял, а он – зеленый, молодой. Ну что с ним делать?

– Что делать? С ним не хрена не сделать. Таким и останется. А вот, что мне делать, как с немцами разговаривать? Ладно, иди, – сказал уже спокойнее командир и уселся в кресло.

Майор вышел из кабинета, тихо закрыл за собой дверь и на секунду замер, как бы в ожидании, вдруг командир передумает и опять его позовет!

– Нет. Тихо. Вот дерьмо. Надо же как, – пробурчал под нос майор, развернулся и зашагал по коридору.

Майор Ермолаев перевелся в Германию из Афганистана, где он выполнял интернациональный долг и заслужил кой-какие награды, о которых не любил болтать. Человек он был серьезный и волевой, как говорится, не неженка. В полку Ермолаев занял должность заместителя командира по технической части. Вся техника военная и обеспечения была на нем. Солдаты его любили, за прямодушие и безотказность. А он

прощал подчиненных, не замечал разгильдяйства и откровенной халтуры. Многие, конечно, этими совсем не военными качествами Ермолаева пользовались по полной программе. Когда майор только перевелся, к нему присматривались, а уже через несколько дней поняли – хороший человек, драть за все про все, как бывший зампотех не будет. И началось. Беспорядок в парках. То воду забыли слить, то масло залить, а то солярку чуть не в открытую стали продавать. Командир ругал майора все чаще и чаще. А тут надо такое приключилось. И как назло накануне присяги. А случилось вот что.

Прапорщик Жданков новоиспеченный старшина первой роты производил развод личного состава в парково-хозяйственный день, как обычно, в субботу.

– Рыжков берешь троих бойцов и в большой парк, чтобы боксы наши сверкали, понял и под эстакадой все убрать. Кистенюк, Костя рота твоя – коридор, кубрики – оставляй людей сколько надо. Ряполов – прилегающая территория, ни одного бычка, ни одной соринки и дерева, самое главное, стволы побелить – понял?

– Товарищ прапорщик, а чем белить то? Краски то нету! – воскликнул младший сержант Ряполов и развел руками.

– Нету, нету. Найди. На то, ты Ряполов и разведчик, – засмеялся Жданков.

– Мы раньше к фрицу ходили. У него там все есть. Он вроде как не возражал, – вспомнил Ряполов.

– Ну, раз раньше ходили, давай дуй к фрицу! – скомандовал Жданков, распустил строй, взмахнув кистью руки, как дирижер и удалился в свою каптерку.

Фриц

Рядом с воинской частью, как раз там, где заканчивается забор по Гойзер штрассе и начинаются возделанные поля, стояло добротное хозяйство немецкого фермера.

Юрген, или фриц, как его называли русские солдаты, любил свое фермерское дело. Он растил кукурузу, держал свиней и еще какую-то живность. Соседство с советской воинской частью не слишком его беспокоило. Он привык. Русские раньше залезали к нему в сад за яблоками, ломали ветки, топтали огород. Юрген носил жалобы в муниципалитет, потом в полицию, но реакции на его жалобы не было. Русских не трогали. Тогда Юрген нашел другое решение. Когда начинали созревать яблоки и груши, сливы и абрикосы, он наполнял большие корзины и выставлял их рядом с границей сада. Русские перестали топтать

огород и ломать ветки, они привыкли забирать фрукты из корзин, как дань от дружелюбного фрица. Постепенно русские и фриц стали друзьями. Когда ранним утром Юрген колесил на своем тракторе по полю, то завидев на бровке русских солдат, громко приветствовал их: «Морген». А русские отвечали: «Здорово фриц». И все было предсказуемо и потому хорошо для всех и для фермера и для советских солдат. И все бы так дальше и шло, если бы не задание Жданкова.

В то злополучное утро Ряполов с тремя бойцами подошел к участку Юргена. По протоптанной дорожке вдоль поля солдаты пришли к сараю фермера и, повернув несколько досок в стене сарая, влезли внутрь.

– А может спросить у него? – осторожно поинтересовался один из бойцов у Ряполова.

– На каком языке ты у него спросишь то? А, дурень! – рявкнул сержант и толкнул бойца в глубину сарая. – Давай ищи краску. Белая нужна, умник.

В сарае было темно и тесно. Какие-то корзины, банки, жестяные бочки наполняли все внутреннее пространство. Солдаты натыкались на садовый инвентарь и матерились.

– Сергеев, давай ищи выключатель. Должен же тут у фрица свет быть – скомандовал Ряполов и второй раз наступил на лопату: «Твою мать!»

Сергеев стал шарить по стенам в поисках выключателя и видимо стараясь дотянуться до того места, где ему показался желанный рубильник, схватился за деревянный стеллаж. Раздался жуткий грохот. Стеллаж со всем содержимым полок рухнул на пол сарая и «похоронил» под собой испуганного Сергеева, который вылезая, устроил не менее страшный шум. Слава Богу, что у фрица не было собак, но вся остальная живность отчаянно заголосила. Куры, утки, свиньи – все вместе заревели, закудахтали и закричали, как будто по взмаху палочки дирижера грянул оркестр.

– Юрген, ты слышал? Кто-то в сарае! – воскликнула жена фермера, наливая ему чашку кофе.

– Да что там такое? – вскочил Юрген и выглянул в окно. В утреннем тумане было слабо различимо какое-то движение у сарая.

– Я звоню в полицию Юрген, – дрожащим голосом доложила жена и схватила телефонную трубку.

Полиция приехала быстро. Грюнмаер и Кун вместе с семейной четой фермеров прошли к сараю. Животные уже успокоились, и вокруг было тихо. В сарае они увидели нагромождение корзин, банок, бочек, садовых принадлежностей и торчащий из этой кучи словно скелет доисторического животного поломанный остов стеллажа. Кун заметил

брешь в противоположной стенке и бросился туда. Остальные последовали за ним. Фридрих пригнулся, просунул голову в дырку и закричал: стой, ни с места.

– Зачем вы их сюда привезли? – Шенкер нервно вскочил со стула: что мне прикажете с ними делать?

– Проникновение в частное владение с целью ограбления. Порча имущества. Состав преступления на лицо, – деловито доложил Грюнмайер.

Шенкер опустил голову, закрыл лицо руками и сидел так секунд тридцать. Потом опустил руки, поднял голову и спокойно тихо скомандовал: берешь русских и везешь их в комендатуру. Там передашь их на руки русским военным и все, понял?

– А.... – начал было спрашивать Ханс.

– Скажешь, на улице подобрал. Хотя нет. Вези их лучше на КПП воинской части. А я сейчас позвоню русскому командиру. Они сами пусть разбираются. Все. Кун проследи, чтобы все было сделано, как я сказал, – рассердился Шенкер и хлопнул ладонью по полировке стола.

Шенкер встал из-за стола и уже более спокойным голосом приказал: «Фермера этого с женой давайте сюда пригласите».

Возмещение ущерба

На следующее утро, Юрген копаясь в саду, увидел длинную шеренгу русских солдат, надвигающуюся к его владению. Прапорщик Жданков сам руководил работами. Стеллаж в сарае отремонтировали и поставили на место, надежно закрепив к стене.

– Чтобы в следующий раз не рухнул, а Серегеев! – сострил старшина и бойцы дружно засмеялись. Все корзинки, банки и бочки были расставлены по своим местам, а злополучная дырка в стене навсегда забита новыми досками. Солдаты принесли с собой несколько бочонков с белой краской, один из которых поставили на стеллаж, а другой откупорили, и шустро обмакивая в краску кисти, выкрасили сарай снаружи в яркий белый цвет.

– Сорок пять минут. Как в аптеке! – присвистнул Жданков и, козырнув впечатленному фрицу ладонью, скомандовал. – В роту.

– Разрешите доложить товарищ майор? – звонко спросил Жданков, отдавая честь.

– Давай, давай. Докладывай, – майор козырнул в ответ и придвинул поближе пепельницу.

Кабинет зампотеха в штабе был, наверное, самый неудобный. Разбросанные тут и там папки с чертежами, пустые бутылки из-под олифы и в придачу черный весь в масле карбюратор на газетной куче в углу. На этот кабинетный беспорядок со знакомой каждому улыбкой взирал Владимир Ильич с цветной репродукции над столом Еромолаева.

– Все сделали, товарищ майор, стеллаж восстановили, краску вернули, сарай покрасили. Немец доволен вроде как, – докладывал Жданков.

– Вроде как? Ты смотри Жданков. Мне из-за тебя от папы знаешь как... по самое не могу, – попытался рассердиться Еромолаев, но у него плохо получалось, – ты там как-то все-таки поработай с личным составом. Чтоб, понимаешь, не допускались, такие все-таки случаи.

– Так точно, товарищ майор! – Жданков вытянулся по стойке смирно.

– Ладно, Володь, проехали. Ты как домой или в наряде? – спросил зампотех и встал с кресла.

– Домой, Евгений Иванович.

– Щас, в дежурку заскочу, и пойдем вместе, – Евгений Иванович запер кабинет и, опережая Жданкова, поспешил в дежурку.

Присяга

Прошло пару недель. Грюнмайер и Кун давно уже собрали все необходимые доказательства по делу о похищенных мопедах. Узнали, что рядом с местом пропажи мопедов часто видели двух русских солдат неопрятного вида. Ханс проследил все возможные передвижения русских от границ воинской части до гаштета и магазина и совершенно ясно представлял себе картину преступления. Но Шенкер не обращал никакого внимания на рвение подчиненных, как будто это не он самолично несколько недель назад поручил Куну и Грюнмайеру заниматься этим делом.

Между тем, Ханс уже несколько дней жил с Ильзой в квартире Кунов на улице Унтеральтенбург. Ханс был счастлив. Счастлив от того, что он любит и любим, от того, что живет самостоятельно и работает в полиции. Да, много у Ханса было тогда причин для счастья, так много, что трудности и переживания на работе мало влияли на его весеннее настроение в разгар немецкой осени.

– Кун и Грюнмайер, завтра в семь утра выезжаем на присягу к русским. Мы приглашены, как шефы воинской части. Быть в парадной форме. Для русских принятие присяги большой праздник – сказал Шенкер и добавил, – это мероприятие может затянуться на неопределенное время. У русских так всегда, ничто не известно наперед.

Полицейская машина остановилась у КПП советской воинской части ровно в семь часов семь минут. Шеф криминальной полиции Шен-

кер, офицеры Кун и Грюнмайер вылезли из автомобиля, и подошли к капитальной будке контрольно-пропускного пункта. Встречающих русских не было. Только солдат с красной повязкой вышел из будки и преградил путь немцам. Немцы и русский простояли так, друг против друга не меньше нескольких минут, во время которых русский успел достать из мятой пачки папиросу и закурить. Грюнмайер закашлялся от дыма и отвернулся. Кун снял с руки часы и принялся крутить колесико подзавода. А Шенкер продолжал стоять и смотреть прямо на солдата. Вскоре в будке зазвонил телефон и наружу вышел еще один солдат и что-то ели слышно сказал первому.

– Айн момент, – сказал первый солдат и затянулся папиросой. Потом он отошел от немцев, ловким движением пальцев отбросил дымящийся бычок в сторону и вытянулся по стойке смирно, повернувшись к территории части. По брусчатой дорожке со стороны казарм приближалось несколько офицеров. Это были командир Крылатов, начальник политотдела Майский и еще незнакомый Шенкеру офицер.

– Ну, здравствуйте товарищи. Гутен морген! – приветствовал немцев командир. НачПо отдал честь, и все обменялись рукопожатиями.

Шенкер сносно говорил по-русски, да и Кун с Грюнмайером учили этот трудный язык в школе, поэтому что-то понимали.

– А это наша молодежь. Смена! – указал на молодых полицейских Шенкер и потрепал каждого из них по плечу.

– Смена это хорошо! – сказал Крылатов, движением руки пригласив гостей проследовать за ним.

Пока шли по территории, которая поразила немцев своей чистотой и порядком, командир рассказывал о предстоящем мероприятии. Шенкер внимательно слушал, а Фридрих и Ханс таращились по сторонам – они впервые были приглашены в русскую воинскую часть. Они, конечно, знали, что за серым забором по Гойзер штрассе находятся русские, но внутри они были впервые.

Вдоль дороги росли высокие каштаны, создавая, таким образом, длинную аллею. У каждой казармы были разбиты клумбы с розовыми кустами и множеством цветников. Здания казарм блестели тщательно вымытыми стеклами окон, а встречающиеся по пути русские солдаты и офицеры вытягивались в приветствии, что приятно волновало полицейских. Вдруг поравнявшаяся с командиром и его гостями колонна солдат, молниеносно превратилась в точенный прямолинейными гранями параллелепипед, звонко топнула и прокричала: «Здравия желаю товарищ полковник!»

Немцы замерли в испуге, а Крылатов, повернувшись всем могучим телом к колонне, крикнул: «Вольно!»

И вдруг, так же молниеносно параллелепипед притупил очертания и зашагал дальше.

– Вот это строй, а Ханс! – тихо сказал Кун на ухо Грюнмайеру.

– Да! – только и смог ответить впечатленный Грюнмайер.

Когда командование полка и немецкие шефы поднялись на трибуну, водруженную на плацу, заморосил противный мерзбургский дождик. Свинцовое небо сурово нависло над колоннами русских солдат, недвижимо стоящих напротив трибуны.

Между колоннами и трибуной в парадной форме с автоматами наперевес расположилась шеренга новобранцев, готовых к принятию воинской присяги.

Присяга длилась долго. Грюнмайер успел замерзнуть в своем летнем форменном кителе, а Кун заметно сдерживал зевоту.

Солдаты по одному подходили к знамени полка, целовали край флага, зачитывали из большой красной папки текст присяги и возвращались в строй.

В конце церемонии командир полка Крылатов долго что-то говорил, прерывая свою речь громким кряхтением. Настал черед шефов. Шенкер подошел к микрофону и начал говорить громко и четко о дружбе между ГДР и СССР, о братской взаимопомощи и переднем крае обороны стран Варшавского договора. Шенкер говорил по-немецки, так как считал, что это более официально. Советский офицер-переводчик ели успевал за быстрой речью Шенкера, сбивался и, говорил так тихо, что вряд ли бойцы там внизу на плацу что-либо разбирали. Ханс был впечатлен тем, что ни смотря на долгую и непонятную речь Шенкера, полк ни разу не шелухнулся, и казалось, каждый боец внимал каждому слову немца.

Церемония закончилась. Полковой оркестр заиграл бравурный военный марш, и колонны солдат зашагали по плацу, проходя мимо трибуны. Грандиозный военный парад произвел на Куна и Грюнмайера сильное впечатление. Русские, вопреки сложившемуся у немцев мнению, показали великолепную строевую выучку и завидную дисциплину.

Крылатов, сходя с трибуны, задержался на ступенях и, развернувшись к немцам, спросил: «Ну как вам наша присяга, а? Гуд?»

– Аллес Гуд, товарищ Крылатов, – ответил за всех Шенкер, а Ханс и Фридрих одновременно закивали головами.

– А теперь в столовую. Посмотрите, какой наши женщины стол накрыли для ребятишек, – мягким голосом детского воспитателя сказал Крылатов и пригласил всех за собой.

В полковой столовой было по-домашнему уютно. Ситцевые занавески на больших окнах. Белоснежные скатерти на столах. Столы, щедро

уставленные разными сладостями и фруктами. Там были и пирожные и печения в глубоких стеклянных вазах и большое количество шоколадных конфет, а также газированная вода в бутылках. За столами сидели ребяташки, как присягнувших на верность советской Родине новобранцев называл Крылатов, и с наслаждением кушали. Вокруг столов, но все-таки на некотором расстоянии стояли и наблюдали за молодежью офицеры во главе с Крылатовым. Командира Крылатова в полку все называли папой. Только сейчас Шенкер с удовольствием разгадал смысл этого прозвища. Крылатов и впрямь был папой для всех этих русских солдат и офицеров, волею советской власти оказавшихся так далеко от дома. Среди присутствовавших в столовой, Шенкер заметил и офицерских жен. Некоторых он знал по общим банкетам, на которые его часто приглашали. Женщины заполняли опустевшие вазы, подносили газировку и убирали пустую посуду. «Наверное, ребяташкам последний раз дают возможность побыть немного в домашней обстановке, перед тем, как они окончательно окажутся запертыми внутри серого забора по Гойзер штрассе на долгие два года», – подумал Шенкер и его глаза увлажнились.

Перед банкетом, организованным Крылатовым в командирской столовой, офицеры и гости вышли покурить на воздух. Шенкер курил свой «кабинет», а Ханс и Фридрих, оба не курящие, обменивались впечатлениями от увиденного в полку.

Вдруг, Грюнмайер вздрогнул, как будто вспомнил что-то и обратился к Шенкеру: «Герр майор, а вы ведь забыли папку с делом о мопедах? Мы хотели все это сегодня решить».

– Во-первых, не забыл, а не взял. Во-вторых, как ты себе представляешь решение этого дела в такой для русских день? – ответил Шенкер и, нервно стряхнув пепел, добавил, – я сам с Крылатовым переговорю, а для вас у меня есть новое дело. Читали донесения патрульных о беспорядках на дискотеках в политехническом институте? Есть мнение, что там действуют одни и те же хулиганы. Надо это проверить. А с мопедами я сам разберусь.

Все по-старому

Закончился октябрь и наступил последний месяц осени, который оказался последним месяцем целой эпохи. 9 ноября 1989 года рухнула берлинская стена, более трех десятилетий делившая по частям Германию. И вместе со стеной разрушалось все вокруг, разрушалась страна и судьбы ее жителей. Процесс, как говорится, пошел, и его было уже не остановить.

Начальник криминальной полиции Шенкер сидел один в своем кабинете. Он был удручен последними событиями и не знал, что делать.

Иногда его озаряла какая-то мысль, он хватался за трубку телефона, но как только он собирался набирать номер, озарение покидало его, и он клал трубку на место.

– Черт знает, что такое. Что происходит? Почему все молчат? – бурчал себе под нос Шенкер и закрывал лицо руками.

За короткий срок все, что было понятно и ясно перестало быть таковым. Учреждения еще работали по привычке или по инерции, но как долго это могло продолжаться. Государство стремительно рушилось, а его граждане бежали через открытую теперь границу навстречу новой жизни, к свободе, которой они в ГДР были лишены, как они думали. Шенкер смотрел что-то по телевизору, что-то слышал по радио. Обрывки речей, призывов, требований.

«А что русские?» – думал шеф полиции: «Надо позвонить Крылатову. Уж он-то должен знать, что происходит».

Шенкер набрал номер, пошли гудки, длинные и громкие, наполняющие голову шефа зловещим эхо.

Наконец, Крылатов ответил: «Слушаю, Крылатов».

– Добрый день, Владимир Николаевич, это Клаус Шенкер... – начал по-русски Шенкер и помедлив немного, продолжил, – вы знаете, что сейчас происходит у нас? Какие призывы раздаются? Что говорит ваш генсек? Я не знаю, что думать, что делать?

– А что ты делать хочешь Клаус? – перебил Крылатов

– Вот я и говорю, я не знаю. У вас есть указания сверху? – перешел все возможные рамки приличия Шенкер.

– Нет у меня никаких указаний. Успокойся Клаус, – ответил командир спокойно.

– Значит все по-старому? – Шенкер не унимался.

– По-старому. По-старому. У тебя все? – Крылатов начал раздражаться.

– Да все. До свидания Владимир Николаевич.

– Давай. Пока.

Шенкер положил трубку и откинулся на спинку кресла. Напряжение спало. Он налил в стакан воду из графина, выпил и произнес вслух: «Все по-старому».

На Запад

Ильза все-таки нашла квартиру и они с Хансом начали ее обустраивать. Ханс принес свой магнитофон и журнальный столик. Ильза попросила брата перевезти платяной шкаф из ее комнаты. Казалось, быт молодой семьи налаживается. Грюнмайер торопился с

работы домой к Ильзе и они с Куном все реже стали ходить вместе в пивную.

- Им бы следовало пожениться, – ворчала фрау Кун
- Ладно, мама еще успеют, – успокаивал ее Фридрих.

Ханс и Ильза были вместе, как они и мечтали. Они были счастливы в своей квартире на окраине старого Мерзебурга и старались не замечать событий, происходящих вокруг. Событий, которые изменяют их счастливую жизнь.

В этот злополучный вечер Грюнмайер решил прийти домой немного раньше обычного. Он собирался сделать Ильзе сюрприз, приготовить что-нибудь этакое к ужину. В управлении в этот день была странная тишина. Все куда-то подевались. Только из кабинета шефа сквозь приоткрытую дверь пробивался свет. Пустые коридоры и кабинеты наводили скуку, и Ханс со спокойной совестью вышел из здания.

Когда Грюнмайер подходил к дому, где они снимали с Ильзой квартиру, он заметил свет в их окне на втором этаже.

– Странно. Ильза должна быть еще на работе. Может это Кун? – пробормотал Ханс и вошел в подъезд.

Грюнмайер отпер дверь ключом, вошел в коридор, потом в комнату и остановился.

– Ты что делаешь, Ильза? – спросил Ханс, увидев, что Ильза укладывает вещи в раскинутый на кровати чемодан.

– Я уезжаю, Ханс, – ответила Ильза и заплакала.

– Ты что? Куда? – воскликнул Грюнмайер, подскочил к Ильзе и обнял ее что есть силы.

– Прости, Ханс. Я так не могу больше. Я хочу найти отца, – сказала, рыдая Ильза, потом оттолкнула Ханса и добавила, – ты ведь не понимаешь меня, да?

– Ты с ума сошла Ильза. Что с тобой? Подумай хоть о матери, о Фридрихе. Как ты можешь уехать? Да и куда? Ты ведь не знаешь, где он, твой отец? – Ханс старался привести как можно больше аргументов, но уже понимал, что он теряет Ильзу навсегда.

– Я знаю, где он. Я его найду. Я не могу больше жить здесь. В этом городе. С тобой. Я не хочу! – Ильза почти кричала и, комкая, продолжала класть свои юбки и блузки в чемодан.

Ханс сел на край кровати и опустил руки. Было что-то такое сильное в действиях и словах Ильзы, что заставило его сдаться. Да и что он мог сделать? Заставить ее остаться силой? «Нет», – решил Грюнмайер: «Пусть уезжает».

Ханс встал и, молча, вышел из квартиры, спустился по лестнице, вышел на улицу и пошел обратно в управление. Он двигался как во сне,

все вокруг теперь не имело для него никакого значения. Ханс вошел в кабинет, где Кун все еще сидел с бумагами.

Заметив что-то, Фридрих, подняв глаза от письменного стола, спросил: «Что случилось, Ханс? Ты какой-то не такой».

– Ты ведь знал, что она уйдет? Что она бросит меня? – вдруг закричал Грюнмайер.

– Что ты кричишь, Ханс? Кто тебя бросил? Ильза? – Кун вскочил со стула.

– Да, Ильза.

– Я ничего не знал, Ханс. Откуда мне знать? Она давно уже не разговаривает ни с мамой, ни со мной.

– Почему Ты мне не говорил об этом? А, Кун! – Ханс немного успокоился и прислонился спиной к стене.

– Что она сказала? Давай Ханс, говори! – теперь Фридрих занервничал.

– Сказала, что поедет искать отца.

– На запад?

– На запад! – ответил Грюнмайер и, махнув рукой, вышел из кабинета.

Без Ильзы

Грюнмайер продолжал жить один в снятой квартире. Он втянулся в работу, которой меньше не стало. Шенкер подкидывал им все больше запутанных и интересных дел. Из-за того, что граница была практически открыта частыми стали довольно специфические дела о нападениях на западников. То машину обчистят, то портмоне вытащат. Кун и Грюнмайер опять взяли в привычку ходить в гаштет после работы. А по выходным проводили вечера дома у родителей Ханса или у Куна. Жизнь шла своим чередом. Как и обещал Крылатов, все было «по-старому».

Прошло два года. Шенкер и Кун ушли из полиции Мерзебурга. Шенкер по возрасту, а Кун, потому что ему предложили хорошее место в каком-то министерстве в Берлине. Кун согласился, так как его ничто уже не держало в родном городе. Сестра уехала на запад, и от нее не было вестей. Фрау Кун тяжело переживала разлуку с дочерью и летом 1990 года умерла в городской больнице.

Грюнмайер один приходил на работу, один сидел в кабинете, один пил пиво после работы и один уходил домой. Он привык быть один, и эта привычка стала его пугать.

Однажды он проснулся среди ночи. Он понял, что во сне кричал,

что его напугал собственный крик. Он присел на кровати. Лунный свет слабо озарял комнату. Грюнмайер плакал. Слезы текли по его щекам, а он повторял, как в бреду: «Ильза, Ильза».

Наверное, Хансу было бы легче, влюбись он снова. Но он не мог забыть Ильзу, он ждал, что она вдруг вернется, хотя и слабо в это верил. Наверное, Хансу стало бы легче, вернись он домой к родителям в их уютный дом на Гартен штрассе. Но он боялся предстать пред родителями поверженным, брошенным, одиноким.

Конец

– Грюнмайер, езжайте к русским. Выясните, что у них там происходит? Мне звонит бургомистр каждые полчаса. Русские задерживают отправку составов. Поскорей бы уже убирались от нас. Столько лет тут у нас на шее сидят, оккупанты, – новый шеф полиции Штрауб произнес последнее слово так громко, чтобы ни у кого в управлении не было сомнения в его позиции в свете последних событий.

– А почему я? – спросил Грюнмайер.

– Я буду откровенным Грюнмайер... – начал Штрауб, потирая руки, – вы и ваш бывший руководитель Шенкер известны своей любовью к русским. Вы уж меня извините, но никто в управлении не хочет ехать к ним. И я не могу. Вы же понимаете, что этот мой шаг может быть истолкован неверно. А вам, уж вы меня извините, как вы сами понимаете, все равно теперь...

– Я все понял, шеф Штрауб, – перебил начальника Ханс, развернулся и пошел к двери.

– Вот и хорошо. Вы поторопите их. Пусть не срывают сроков, а то будем отправлять пустые вагоны, – прокричал вслед Грюнмайеру Штрауб.

Ханс пошел пешком. И идти было не далеко, да и хотелось прогуляться, подумать. Грюнмайер твердо решил потом не возвращаться в управление. Он решил уйти совсем. Ханс почувствовал себя чужим в полиции Мерзебурга или другим, да это и не важно, все равно Штрауб совершенно точно дал понять, что терпеть кого-то из старой команды Шенкера в управлении он не будет. Тогда зачем Ханс идет к русским. Станным образом русские олицетворяли для Грюнмайера все то, чем он жил раньше, когда хотел работать в полиции, когда хотел быть с Ильзой. Ханс шел к русским, чтобы еще раз, наверное, в последний раз побывать во времени, которое уходит. Он шел через вокзальную площадь, мимо магазина грампластинок, в котором работала Ильза, потом

по тихой улочке, вдоль которой, жались к обочинам то тут, то там маленькие «трабанты».

А вот и забор вдоль Гойзер штрассе. Грюнмайер прошел через пустое КПП. Никого не было. Он шел по каштановой аллее, по брусчатой дороге к штабу и на пути не встретил ни одного человека. Ханс вошел в штаб, поднялся на второй этаж и вошел в открытую дверь кабинета русского командира.

Крылатов сидел спиной к двери и смотрел в окно.

– Товарищ Крылатов! – произнес Ханс.

– Да, – ответил Крылатов и повернул голову.

«А «смена», заходи!» – узнал Грюнмайера командир.

– Вот уходим, – сказал Крылатов и спросил. – А ты чего?

– Я мимо проходил, товарищ Крылатов, – смутился Ханс.

– Да что ты все товарищ Крылатов, давай по-простому. Меня Володя зовут.

– Ханс.

– Ну вот. Держи пять – протянул руку Крылатов.

– Да. – сказал Грюнмайер и пожал командиру руку.

– Выпьем. Как у нас говорят «на посошок»! – воскликнул Крылатов и достал из сейфа початую бутылку водки. – Давай?

Крылатов разлил по стаканам водку, и поднял свой: «Ну Ханс, за мир во всем мире. До дна».

Повисла пауза и в этой нереальной тишине Грюнмайер осознал, что этот русский командир Крылатов – последний из тех, кто олицетворяет для него прошлое, его дорогое прошлое. И Крылатов тоже уходит, как ушла Ильза, Шенкер, а потом и Кун. Ханс заплакал, то ли от этой мысли, то ли от русской водки, которая ударила в голову.

– Да что ты, пацан? Фигня это все. Все образуется. Ты молодой еще, наладишь все, – успокаивал Крылатов немца. – Ты знаешь что? Ты за старое не держись. Старое оно прошло, и нет его больше. А новое только еще будет, а значит можно все правильно сделать. Понял?

– Да. – ответил Ханс и вытер ладонями слезы.

Крылатов взял со стола красное полотенце и стал его старательно складывать.

– А что это? – не узнал знамя Грюнмайер.

– Это, Ханс, знамя победы! – ответил Крылатов и обмотал сложенное полотенце вокруг своего тела. Зацепил большой булавкой и надел поверх китель.

– Ну, давай прощаться. Без меня там не уедут никак, – сказал Крылатов и обнял Грюнмайера.

– Шенкеру привет, – добавил Крылатов и вышел из кабинета.

Ханс сел на стул и посмотрел по сторонам. Кабинет был пустым, брошенным. Перекошенные полки на стенах, раскрытый сейф в углу и портрет русского генсека высоко под потолком. Генсек улыбался, и казалось, что он сейчас скажет, обращаясь к Грюнмайеру: «Новое только еще будет. Понял?»

– Да, понял! – сказал вслух Грюнмайер и вышел.

Ханс шел вдоль Гойзер штрассе, навстречу шли молодые ребята, парни и девушки, студенты. Они шли, весело болтая, в институт, и не обращали никакого внимания на Грюнмайера, смотревшего им вслед. Не заметно, Ханс вышел на свою улицу, на ту самую Гартен штрассе, где он жил с родителями до знакомства с Ильзой.

«Мама и папа, наверное, дома», – подумал Ханс и вошел в калитку.

Побег. Рассказ из армейской жизни.

Свинарник

Огурцов бежал по заросшему бурьяном полю, часто спотыкаясь, попав ногой в канавку или кочку, падал, вставал и бежал снова. Сзади доносились голоса готовящейся к отбою воинской части. Огни казарм постепенно превращались в маленькие точки за листвою кустарника и скоро совсем исчезли. Немецкое поле окутала немецкая непроглядная ночь. Вдруг спустился туман, словно белый мутный колапак. Димка остановился. Перевел дыхание, согнувшись пополам, как сломанная кочерга. Сил бежать не осталось. Да и бежать не от кого. Погони не было. Огурцов, постояв с минуту, рухнул на колючую влажную от тумана траву.

Какое-то насекомое быстро перебирало лапками по липкому от пота лбу Огурцова, присело и вонзило острый как электрический ток хоботок в кожу.

– Комар, гадина, – хлопнул себя по больному от укуса месту Димка и медленно встал с примятой травы. Через несколько минут Огурцов вышел к свинарнику. Под ногами хлюпала земляная грязь вперемешку с желто-коричневой пожухлой листвою. Вокруг свинарника в белесом тумане проступали силуэты деревьев, казавшиеся огромными скелетами. Зловещий остов остатков немецкого завода, окружавший свинарник, наводил ужас на Огурцова. Ему было страшно. Страшно от неминуемой погони. Страшно от неминуемой тюрьмы. Но еще больше он боялся

смерти, которая подбиралась к нему все ближе и ближе там за забором воинской части.

Дверь открылась и пьяный голос спросил. – Ты че? Кто?

– Это я, Огурцов.

– Димон, здорово. Заходи!

Свинари народ революционный, можно сказать, диссиденты. Живут одни на приличном расстоянии от полка и от начальства. Кому охота тащится по ямам и кочкам по грязи и колючей траве проверять, как они там служат. Да ни кому! Свинари народ особый, неблагонадежный что ли. В полку их видеть не хотят, таких вот смутьянов и нарушителей порядка. Вот и сослали вроде как в ссылку. А они и рады. Живут на всю катушку, без присмотра. В самоволку ходят, подворовывают у беспечной немчуры и вообще ведут себя, как хозяева жизни в своем грязном свинарнике. Поэтому принять беглеца для свинарей – это дело чести.

Один из свинарей, Стеша, вскипятил чай и, разломив булку, протянул кусок Димке.

– Давай закусывай, – со знанием дела воскликнул Стеша и сел на кровать напротив Огурцова.

– А Толик где? – спросил Димка

– Свинью смотрит, – Стеша опустил корпусом на кровать и мгновенно уснул.

Огурцов отхлебывал чай из кружки и думал, думал, думал: зачем он бежал? Теперь в тепле и относительной безопасности мысли его стали возвращаться в реальность. О чем он только думал? Куда он собрался бежать? Домой? В Союз? Через границу?

– Дурак! Какой же я дурак! – думал Огурцов, и страх с новой силой захватывал его больное сознание!

В грязном домике свинарей Огурцову было странным образом хорошо, тепло, как дома. Он сидел с кружкой стынувшего чая и думал, думал, думал.

Чертежники

С Андреем Огурцов познакомился не так уж и давно. Кажется, это было ранней осенью, в первых числах сентября. Для работы над картами собирали усиление из числа бойцов умеющих писать плакатным пером. Таких в полку было всего-то несколько человек, кроме, конечно, штатных чертежников. Димка чертежником не был, но рисовал плакаты и боевые листки, просиживая вечера, а то и ночи свободные от боевого дежурства в каптерке замполита первой роты.

По приказу начальника штаба полка Огурцова бросили на усиление. Чертежники имели свою просторную комнату на втором этаже командного пункта. За стальной дверью стоял огромный теннисных размеров фанерный стол для карт, и скрывалось ценное добро старослужащих чертежников.

– Я Олег, а этот угрюмый Стас, – представился долговязый с курчавой шевелюрой парень с лычками ефрейтора. Такое представление старых молодому бойцу было неслыханным для боевых рот, где старики только сухо отдавали приказы, а молодые и глаз не смели поднять.

– Вот это я неплохо попал! – воскликнул про себя Огурцов и, ослабившись до нельзя, машинально ослабив ремень, пробурчал. – Меня Дима зовут. Я с первой роты.

– Давай, давай заходи не стесняйся, – оторвавшись от карты, сказал угрюмый и как-то совсем не угрюмо усмехнулся, – чего стоишь!

Не успел Димка пройти в комнату, как на пороге показался Андрюха.

– А это Андрей с четвертой. Знакомы? – спросил Олег у ребят.

– Да так, виделись, – промямлил Огурцов.

В чертежной царил удивительный и непостижимый для Димки дух равенства и братства. Все-таки творческие люди умеют жить в ладу друг с другом, и главное умеют ценить окружающую красоту. Именно ценить, дорожить, а не разрушать ее. Работали посменно, то старики, то молодые. Олег и Стас подписывали карты весело, быстро с шутками и прибаутками, не уставая учить разным тонкостям неопытный молодец. Когда к работе приступали Димка с Андрюхой, старики убегали по делам своей дембельской жизни. Возвращались вечером с запасом печенья, конфитюра и «оранжа». Кипятился чай, раскладывались припасы, и начиналось пиршество. Надо отметить, что чертежники жили своей жизнью, часто не совпадающей с графиком обще полковой суматохи. Вставали рано, ложились поздно, а то и вовсе спали посменно прямо на чертежном столе. Главное, чтобы карты были подписаны в срок. Иначе несдобровать! Офицеры не донимали чертежников своими проверками. Да и дверь в чертежную была всегда на запоре. Карты то ведь секретные.

Димка и Андрей, склонившись каждый над своим участком карты, выводя ровно плакатным пером наименование воинских подразделений, название машин и экипажей, болтали без умолку от том о сем, о гражданке, о Союзе, о девчонках. Ходили вместе в столовую и возвращались обратно в мастерскую сытые, довольные, счастливые.

Месяц на усилении пролетел как один день. Настало время расставаться с беззаботной богемной жизнью запертого за стальной дверью чертежного рая. Димка вернулся в свою первую роту. Андрюха в четвер-

тую. А Олег и угрюмый Стас, начесав свои шинели, ждали отправки домой в Союз. Кто там пришел им на смену в чертежную мастерскую Димка не знал. Он знал только, что его не отпустит никогда от себя замполит первой роты. Кому же тогда писать боевые листки и рисовать плакаты?

Андрей работал при штабе. Работал над какими-то документами, выполнял поручения старшего офицера полка майора Цаплина. Цаплина все боялись. Проводя инструктаж личного состава при заступлении в караул или в наряд или на смену боевого дежурства, майор Цаплин был холоден и беспощаден, хотя собственно говоря, он не повышал голоса и уж тем более не угрожал расправой. Он просто смотрел холодным взглядом в глаза начинающего дрожать от страха бойца и тихим металлическим голосом задавал тот самый вопрос, ответ на который застревал в глотке почти у каждого. Так действовал на бойца пронизывающий холодный, будто каменный взгляд майора. Поэтому Цаплина и прозвали в полку «каменный».

Андрюха, как и все, страшно боялся каменного майора, но делать было нечего, служба есть служба, приходилось просиживать почти весь день в одной комнате с ним. Проведя, таким образом, весь рабочий день в штабе, Андрей возвращался в свою четвертую роту, где ему и завидовали и где его ненавидели. Особенно не любили Андрюху свои же молодые. За то, что отлынивал от обязанностей молодого бойца, укрывался в штабе от придирок и издевательств. Офицеры недолюбливали Андрюху за близость к Цаплину, которого они и сами побаивались, да и просто хотелось им пустить штабного писаку по нарядам через сутки, чтобы не зазнавался.

Приемник

Иметь приемник в радиотехническом полку считалось одним из самых страшных проступков. Да и зачем он нужен. У тех, кто ходил на смену возможностей слушать музыку – хоть отбавляй. Им он, конечно, был не нужен. А вот тем, кто на смену не ходил радиоприемник был очень даже нужен. Так хотелось разбавить серые будни армейской рутины возбуждающими звуками какого-нибудь радио Люксембург. И приемники доставали самыми разными способами. Кто-то ухитрялся привезти из отпуска и пронести чудом в полк через многочисленные «шмоны». Кто-то, накопив нужную сумму, покупал тайком от офицеров в немецком магазине. Но хранить приемники где-то надо. Вот тут обращались к тем, кто имел свой уголок, помещение, каптерку, где искать не будут. У Андрюхи свой уголок был в штабе, и музыку ему тоже очень хотелось слушать как можно чаще, ведь на смену он не ходил.

Фазаны из летного полка попросили Андрея подержать на хранении их приемник, пока не найдется для него более удобное местечко. Да и послушать разрешили, только осторожно, так чтобы Цаплин не засек. Андрюха держал приемник в нише шкафа за документами и слушал его только тогда, когда точно знал, что майор не появится в ближайшее время. Музыка помогала Андрюхе коротать холодные вечера в кабине за бесконечной рутинной вывесок и папок, коробок и стеллажей. Он привык к приемнику, к его завораживающей музыкальной магии, заставляющей забывать действительность, грубую и беспросветно то-скливую, мечтать о дембеле, родном городе и девчонках.

Однажды он, потеряв бдительность, начал пританцовывать в такт зажигательному ненашенскому ритму. В этот момент резко распахнулась дверь, и в кабинет влетел разъяренный Цаплин.

– Вон! – Металлический скрежет майорского голоса заставил Андрюху содрогнуться.

– Вон! – Еще раз вполголоса проговорил Цаплин, взял приемник из ниши и запер его в сейф для секретных документов, печатей и штампов.

Андрюха вернулся в роту раньше обычного времени.

В роте его ждала другая музыка.

Прошла неделя. Фазаны из летного полка, подкараулив Андрюху у чепка, попросили вернуть приемник, как можно скорее, появилась возможность продать его немцам по хорошей цене. Андрюха, умолчав о Цаплине и сейфе, пообещал вернуть. Но как вернуть? Он и сам не знал!

Прошло еще несколько дней. Летуны не на шутку рассвирепели.

– Гони приемник штабной!– Рычали фазаны в один голос, – а то, мало не покажется.

Еще через несколько дней у Андрюхи вывернули карманы и забрали всю зарплату в счет приемника.

А он продолжал ходить на работу в штаб и сидеть в одном кабинете с Цаплиным, который как ни в чем не бывало металлическим, холодным голосом отдавал распоряжения. Иногда майор отпирал сейф и прятал там документы и Андрей мог видеть лежащий внутри целехонький приемник. Вот бы его достать!

Подделать ключ в полку было делом не сложным. Ну чем таким особенным выделялся простой плоский ключ от простого советского сейфа? Да ничем! Сказано, сделано! Знакомые молодые бойцы из автопарка мигом выточили такой же, не отличить. Андрюха, не мешкая, тем же вечером отпер сейф и вынул заветный приемник. Бегом в летку. Забирайте свое добро, только отстаньте.

Наказание

Утром Цаплин, как всегда перед разводом зашел в кабинет, посидеть с рапортами. Уходя, вспомнил, что хотел показать командиру бумагу вечером расшифрованную секретчиками. Открыл сейф, поводит руками – нашел. А где приемник? Громко хлопнув сейфовой тяжелой дверью, бросился на плац, на развод.

Стоя рядом с командиром полка, майор Цаплин терпеливо выслушивал доклады ротных командиров. Когда докладывать начал командир четвертой роты, Цаплин резко прервал его – хватит!

Назвав фамилию бойца, тем же холодным металлическим голосом приказал отправить его в караулку

– За воровство, – пояснил Цаплин.

– Проворовался наш писака. Крыса штабная, – зашумела рота.

– Ну, только выйдет с караулки получит сполна за райскую жизнь, гнида, – ворчали старики. Офицеры потирали руки, – будет, кому наряды тащить!

Сколько просидел в караулке Андрюха? Он и сам точно не знал. Караульные словно сговорившись, начали травить его, оскорбляли, не давали еды. Андрюха потерял счет сначала часам, а потом и дням. Чужой караул еще пол беды, а свои из четвертой роты чморили сослуживца по полной.

Наконец, в один из дней явился ротный и выпустил Андрея в роту. Старшина обрадовался появлению новой, свежей боевой единицы – по нарядам его. И потекли для Андрюхи, привыкшего к штабной тишине и относительному комфорту грубые и тоскливые будни в солдатской казарме.

Наряды через сутки. И все дневальным по роте. Весь день что-то чистишь, метешь, убираешь и бесконечно стоишь на тумбочке. Ночью спать не дают, заставляют стоять и свою и чужую смену.

– Пусть привыкает к казарме. Расслабился больно, слоняра! – Ухмылялись ротные офицеры и прапорщики. А что уж говорить про бойцов.

Последняя встреча

Димка зашел в столовую со сменой боевого дежурства. Свободный от нарядов полк уже поужинал. А смена приходила значительно позже вместе с теми, кто находился в нарядах. За ближайшим к выходу столом Димка увидел Андрюху.

– Здорово, штабной! – обрадовался встрече Димка.

– Да какой там штабной!

– Да я слышал, ты чего-то там с Цаплиным не поделил, да?

– Да ладно, проехали.

– Вот и я говорю, забей Андрей! – У Огурцова было хорошее настроение: Смена кончилась, и впереди в роте ждал короткий, но крепкий солдатский сон до самого подъема посреди ночи. И то не плохо!

Димка сел рядом, повесив автомат на спинку стула. Наряд разливал чай по эмалированным кружкам и расставлял тарелки с жареной рыбой и картошкой.

– Хорошо, ведь! Я говорю ужин хороший! А? – разламывая вилкой рыбный кусок, воскликнул Огурцов.

– Класс. – Пробурчал Андрюха.

Выстрел

Через несколько дней Огурцова сняли со смены, чтобы в роте отдохнул, как ехидно посмеивались сослуживцы. Командир полка повелел, чтобы бойцы менялись. Пару месяцев на смене, потом пару месяцев в роте. Наверное, правильное решение, но легче от этого никому не было. Только привыкнешь к одному, тебе подают другое. Радости мало. Вот и Димка совсем не обрадовался предстоящим тоскливым неделям в казарме, наполненной стариками, нарядами и караулами. А теперь вот сразу после смены и в караул заступать! Завтра!

Завтра наступило. Стояли ровной шеренгой на плацу и повторяли устав. Старшина Жучков прохаживался от одного бойца к другому и слушал в сотый раз обязанности часового на посту. Ждали Цаплина. Он должен был принимать инструктаж перед разводом. Вот и Цаплин. Тот же холодный, каменный взгляд. Тот же металлический голос. Пробурчал что-то и ушел. Слава Богу!

Уже собирались уходить с плаца, но старшина замешкался, очищая сапог от прилипшего осеннего листика невесть откуда взявшегося на вылизанном курсантами плацу. Вот и снял вроде с сапога. Все, пошли. Вдруг – выстрел. Короткий, резкий. Откуда? Из парка. Все рванули в парк. Бежали быстро. В парке рядом с вышкой лежал боец. Голова в луже крови и белые кусочки, как льдинки, в красной луже не тонут. Димка впервые видел смерть. Не просто смерть, а смерть солдата, с которым совсем недавно болтал в столовке. Андрюха! Димка так и не вспомнил, как он смог узнать Андрея. Узнал и точка. Чувствовал что-то такое раньше, но значения не предавал, дурень.

Труп убрали. Курсанты с учебки оттирали кровь с брусчатки. А льдинки все равно остались в швах между булыжниками. Льдинки белые-белые – это кусочки черепа, Андрюхинова черепа, мать вашу.

Димка стоял на этом страшном посту в тот же самый страшный день, когда застрелился Андрей. Стоял, прислонившись к дверям бокса, сжимая Калаш и думал, как это все-таки просто нажать на курок. А потом Огурцову стало страшно. Страшно от мысли, что это так действительно просто – нажать на курок и все исправить. Андрюха это сделал.

После караула Димка на следующие сутки угодил в наряд по роте. Ночью, когда Огурцов дремал возле тумбочки, в дверях появился полковой фотограф Тарасенко. Он полночи снимал окоченевший труп Андрюхи по заданию командира, потом проявлял и печатал снимки.

– Покажи фотки, – попросил Димка, сам не зная для чего.

– Не покажу, нельзя, – ответил Тарасенко и пошел спать.

На следующий день приехали из военной прокуратуры какие-то шишки. Ходили по полку, но солдат не донимали. Да и чего взять с солдата. Спустя пару дней просочился слух, что у Андрюхи с головой было не все в порядке. Да и еще записку у него нашли, что он никого не винит, а покончил с собой из-за девчонки, которая вроде как не дождалась.

– Бред все это, – подумал Димка и решил бежать. После вечерней прогулки побежал. Добежал до свинарника. Попил чаю со свинарями. Подумал обо всем и вернулся в роту. В казарме все спали. Старшина сидел в канцелярии и заполнял книгу нарядов.

– А, Огурцов! Ты где пропал? У грузина мясо, что ли рубил? – спросил Жучков, подняв от книги глаза.

– Да, точно! У грузина. Разрешите готовиться ко сну, товарищ прапорщик, – ответил Димка и вытянулся по стойке смирно.

– Тафай, тафай. Отбивайся, – Жучков был в хорошем расположении духа и не стал копать глубже.

Димка быстро разделся и лег под одеяло. Заснул. Завтра снова в наряд или в караул, может быть.

Армейские эпизоды

Все вспомнить, наверное, можно, но записать на бумаге, ожившее в памяти в полном объеме трудно. Да и нужно ли это. Ведь, в конце концов, важно только то, что действительно важно. Есть ли смысл разбрасываться по мелочам и вспоминать пусть и забавные, но мелкие, эпизоды. Но кто знает что мелко, а что нет. Так что, я хоть бы кратко, но все же представил на этих страницах некоторые из эпизодов. Мелкие они или нет – решать Вам.

Эпизод 1

Ранним утром новобранцев собрали на городском стадионе «Спартак», под звуки духового оркестра рассадили по автобусам и мы, с трудом сдерживая волнение, начали свою службу в Советской армии. Сначала мы оказались в городе Железнодорожный. Здесь – главный пересыльный пункт нашего региона. Мы, ногинчане, группировались вместе. Всеобщее волнение и чувство неизвестности витало в воздухе. Первая ночь в армии, на пересылке в Железнодорожном. Деревянные нары, вместо подушки вещмешок. Под неуверенные разговоры все засыпают. Утром нас поделили на команды и к вечеру мы уже были готовы к дальнейшим приключениям. А до вечера «старенький» сержант мучил нас строевой подготовкой. И вот настал момент прощания с первой в моей жизни пересылкой. Нас погрузили в автобус, который ехал в кромешной темноте улиц куда-то, куда никто из нас не знал и не я

один задавал себе этот больной вопрос – куда нас везут? Голицыно. Таманская дивизия. Мы прошли через КПП и идем нестройной колонной по территории, спящей уже дивизии. Вдруг тишину разрывает громкий голос, откуда-то сверху из окна казармы: «Духи, вешайтесь». Утром на построении мы увидели, что здесь сконцентрировано большое число «духов». Нас разделили на группы и отправили по разным местам на работы. Я и еще несколько ребят должны были чистить гусеницы танков, забитые комьями земли. Аборигены из местных танкистов упрашивали отдать им теперь уже не нужную нам цивильную одежду. «Все равно не сегодня, так завтра переоденут в ХБ, а нам в самоволку ходить не в чем» – говорили они. Но я не хотел ничего отдавать, хотелось, как можно дольше носить свое, домашнее. Самый неприятный эпизод из таманской пересылки. Какой-то сообразительный офицер отправил меня и еще одного паренька в казарму к курсантам военного училища, для наведения порядка. Я думаю, что будущие офицеры просто решили скинуть свой наряд новобранцам, мол, пусть привыкают. Это было противно и унижительно. Я впервые в жизни почувствовал себя так, как видимо должен чувствовать себя раб, презираемый хозяином. Эти курсанты, будущий цвет армии лезли из кожи вон, издеваясь над нами, пользуясь нашей беззащитностью. В итоге я бросил грязную тряпку, толкнул ногой ведро и удрал с места унижения и оскорбления моего достоинства. Я еще не знал, как часто мне и моим товарищам придется сталкиваться с подобным отношением. Вот еще интересный момент этого периода. Нас повели в столовую. Я увидел, что такое «бочковая» система. На краю стола ставится бочок с едой и старший или разводящий раздает каждому сидящему за столом его порцию из этого бочка. За столом сидели, как правило, человек 6-8. По команде садились за стол, по команде начинали есть и по команде старшего вставали из-за стола. Если честно, я просто не смог ничего есть. Само зрелище огромной дивизионной столовой, не вызывало аппетита. Это было серое здание, напоминавшее что-то животноводческое. Есть я не стал, но поработать на мойке посуды пришлось. Наверное, это было правильно – нам сразу давали почувствовать себя каплей огромного армейского океана. В Армии все должны быть заняты и нас сразу включили в состав этой всеобщей занятости. После работы, местный боец решил угостить новичков. «Ребята, идите сюда, чего дам» – сказал он, заговорщицким тоном и извлек из-под кухонной плиты миску с кусочками жареного мяса. «Налетай, это я схавал на потом». Но я, да и мои товарищи тоже, были еще настолько домашними мальчишками, что не могли, есть «с пола». Эта разборчивость скоро прошла. В Голицыно я еще встречался с ногинскими ребятами. Например, с Харчевым Сергеем, с которым

я учился в институте. Скоро нас опять разделили по командам, переодели и мы стали все одинаково зеленого цвета с бритыми головами под непривычными пока пилотками. Выдали сухой паек, погрузили в автомашины и снова куда-то повезли! Мы оказались на Белорусском вокзале, где нас погрузили в поезд Москва – Вюнсдорф. Мы отправлялись в ГДР! Старшим с нами ехал молодой «летеха», учил нас готовить лимонад из минералки и клубничного сиропа. Ребята играли в карты, орали на весь поезд, и бегали в вагон-ресторан за сигаретами. Колеса отбивали привычный уже ритм, «летеха» дремал на верхней полке, а я смотрел в окно. А за окном новый, неведомый для меня мир. Мы проехали Белоруссию, Польшу поперек. Польша поразила бескрайностью полей, ухоженными садами и очень необычной, современной архитектурой церковей даже в небольших деревнях. Во время непродолжительных остановок на польских полустанках сомнительные поляки предлагали купить порнографические картинки и прикладывали их к стеклу для рекламы. Один раз, пацаны стали разбрасывать сухари из сухпайка через окно прямо в стоящих на перроне людей. Поезд просвистел быстро, и поляки не успели опомниться и осознать это безобразие. Мы въехали на территорию ГДР в городе Франкфурт-на-Одере уже поздно вечером. На военных грузовиках нас привезли в одну из частей города. Было уже совсем темно и нас разместили прямо на плацу. Уставшие от дневных переживаний, подложив под головы вещмешки, мы быстро уснули. Туманным промозглым утром нас опять начинают перебирать как колоду карт. Критерии отбора по воинским частям: личное дело и физические параметры. Тех, кого отобрали, быстро строили, грузили и отвозили к месту службы. Я остался стоять на плацу среди тех, кого, как и меня, никуда не отобрали. Начинают ходить слухи. Нас отправят на танковый ремонтный завод?! А там, дедовщина, вешайся. Наконец строимся в колонну. «Скоро будете «дома» – говорит опытный боец из местных – “недолго кантоваться осталось”. Привезли меня и еще 15 ребят на очередную и уже последнюю пересылку. Место жутковатое. На семи ветрах – ни кустика. Когда мы приехали, я увидел, что на песке в радиусе двухсот метров сидят, стоят и переминается много зеленых и бритых «духов». И мы заняли свое место на этом, почти восточном базаре. Только здесь не продают овощи, фрукты или специи, здесь покупают «зелень», т.е. нас. Между группками «духов» бродят «покупатели» и подбирают подходящий «товар». Кого-то купили топографы, кому-то, наверное, повезло с «десантурой». Вдруг я увидел худощавого, с дьявольской улыбочкой капитана. Он сразу собрал вокруг себя толпу новобранцев. Он шутил, залезал в душу, короче говоря, он располагал к себе каждого, кто хоть раз имел неосторожность взглянуть на него. Капитан

возводил в нашем воображении райские сады и все прелести мира. С его вкрадчивой и настойчивой подачи, мы представляли попугайчиков поющих в золотых клетках, клумбы роз, аллеи каштанов и даже графинь с родниковой водой на каждой прикроватной тумбочке. Кофейный аромат и дым дорогих сигарет окутывал нас. Капитан быстро задавал вопросы по-английски, если получал быстрый ответ, записывал фамилию – ты в клубе. «Тормозишь» – в отстой. Какой-то парень просунул физиономию в центр круга. «Нет, с такой рожей не берем, свободен» – был четкий ответ капитана, на немой вопрос владельца физиономии. Исключение было сделано лишь для Израила Артикова, харизматичного московского узбека. «Поместим в нашу кунсткамеру», – сказал Капитан и записал Артикова в список. Надо сказать Артиков уникальный был узбек. Ни один противогаз в части не налезал на его огромную голову. Лицом и чувством юмора он напоминал мне французского комика Фернанделя. Помню, как однажды по ошибке заглянул в каптерку к сержантам учебной роты. На коврах, вывезенных с немецкой свалки, возлежали «пристаревшие» сержанты, а Артиков перед ними представлял позы Ушу. Когда я заглянул, чего никто не ждал, все замерли – сержанты на коврах, Артиков в позе богомола. Было забавно, но в первое мгновение, в следующее мгновение в меня полетел сапог.

Эпизод 2

Энергичный капитан Ширяев повез нас в Мерзебург. «Будете служить в элитном полку, сидеть на постах, пить кофе и благодарить Бога и меня» так говорил он, ведя нас к станции. В электричке – непривычно свободно, лишь несколько молодых ребят, таких непринужденных и свободных, до головокружения. А вокруг Германия. Мы выходим на вокзале города Мерзебург и под руководством Ширяева нестройными рядами, озираясь по сторонам, движемся к месту нашей будущей службы, где нам предстоит провести почти два года. Надо сказать, что положительных эмоций от заграницы было столько, что для отрицательных просто не было места.

Эпизод 3

Мы стоим в коридоре казармы учебной роты – «учебки». Мы – «духи». Потому что еще не приняли присягу. «Духи» это значит никто. Вдоль строя передвигается упитанный сержант, зам. ком. взвода Ямалатдинов и втолковывает нам эту, законную для него, новость. Нам приказано достать все, что есть из карманов. Военный билет – сержанту,

остальное бросить на пол в центр коридора. Я очень не хотел расставаться с тем последним, что меня еще как-то связывало с домом – с чайной ложкой. Глупо, наверное, но я очень дорожил этой ложкой. Чайная ложка – чай – дом – семья. Все что для меня дорого было сфокусировано тогда на этой несчастной чайной ложке, и я должен был бросить ее на пол. Потом началось наше привыкание к новому распорядку, к учебным занятиям, к наушникам, к насмешкам «старичков». Я вспоминаю, как тяжело мы все переживали отсутствие писем из дома. Первое письмо я получил лишь спустя полтора месяца после прибытия в полк. Это было счастье, от которого я не мог сдержать слез. Перед присягой нас гоняли по плацу до одури. Мы разучивали, как это ходить строем и строевым шагом, приемы обращения с оружием и самое главное петь на ходу хором. Было жарко, очень хотелось пить, а теплая вода во фляжках кончалась так быстро. Сержанты играли с нами в игру «плохой и хороший полицейский». Мы быстро начинали любить хороших и бояться плохих. Потом они менялись местами и у нас начинались проблемы. Лишь через пару месяцев, уже после присяги многие из нас начинали «ловить мышей»! Тем кто, не научился, приходилось туго...

Короткая справка:

Место службы. ГДР. Мерзебург. Земля Саксония-Анхальт. Город стоит на реке Заале с XI века. Население 45 000 чел. (1989 год)

Эпизод 4

Командиром учебной роты был майор Эппельман. Он нас встретил в ленинской комнате. Он был добр и совсем не выглядел «солдафоном». Его теплая, почти отеческая речь произвела на нас умиротворяющее впечатление. Мы его сразу полюбили. И когда командир полка п/п-к Косолапов ругал нашего Эппельмана, сильно за него переживали. А ругал Косолапов Эппельмана частенько. «В ГСВГ всего один еврей и тот у меня» – говорил Командир полка, «папа» по-нашему. Эппельман отдувался за всех, и за нерадивых своих подчиненных солдат и за офицеров – разгильдяев. Последних, благодаря мягкости Эппельмана, в «учебке» было не мало. Один раз я видел майора Эппельмана, сидящим на крыше казармы. Он лично ремонтировал черепичную крышу. Такое наказание назначил ему «папа». Ему приходилось убирать бумажки с плаца и терпеть кучу других издевательств. К удивлению, все это не изменило его характера, он был всегда справедлив и заботлив к нам, курсантам учебной роты. И все же в «учебке» проживали некоторые типы, поддерживавшие «свой» порядок, в соответствии с «традициями». Эти уродливые «традиции», которые

стремились в нас воспитать так называемые блюстители «неуставных отношений», не прижились в нас. В «учебке» мы узнали, что такое «дедовщина». Как только мы приняли присягу, и превратились в «черепов», сержанты разъяснили нам правила нашего поведения и особенности наших взаимоотношений со старшим периодом. Нам было сказано буквально следующее: «Вам сказочно повезло, потому что в учебной роте вы будете подчиняться только нам, вашим сержантам, ни один старослужащий в полку не имеет права придрататься к вам». Для начала нам объяснили, что из зарплаты в 15 марок мы можем оставить себе только 5 марок и тратить их на «подшиву», гуталин, «натирку» и зубную пасту. За рациональностью наших трат будут зорко следить наши властители. Большую часть, 10 марок, мы обязаны отдавать сержантам. «Таков закон, который принят не нами, не нам его и отменять» – воскликнул Миша Степанов, один из сержантов «учебки», и ухмыльнулся. Мы были настолько напуганы неизвестностью ожидавшей нас впереди, что сопротивляться просто не имели ни умения, ни сил. Несколько месяцев мы покорно сдавали деньги, обходили стороной «чапок» и магазин. Безденежье и скудное меню в столовой превратили нас в доходяг. Я не мог смотреть на изображение еды, даже картонная упаковка, на которой был изображен стеклянный графин, наполненный чаем заставляла меня, подобно собаку Павлова истекать слюной. Я вспоминаю, что в тот период мне всегда хотелось есть. Нас усиленно муштровали. До обеда мы занимались в лингафонном классе, после обеда или строевые занятия или бег или работы на ненавистного Левана. О сержанте с продсклада Леване Блядзе я расскажу отдельно. А были еще и наряды. Я прекрасно понимал, что служба в армии не сахар, что в армии можно закалиться и телом и духом. Я был готов к тяготам и лишениям. Но издевательства и поборы – нет. Сержанты каждый день выдумывали новые способы выбивания из наших тщедушных тел «гражданской дури». Мы отжимались по ночам, шкрябали осколками стекла паркет, бегали с подушками и одеялами с первого этажа на третий, одевали ОЗК и снимали ОЗК великое множество раз. Но не в дневное время, а во время отдыха, часто после отбоя. Однажды после вечерней прогулки с песней по плацу, когда мы предвкушали ожидавший впереди сладкий скоротечный сон, нам приказали получить ОЗК и строиться на верхнем этаже. Это приказание не предвещало ничего хорошего. Когда мы выстроились в шеренгу, Ямалатдинов, выходя из своей каптерки, скомандовал: Газы. После того, как мы все натянули на себя противные, пересыпанные тальком резиновые костюмы и противогазы, оба Степановых перебивая друг друга, начали кричать: смирно, с тыла, встать, смирно, с тыла, встать и так в течение десяти минут. Наконец, Ямалатдинову видимо наскучило на нас

смотреть и, обращаясь к Степановым, он сказал: «Давай их по кругу, а мы пойдем по шарам». Скомандовали «бегом марш» и мы побежали по коридору. Уже через несколько минут бега мы утыкались в спины друг друга, спотыкались, падали и весь строй то и дело разваливался. Многие ребята тяжело дышали. Очки противогазов запотели, и мы бежали вслепую. Между тем наши мучители играли на бильярде в примыкавшей к коридору комнате. Дверь бильярдной была открыта. Сигаретный дым и смех усиливали абсурдность происходящего в коридоре. Вдруг на этаж поднялся дежурный по части майор Васильев. «Что здесь происходит?» – спрашивает он. «Готовимся к строевому смотру, товарищ майор» – невозмутимо отвечает Ямалатдинов и загоняет шар в лузу.

Эпизод 5

Джеймс Колоссовский. Наш командир взвода. Молодой, подтянутый лейтенант. Он походил на офицера колониальной армии, было в нем что-то заграничное, наверное, поэтому его прозвали Джеймс. Колоссовский проводил с нами занятия в лингафонном классе. Мы учились принимать радиogramмы, на слух воспринимать английскую речь и записывать радиogramмы на бланках. Было трудно, но интересно. Шутники включали в запись урока музыку и можно было пару минут насладиться, скажем, голосом Кайли Миноут, вместо монотонного голоса инструктора. Но это до тех пор, пока не заметит Джеймс. Он был с нами царственно отстраненным. Гораздо больше времени проводил с нами Заза Кутателадзе. Интересный грузин, в гражданской жизни корреспондент спортивной газеты «ЛЕЛО», выходившей в Тбилиси. Заза был хорошим рассказчиком. Благодаря его историям, Тбилиси стал родным и близким городом. Заза часто переводил нам статьи из своей любимой газеты, посвящая нас в тонкости мастерства спортивного репортера. Он вообще был классный. Понимал и поддерживал наши устремления. Например, разрешал мне посещать библиотеку, что было запрещено курсантам учебной роты. Или так скажем, не поощрялось. Где он сейчас, как продолжилась его газетная карьера?

Из письма Ильи Молдавского:

«Заза Кутателадзе выдавал письма для солдат только после успешной сдачи английского теста на уроке. Помню, что у Сергеева письмо было порвано у него на глазах, ввиду неспособности разобратся с тонкостями английского текста. Помню как Заза, в качестве наказания, перед сном вылил графин воды за резинку трусов и на матрац одному из бойцов – какого спать после этого. А будил

Заза, хлестав спящих мокрым полотенцем. Его забавы отличались от забав братьев Степановых именно изощренностью. Правда, он был полиглот, умница, знал несколько языков. Английский у него был отменный. Но он, точно также как и другие сержанты «учеб-ки», надевал боксерские перчатки и стоял в коридоре, когда мы неслись в туалет, а они нас сшибали меткими ударами для забавы. Прямо – бег быков в Испании».

Эпизод 6

С «учебкой» связаны одни из самых ярких воспоминаний. Именно здесь мы учились быть солдатами, привыкали к распорядку, привыкали жить в коллективе. Как говорили сержанты учебной роты «У нас зачет по последнему». Это значит, что если все подразделение бежит назначенную дистанцию. Прибегают почти все. Один отстал. Все подразделение с задачей не справилось. А значит опять бежать, до тех пор, пока все подразделение в полном составе не выполнит задачу, в данном случае не окажется на финише в заданное время. И эта формула «зачет по последнему» работала во всех случаях. Часто это приводило к озлоблению в отношении «последних», из-за которых приходилось снова и снова повторять пройденный маршрут. Помню такой эпизод.

Мы возвращались из караула, уставшие еще не привыкшие к многочасовым бдениям, не умеющие выкраивать время на отдых в первых караулах. Это был период, когда мы тяжело вживались в новые для нас отношения в новых для нас условиях. Придя в роту, мы расположились в оружейной комнате, чтобы разрядить «магазины» и сдать оружие и патроны. Все были измотаны и мечтали только об одном: поскорей пройти последний этап сдачи наряда и отправиться в клуб. Ведь был вечер субботы и значит, в клубе должны показывать кино. Не важно, какое кино. Все равно мы все будем спать, уставшие от караула. Так вот мы сдаем патроны и вдруг один из наших ребят, Костя Любимов замечает, что у него не хватает одного патрона. Это ЧП. Сержант Степанов, один из двух Степановых, оставляет нас всех в «оружейке» и мы вместо сна в клубе ищем патрон. Искали до отбоя, пропустив ужин, кино и отдых перед отбоем. Все злились на Костю за этот несчастный патрон. И когда уже казалось, что поиски будут продолжаться вечно, патрон нашелся. Он застрял в поле фуражки, куда «Люба» скидывал патроны из «магазина». Мы были так рады, что забыли про злость и если и вспоминали, потом этот случай, то, как пример нашей сплоченности в трудной ситуации и как один из многих забавных эпизодов нашего обучения.

Эпизод 7

Был в нашем первом учебном взводе солдат по фамилии Шмалько. Он часто повторял в разговорах со мной: «Надо знать время и место». У него была идея, как можно было заработать отпуск домой. По его мнению, надо было, заведя поблизости командира полка, пройти безукоризненно строевым шагом с отдаванием чести и все – отпуск в кармане. Действительно «папа» любил хорошую выправку и был на нашей памяти уже один пример, когда он отправил в отпуск солдата, четко маршировавшего к трибуне в клубе. Этим солдатом был боец нашего периода и наш товарищ Горелов, будущий прапорщик продчасти. Шмалько был болен этой легкой, как ему думалось, возможностью уехать домой на побывку. Но судьба не дала ему такого шанса. Он был не очень хороший солдат. Всегда стремился уйти от проблем солдатской жизни, не проявлял желания чему-нибудь научиться, и как результат Шмалько не оставили в полку после «учебки», а отправили в другую часть. Помню, однажды Шмалько стащил булочку в чайной. Я его понимаю, нам всем не хватало сладкого. Плохо, что он стащил эту булку. Продавщица чайной, свидетельница его поступка, вместо того, чтобы поговорить с парнем, сдала Шмалько сержантам «учебки». Результат печальный. Шмалько был жестко наказан за свой проступок. Он был избит сержантом Корягиным, избит жестоко.

Вспомнился смешной случай героем, которого был рядовой Шмалько.

Нас молодых еще неоперившихся бойцов командир частенько отправляли на различные работы к немецким товарищам. Утром, как правило, еще до завтрака за нами к воротам части подъезжали или симпатичный старенький автобус или грузовая машина с кунгом. Мы, еще сонные, живо погружались в транспорт, который урча мотором, увозил нас на работу. Работали мы и на стройках и на буроугольном комбинате и в садоводческом кооперативе. Вот как раз в садоводческом хозяйстве и приключилась смешная и поучительная история с участием Шмалько. Однажды автобус привез нас на территорию кооператива. Было обычное немецкое утро. Туманный воздух с ароматом угольной гари убаюкивал нас, деревья искрились от заледенелой росы. Вокруг было очень красиво. Мы толпились у автобуса, в ожидании начальника из немцев. Вдруг появился пожилой, полный, усатый немец в шляпе с перышком, такой обычный бюргер. На очень плохом русском он спрашивал нас о наших профессиональных навыках и пристрастиях и в соответствии с ними определял нас на работы. Меня и Сергеева взяли на какую-то стройку. Всех разобрали, остался

один Шмалько. Немец поморщился, глядя, на худосочного с острыми глазками паренька и сказал: «Мне нужен тракторист на «Беларусь», работа срочная, а мой работник заболел». Он сказал это очень медленно, путаясь в русских глаголах и местоимениях. «Я могу, Я на гражданке трактористом работал, давайте трактор» – быстро отозвался Шмалько и стал вертеть головой и искать глазами «Беларусь». Увидев в углу площадки унылый силуэт экскаватора, Шмалько бросился к нему и полез за баранку. Немец вскричал как ошпаренный и побежал за ним. То, что было потом, описать очень сложно. Я помню, что от смеха чуть не лопнул. Представьте, по площадке перед конторой кооператива летает взад-вперед «Беларусь», то и дело, захватывает ковшом расставленные по углам паллеты и ящики, разбрасывает их, жонглирует и перебрасывает через ограду. За трактором бегают полные усатые немцы и отчаянно машут руками и матерятся немецкими и русскими словами. Шмалько вцепившись в руль, кричит, что не знает, как остановить трактор. «Забыл». А мы и немецкие рабочие стоим, как в цирке по краю арены и давимся от смеха. Наконец, трактор врезался в забор и заглох. Запыхавшийся, красный от злости и усталости немец за ухо вытаскивает Шмалько из кабины. Больше Шмалько на работу к немцам не брали. «Я умею на тракторе, я просто забыл, как тормозить» – оправдывался Шмалько.

Эпизод 8

Занятия по специальности проходили в классе, как правило, под руководством Зазы, о котором уже сказано выше. Заза при всех его положительных качествах – эрудиция, знание английского, был человеком системы. Он вел себя так, как должен был себя вести сержант учебной роты. Помню, как в самом начале нашей курсантской жизни, вечером перед отбоем, когда мы все готовились ко сну, он собрал нас в умывальной комнате и выхватив (именно выхватив, как кинжал) опасную бритву схватил меня рукой за голову. Я помню – душа у меня ушла в пятки. Думал – зарежет. Таково было мое психологическое состояние, что я мог подумать такое! Заза приказал всем смотреть на меня. А сам нагнул мою голову и стал сбрасывать волосы у меня на затылке, точно по линии от мочки одного уха до мочки другого. «Вот так наводить «кантик»» – сказал Заза, вытирая бритву. Наибольшее количество придинок от бывшего корреспондента доставалось курсанту Шишмакову. Заза смешно произносил его фамилию – Шьишьмаков. Этот парень после распределения из «учебки» попал в другую часть и я его больше не видел.

Эпизод 9

Служба в армии в тот начальный период не всем давалась легко. Многие из нас, непривычные к портянкам и сапогам, натирали ноги и превращались в настоящих «калек». На утреннем построении перед казармой можно было увидеть двух, трех «черепов» в тапочках или еще смешней в одном тапочке. Если стирал одну ногу, то разрешалось снимать сапог только с больной ноги. И бежал такой «одноногий» солдат спотыкаясь, ели поспевая за строем, черпая тапком воду из луж на плацу. Мы быстро поняли, что так лишь становились объектами для насмешек и придилок. Болеть в армии было совершенно нельзя. Тем более что, несмотря на тяжесть состояния больного в санчасти могли находиться одновременно только пять человек и, как правило, места были заняты всегда. В санчасти все равно приходилось выполнять различные работы по уборке помещений и ночные дежурства «на тумбочке». А если среди пяти постыльцев оказывался один молодой солдат, то вся работа выпадала на его долю. И, несмотря на это попасть в санчасть означало хоть немного отдохнуть от солдатской рутины.

Несколько слов о полковой санчасти, заведовал которой майор Пахомов. Пахомов доброжелательный и совсем, кажется, не строевой человек. Такой настоящий «доктор Айболит». В первый и единственный раз по болезни я попал в санчасть после длительных учений вооруженных сил стран Варшавского договора. Во время учений мы заняли позицию в очень живописном месте, на берегу небольшой речки, по обе стороны которой раскинулся лиственный лес. Я помню, что мы с Андреем Костиным после смены уходили в поле за полоской леса и лежа в траве, на пригорке, смотрели на немецкую деревушку. Деревушка была крошечной. Посреди черепичных крыш возвышался строгий силуэт собора, а на краю деревеньки скрипела на ветру белоснежная мельница. Мы разговаривали о том, о сем и чувствовали себя совершенно свободными в, казалось бы, совершенно не свободных обстоятельствах. Так вот во время учений мы жили в лесу, умывались речной водой и большую часть времени сидели на своих постах в наушниках. Обратный путь длился более пяти часов. Когда наш ротный «Урал» остановился на плацу напротив казармы, я отворил дверь кунга и вышел наружу. Резкий солнечный свет ослепил меня, и я на секунду увидел все, что меня окружает в серебристом свете. Через мгновение я упал без сознания. Меня подхватили товарищи и отнесли на руках в санчасть. Там майор Пахомов привел меня в чувства, поднес напашатырь к носу. Он достал у меня из-под кожи на животе клеща и, разрезав сапог на левой ноге, осторожно снял его. Нога распухла, температура тела поднялась

до 40 градусов. Я спал, наверное, не меньше суток. Когда я проснулся, я чувствовал себя заметно лучше. Что со мной было, я так и не узнал. Ни Пахомов, ни кто-либо другой из медработников ничего мне не сказал. В санчасти завтраки, обеды и ужины мы получали из офицерской столовой. Такой сытный рацион действовал посильнее лекарств и уже через пару недель, откормленный, розовощекий боец был готов к преодолению новых испытаний в боевой роте. Надо сказать, что находясь в санчасти, мы имели довольно много свободного времени и часто находились в бесконтрольном состоянии. Мы это использовали с определенной пользой. Я, например, много читал. Помню, меня навестил как-то Миша Целоусов и принес мне рассказы Довлатова. Скучая по домашним сладостям, мы экспериментировали на кухне. В саду у санчасти росла облепиха и розовые кусты. Рано утром, до подъема, мы обрывали лепестки роз и облепиховые ягоды, а уже к завтраку подавали на стол удивительное по вкусу варенье. Но все кончается и закончился срок моего отпуска по болезни. Я вернулся в роту к товарищам, по которым, надо признаться, здорово соскучился.

Эпизод 10

У Зазы Кутателадзе был приятель – грузин Леван Блиадзе. Этот Леван был пренебрежительный человек. Он «заведовал» продовольственным складом и приходил в учебную роту за работниками из числа курсантов. Работники Левану были нужны для наведения порядка в его складском хозяйстве и в качестве грузчиков, когда на склад привозили продукты. Самая тяжелая работа у Левана была по разгрузке свинных туш. Туши были очень тяжелые и жирные. Леван ставил на разгрузку двоих курсантов. Измотанные курсантской жизнью, слабые мы с большим трудом тащили свиную тушу, которая стремилась вырваться из наших рук и если туша падала на землю, виновный в падении тут же получал удар в лицо от зорко следившего за нашими движениями Левана. Еще труднее было удержать тушу на колоде, пока Леван рубил ее огромным топором мясника. Кроме того, часто приходилось отмывать холодильные камеры от жира и крови, причем отмывать холодной водой, так как другой не было. Леван запирали меня в камере с запасом воды на некоторое время. К его приходу я должен был полностью отмыть камеру, если не успевал, то получал «законные» побои. Помню, я выносил ведро с кровавой отработанной водой на двор за столовой, в то время как полк стоял на плацу для развода. Я остановился и засмотрелся на четкие перестроения подразделений, заслушался звуком барабана и подумал о двух сторонах одной медали – с одной внешней

стороны – выправка и дисциплина, с другой стороны – унижения и кровь. Неужели это и есть наша армия. Кроме работы с противными тушами свиней, мясо которых нам так и не удалось попробовать в первый год службы, мы помогали Левану с засолкой овощей. Леван рубил тесаком капусту, а мы бросали ее в большую деревянную бочку. Бочка заполнялась водой, добавлялась соль и перец. Потом всю зиму нас кормили этой капустой, которая после манипуляций с ней поваров называлась, почему-то овощным рагу. Я быстро узнал характер Левана, изучил все его повадки, все тонкости его несложной мимики и стал для него лучшим работником. Стараясь безукоризненно выполнять свою работу у Левана, я лишь старался избежать побоев и унижений. Я видел, что тех, кто не старался делать свою работу хорошо, Леван наказывал очень жестоко. Поэтому, когда Леван приходил к своему земляку Зазе на урок за работниками, мы дрожали от животного страха и презрения к этому существу. Смешно сказать, что мы даже прятались под столами, если Заза уходил и оставлял нас в классе одних ждать прихода грузина-мясника, в прямом и переносном смысле этого слова.

Эпизод 11

Были наряды, которые выпадали только курсантам учебной роты. Это наряд по чайной и наряд по офицерской столовой. В наряд по солдатской столовой ходили только «черепя» из «учебки» и «слоны» из боевых рот. Самым предпочтительным был наряд по офицерской столовой. Заступал в наряд с утра и до вечера. Надо было мыть посуду после завтрака, обеда и ужина и помогать вообще по кухне. После обеда поварихи и официантки уходили до ужина, и я оставался запертым в столовой один. Я любил этот наряд именно за возможность остаться одному. Я быстро мыл посуду, оставленную для меня в мойке, и садился есть свой обед, раскрыв журнал или книгу, которую мог найти на кухне. Как мало было нужно для счастья. Самым унижительным, но все равно желанным, из-за возможности поесть сладкого, был наряд по чайной. Рано утром «чапошница» приходила в казарму за солдатиком. Помню, как однажды выбранным оказался я, и ребята просили принести чего-нибудь сладкого из наряда. Курсантам учебной роты было запрещено не только входить в чайную, но и оказываться поблизости. За соблюдением этого запрета строго следили сержанты. У нас не только отбирали почти всю зарплату, но и лишали возможности потратить скудный остаток в пять марок на конфеты или арахис в сахарной глазури. Унижительная сторона наряда по чайной заключалась в том, что надо было прислуживать посетителям, которые часто не имели пред-

ставления о том, что солдат, вытирающий со стола пролитый «оранж» или подающий чашки и тарелки, тоже человек, достойный уважения. Приятная сторона заключалась в том, что я мог сохранить оставленные сытыми «фазанами» и «дедами» булочки или наполовину полные пачки печения, брошенные на столах и отнести в роту, где меня ждали друзья. Но все равно я ненавидел этот наряд.

Запомнился один из первых нарядов по солдатской столовой. Ближе к ночи, когда столовая опустела и мы, начистив две полные ванны картофеля на следующий день, устроились кто, где на ночлег в обеденном зале, сердобольный повар угостил нас оставшимися от ужина котлетами. Мы были голодные как волки и набросились на котлеты. Котлет было много – на каждого по пять или шесть штук. На следующий день мы все мучились от болей в животах. Ведь в этих пережаренных в кулинарном жире котлетах почти не было мяса. Они состояли из жира и черного солдатского хлеба.

Эпизод 12

Первый раз я вышел в город, когда впервые заступил в наряд посыльным по штабу. Я был еще молодым солдатом и Германию видел только из-за забора части. И вот меня посылают вызвать какого-то офицера. Дают «бегунок», и я выхожу за КПП впервые. И совершенно один. Надо сразу сказать, что офицеры и вольнонаемные жили часто в одних домах с немцами, за территорией части, в городе, но все-таки ближе к забору, окружавшему гарнизон. Недолго думая, я решаю сделать круг и прийти к дому, где проживал офицер длинным путем. Решил, если остановит патруль, прикинуться «дурачком», мол, заблудился и все такое! И вот я в городе. С повязкой «посыльный по штабу» и штык – ножом на ремне. Вид внушительно-комичный. А в городе предрождественская суэта и волшебство. Никогда не забуду тот восторг, который я испытал, оказавшись в центре этого прянично – сказочного города. Я попал словно в сказку. Мерзебург городок маленький, игрушечный. Он сплошь состоял из небольших чистеньких домиков с ухоженными палисадниками. На Рождество немцы украшали свои жилища. Фасады сверкали и переливались разноцветными огоньками. Двери и окна были декорированы еловыми ветками и игрушками. На улицах шла бойкая торговля рождественскими игрушками, сладостями и сувенирами. Празднично одетые горожане суетились у ларьков и магазинчиков. Легкий морозец и искрящийся иней на ветках придавали действу ощущение чего-то таинственного и удивительно доброго. Все обошлось – я посмотрел город и успел вызвать офицера. Мерзебург стал для меня

родным, близким и любимым городом. И когда я приехал в него осенью 2006 года, было ощущение, что возвращаюсь в родное место! Мерзебург или «Мерзкий бург», как называли этот чудесный город некоторые офицеры. Называли так, наверное, из-за особого «угольного» воздуха.

Немцы и наши, конечно, топили печки угольными брикетами. Именно они примешивали в воздух памятный аромат! В караулке стояла такая чугунная печь с красивым литьем, изображавшим сценки из бюргерской жизни! Помню: раннее утро еще до подъема, мы, небольшая команда, ждем за забором части автобус, который должен доставить нас на место работы. В воздухе эта удивительная гарь, туман и иней. Это не забываемо. Помню, как ехали по извилистым мерзебургским улочкам к месту работы. Дорога петляла между уютными кварталами городских домиков, в окнах которых так маняще поблескивали огоньки рождественских украшений. Интересно, что немцы в предрождественские дни выставляли на подоконники такой, обычно деревянный полукруг в виде радуги, по краю, которой сверху зажигались огоньки. А рядом выстраивали целые сценки с участием гномов, эльфов и других сказочных существ.

Из письма И.Молдавского:

«У меня тоже особенные воспоминания об этом зимнем воздухе в Мерзебурге. Интересно, по-прежнему ли они отапливаются углем? Если так, то стоит поехать зимой только ради того чтобы разок вдохнуть этот воздух и увидеть горящие полукругом огоньки в окнах. Это вообще-то был такой апофеоз нашего армейского одиночества и страданий – мерзнуть в шинельке в карауле, вдыхая угольный воздух и разглядывая огоньки в домах – и грустно и приятно одновременно».

Из письма С.Игнатычева

«...если хотите понять Германию, надо в конце ноября промозглым, темным, глухим вечером выйти в город и пройтись по дымным улицам от печного отопления... Вот, это Германия! Кстати, мы как все остальные, топились печкой в комнате – большая голубая в изразцах, времен детства кайзера».

Эпизод 13

Я использовал любую возможность для выхода за забор части. Часто старший прапорщик Бутрий брал меня с собой. Именно с ним я побывал и в Лейпциге, и в Дрездене и в Галле. А в Мерзебург выходил часто,

благодаря тому, что был комсоргом роты и занимался оформительскими делами, для которых приходилось покупать то бумагу, то краски, то еще чего-нибудь. Как-то мы были в городе с нашим замполитом Семененко («Сэм») и проходили мимо главного собора. Я увидел объявление об органном концерте и стал просить замполита, сводить на концерт ребят из нашей роты. Семененко сказал, что бы я даже не думал об этом – «Шиян меня не поймет...» – сказал Семененко. Шиян – начальник политотдела полка.

Начальник политического отдела полка всей своей фигурой напоминал мне артиста Михаила Казакова в роли Феликса Дзержинского. Шиян, высокого роста, немного сутулый и в длинной шинели, выглядел таинственным. Когда я занимался оформительскими делами и уж тем более, когда стал комсоргом роты, то часто общался с НачПО. Помню, как Шиян ругался из-за меня с заместителем по тылу полка по поводу моей очередной оформительской работы. Шиян требовал, чтобы я немедленно отправлялся в клуб к Мерзлюку (начальник клуба) и срочно принимался за лозунги к какому-то юбилею. А замполит орал: «Маслов будет оформлять столовую» и еще «что все коммунисты дерьмо». Это было смешно, очень. В итоге, как обычно, мне приходилось разрываться и успевать везде. И о Шияне у меня, только, хорошие воспоминания, чего не скажу о Вороном. Старший лейтенант Вороной был комсомольским секретарем полка. Я с ним сталкивался по комсомольской работе. Неприятный товарищ, все время хотел меня на чем-нибудь подловить! Помню «особиста» майора Горлова. Полк уже стоит для развода, а он не торопливо приближается от штаба, хотя других командир ругал за опоздание, невзирая на звания. С ним помню такой эпизод. Останавливает он меня на улице и спрашивает, так вкрадчиво: «Как дома дела? Отец то работает все там же?» А у меня холодок по спине – откуда он все знает? Он меня вызывал пару раз к себе в кабинет, говорил о значении моей работы, как комсорга и предлагал «сотрудничество», мол, если вдруг кто-то, что-то, какие-то разговоры – ко мне. Я, конечно – «натюрлих». Руку вскинул и бегом от него, как от бешеной собаки. Вот тоже у него была работка. А водитель у него был покруче водителя «папы». На «уазике» на крыльцо заезжал. А вот был еще такой майор Чернышев, его все звали «одеколон», сидел за «семью дверями» в подвале ПЦ – интересный типаж. А еще был, смешной такой майор Алексеев его называли «бегемотиком». Помню нашего врача майора Пахомова – как он смешно гонялся за лаской на вечернем разводе. Майор Пахомов проводил медосмотр, когда мы, новобранцами прибыли в часть. Он был очень внимателен, терпеливо объяснял нам теперешнее наше положение. Запомнил его слова: «Относитесь к службе как к новой вашей

работе, делайте свою работу хорошо и заслужите уважение. Тогда эти два года не покажутся Вам пустой тратой времени». Золотые слова. То же самое говорил мне отец, когда я садился в автобус на сборном пункте. На Приемном центре был старший лейтенант Румянцев – симпатичный, но уж очень заносчивый, говорили, что у него большие связи и поэтому он занимал хорошую, не по званию должность. Еще на ПЦ обитал «старлей» с усиками – Тимошин, который иногда проводил с нами занятия. Тимошин был молодым и сильно пьющим офицером. Он пост «стратком» курировал. Один раз пришел пьяный к нам в зал первой роты и пристал к Коле Зорину, сидевшему за постом «страткома» – «Неужели, ты не слышишь гул взлетающих истребителей, отвечай, когда к тебе обращается старший по званию». Короче до слез довел парня.

Моим заданием был 2 ОБРКП со штаб-квартирой в городе Меринген, ФРГ. А сменщиком моим был Саша Кононенко – добрый парень. Он был на полгода старше и опытнее, и охотно учил меня тонкостям нашей работы. На боевое дежурство или на смену, как мы говорили, заступали на шесть часов. В течение этих шести часов нашей задачей было вести радиоразведку в соответствии с заданием, в заданном диапазоне частот. После смены – шесть часов в роте, в которые мы умещали прием пищи, свободное время и сон. Так и называлась наша солдатская жизнь на боевом дежурстве: «шесть через шесть». На самом деле такая схема сильно ломала наши личные «биологические часы», но служба есть служба, и приходилось привыкать к новым «часам». Командир Косолапов принял решение, по которому несколько месяцев смены должны чередоваться месяцем в роте, чтобы хоть таким образом разнообразить монотонность боевого дежурства и дать нашим молодым телам набраться сил. Уже к концу службы мы были в армии, как дома, знали, как себя вести в разных ситуациях, приспособились, как говорить. И боевое дежурство уже не казалось нам чем-то трудным, мы научились находить приятные стороны радиоразведки. Во-первых, это музыка, которой в эфире было много. Я помню, как долгими зимними ночами на смене, после выполнения развед. задания, слушал «Cool Jazz» или наше любимое «Радио Люксембург». На смене мы были словно «клерки» в офисе, делали свое дело, и никто из офицеров, особенно нас не донимал. Постепенно служба стала для нас интересной. Мы научились среди шума и помех в эфире определять поток важной информации, научились распознавать того или иного «микрофонщика» на том, другом конце эфира. Противник стал для нас знакомым, ведь мы почти два года слушали его, запоминали все тонкости его голоса. Однажды мы с Сашей «потеряли» наш 2-ой ОБРКП. Ну, нет в заданных частотах его позывных. Приходим на смену, крутим ручку приемника – тишина!

Через пару недель нашего мучения нас вызывает командир полка и начинает крыть, на чем свет стоит. Как будто мы виноваты, что из эфира исчез «голос» противника. Нам определили срок в несколько дней. «Ищите 2-ой ОБРКП, а не найдете, пеняйте на себя». Мы шли на смену, как на казнь, не поднимая на товарищей глаз. Наконец, вражеский «голос» заговорил, но заговорил совсем на другой частоте – они просто поменяли частоту. Мы были счастливы. Все вернулось на место – враг выходил в эфир, а мы его слушали очень внимательно. И главное нам больше не стыдно было смотреть в глаза товарищам!

В нашем микрофонном зале осенью и зимой было довольно прохладно, и мы по очереди ходили греться в соседнюю «буквопечатающую» комнату к ребятам из второй роты. У них в комнате всегда стоял жуткий грохот от телетайпных машин. Усилители сигнала, которые усиливали и без того громкий стук буквопечатающих машин, сильно грелись и я помню, что прислонялся спиной к одному из усилителей и действительно согревался.

В здании приемного центра в микрофонном зале первой роты был «засовский» пост имени разведчика Николая Кузнецова. На посту работал «Вилли» – Андрей Вильшонков и Матвеев Саша – «Матвей». Еще этот пост называли «Чибис – Соловей» из-за особенностей «засовского» сигнала. ЗАС – закрытая аппаратура связи. Пост имени Кузнецова, как и пост «СТРАТКОМ» был одним из самых значимых в полку. Интересно, что ребята, служившие на этом посту, приобретали какие-то странные качества и становились очень узнаваемыми. То есть, глядя на них, сразу было понятно, что ребята – «засовцы». Вообще боевое дежурство оказывало какое-то влияние и на психику. Попробуйте, посидите в наушниках перед радиоприемником шесть часов подряд, практически не вставая. И все шесть часов надо вести разведку, принимать радиogramмы, вести записи на бланках, которых к концу смены мы обязаны были сдать в количестве не менее пяти. Такая работа приучила меня к терпению и усидчивости. Вот уже не малая польза от армии.

Эпизод 14

Игорь Малашин был оставлен в учебной роте в качестве ефрейтора, командира отделения. Игорь был способным и дисциплинированным курсантом и поэтому из него мог получиться хороший сержант учебной роты. Существовала традиция, что сержантский состав «учебки» формировался из числа выпускников. Из всего нашего выпуска оставили Малашина и Щепина. Щепин вообще выглядел как-то нереально аристократично. Короче говоря, им была уготована карьера воспитателей

и наставников. Но однажды произошло событие, перечеркнувшее для Игоря карьеру сержанта «учебки». На подведении итогов в клубе один из курсантов заснул. «Папа» отреагировал на сон «черепа» как обычно в таких случаях – резко. «Кто командир отделения». «Ефрейтор Малашин». «Разжаловать в рядовые и под арест». Этот короткий диалог привел Игоря в первую «боевую» роту. Он появился изможденный многодневным сидением в караулке, с кругами под глазами и в погонах со следами сорванных «лычек».

К чести Игоря Малашина, он не бежал от трудностей и воспринял переход в первую роту как естественный ход событий, тем более что в роте были мы – его товарищи по «учебке». Когда старший лейтенант Рудаков сменил на посту командира первой микрофонной роты капитана Хайрулина, для нас начиналась новая жизнь. Рудаков оказался не только справедливым командиром, но и настоящим другом для нас. Мы его не боялись, а действительно уважали. Уважали за ровное к нам отношение и за отеческую заботу. В первый день своего командования ротой Рудаков построил нас перед казармой и стал знакомиться с каждым. Подойдя ко мне и прочитав мой военный билет, Рудаков сказал: «Ты оказывается мой земляк, ну считай, что ты мой родственник». Мы и вправду оказались земляками. Он из Щелкова, я из Ногинска. Таким образом, я стал сержантом, вместе с другими ребятами: Малашиным, Костиным, Рыжковым, Тарасенко, Ломего. Последние полгода службы я был также известен, как «начальник штаба первой роты». Конечно, это было сильное преувеличение, но как это льстило моему самолюбию. Я был занят все двадцать четыре часа в сутки. Если я не был на смене, то выполнял обязанности комсорга роты, помощника замполита, помощника командира роты, ходил в наряды и выкраивал время, как правило, ночью, для того, чтобы порисовать в своей каптерке в подвале.

В марте месяце я, наконец, отправился домой в отпуск. Служба приближалась к концу, и поэтому особой радости по поводу отпуска я уже не испытывал. А как мне хотелось домой в начале армейской службы, когда сама мысль о родном доме, о близких людях заставляла меня скрывать слезы от моих товарищей. К концу четвертого периода я был в армии, как говорится, как дома. Знал, что от меня требуется, как себя вести, кого и чего бояться и как по возможности избегать неприятностей, как устроить свой быт и комфортное состояние. Армия если не стала для меня домом, то перестала быть страшной и чужой. И главное, у меня была своя каптерка – мечта каждого солдата. Кроме того, я был комсоргом роты, что давало мне определенную свободу и защищенность от армейской муштры. Итак, в марте 1989 года я уезжал на побывку в родной Ногинск. Как всегда в таких случаях я полу-

чил множество просьб и поручений от моих сослуживцев. Один просил передать родителям коробку конфет, другой привезти из дома теплые вещи и т.п. Большинство же просили привезти советские деньги и как можно больше чистых деклараций. Декларации можно было достать на обратном пути в Бресте. Они были необходимы для того, чтобы обменять советские рубли на немецкие марки. По закону один человек мог провезти в ГДР всего тридцать рублей и одну декларацию для обмена этих несчастных тридцати рублей. Обменный курс был очень привлекательным – один к трем, то есть за один наш рубль нам в банке выдавали три немецкие марки. Но что такое тридцать рублей для солдата, который два года провел в материальном раю и хочет захватить кусочек этого рая к себе в Союз, где банка кофе и коробка конфет уже яркие приметы благополучия и достатка. Поэтому так нужны были рубли и декларации. Про сам отпуск говорить нечего. Я был несказанно счастлив, приехать домой, обнять родителей и пообщаться с друзьями. Затем, выполнив все поручения и набрав у тоскующих по своим чадам родителей денег, я собрался в обратный путь. На вокзале в Москве меня провожал отец. Я чувствовал себя взрослым и уверенным в форменной одежде с небольшим чемоданчиком. Мне было приятно осознавать себя военным человеком, отправляющимся в далекийграничный гарнизон. Попрощавшись с отцом, я зашел в вагон и, прильнув к стеклу, смотрел на удаляющуюся от меня Москву. В Бресте я вышел из поезда. По правилам я должен был отправиться на пересыльный пункт и уже с брестского пункта в составе команды таких же, как и я возвращавшихся в родные части отпускников ждать отправки в ГДР. Но первым делом надо достать декларации. Торговля чистыми декларациями была поставлена великолепно и продавцы знали свое незаконное дело. Как только я вышел на перрон ко мне подкрался юркий мужичок небольшого роста. Взяв меня под руку, он скороговоркой прошептал прямо мне на ухо и для этого приподнялся на мысках: «Из отпуска? Декларации нужны? Полтинник за штуку» Я машинально сунул ему заготовленную сумму и почувствовал, как раздулся карман моей шинели от пачки новеньких деклараций. Мужичок исчез так же тихо и незаметно, как и появился. Итак, я был полностью укомплектован. В одном кармане шинели лежали деньги, а в другом декларации. Надо сказать, что чистые декларации, которые надлежало использовать лишь один раз, советские солдаты приносили в банк по два и даже три раза, замазывая штрихом даты. Девушки в банковских кассах обрезали уголок у использованной однажды декларации, а наши ребята обрезали по периметру бумагу и снова несли в банк. Так продолжалось до бесконечности. Девушки кассирши разводили от отчаяния руками и воскли-

цами: «Ну что поделаешь с этими русскими». Так как по одной декларации можно было поменять только тридцать рублей и только одному человеку, то нужно было выкручиваться. Для этого собирались военные билеты, заполнялись декларации и посылался гонец в городской банк. Выход в город для солдат без офицера или прапорщика был заказан. И не с каждым офицером можно было идти в такой авантюрный поход. Но были понимающие люди и в среде офицеров и прапорщиков полка. Я помню, что мы несколько раз отправлялись в банк с замполитом Семеновко. Очередь у касс замирала, когда в дверном проеме показывался русский солдатик с высокой стопой документов, а кассирши глубоко вздыхали и охали, но с немецкой точностью отсчитывали по нашим декларациям деньги. Но я отвлекся от рассказа о своем пути в часть из отпуска. Итак, купив декларации, я отправился на пересыльный пункт. На пересылке было много солдат. Все ждали отправки и пребывали в нервном напряжении. У многих было не все чисто в багаже. А на пересылке случались набеги начальства и поиски не дозволенных вещей и конечно денег, превышающих сумму в тридцать рублей. Неожиданно скомандовали построение, и повели всех на вокзал. Перед погрузкой в вагоны поезда предстоял таможенный контроль. Мы выстроились в длинную цепочку, в конце которой или точнее вначале два таможенных офицера прощупывали, похлопывали, заглядывали и проверяли и нас и наши пожитки. Я совершенно забыл спрятать и деньги и декларации, и они мирно лежали в левом и правом карманах моей начесанной шинели. Что делать? Если я начну суетиться и попытаюсь переложить компромат в другое место – это тут же заметят, и я попадусь. Так я думал и смотрел вперед красными от напряжения глазами. Мне казалось, что чем ближе я продвигаюсь к месту осмотра, тем коварнее и пугающе строгими становились таможенники и впереди меня ждет неминуемое разоблачение и позор. В моих ушах уже рычал «папа», и я чувствовал его страшный, полный презрения взгляд. Короче говоря, я совершенно вспотел от нагрянувших видений и нервного напряжения. И вот, я и не заметил каким образом, на меня смотрят таможенники и просят открыть чемодан. Я открываю чемодан, распрямляюсь и без какой либо команды раскрываю полы шинели. Один из офицеров похлопал меня спереди по кителю и оттолкнул за шею к вагону. «Следующий». Вот так я и провез в часть, на радость сослуживцев, ценный груз. Интересно, что путь через КПП части проходил тоже не просто. Здесь поджидали отпускника уже свои внутренние враги. Вновь прибывших тщательно проверяли. Вдруг ухитрился обмануть советскую таможню и провести что-то запрещенное. Поэтому сначала шли в котельную, что находилась за пределами части в ДОСах. Там солдаты– кочегары припрятывали

привезенные ценности до лучших времен, и когда проходило напряжение первых дней, потихоньку переправляли добро в казармы. Когда в казарму прибывал отпускник, устраивался настоящий пир. Обычно после отбоя в подвал спускались по одному старослужащие, дневальный зорко следил на «фишке». В каптерке старшины был массивный стол с львиными лапами, вырезанными на дубовых ногах, оставшийся от того времени, когда в этих казармах размещалась гитлеровская дивизия «мертвая голова». На этот покрытый зеленым бархатом стол выставлялись деликатесы из Союза. Копченая колбаса, печенье «юбилейное» и шоколадные конфеты. Немецкий ассортимент ограничивался шоколадным напитком “Trink Fix”, без которого не обходилось ни одно застолье. Бывало, что на столе появлялось и спиртное. Ликеры, недорогой коньяк и совсем дешевая немецкая водка, которую из-за характерной этикетки называли «снежинкой».

Эпизод 15

Я вышел из электрички на городском вокзале. Было где-то часов 10 утра, шел небольшой снег, но в воздухе уже пахло весной. Прыгая через лужи подтаявшего грязного снега, я перешел вокзальную площадь и, дождавшись «семерку», запрыгнул в теплый автобус. Через 15 минут я шел от остановки к дому, из которого почти два года назад я отправился отдавать долг Родине. После коллективного казарменного жилья, наша квартира показалась мне дворцом. Было ощущение, что все новое, не виденное мной раньше. Я прошелся по комнатам, вдыхая забытый аромат домашнего уюта. Переодевшись, я помчался на работу к маме, чтобы обрадовать ее своим неожиданным появлением. Я, конечно, сообщал в письмах, что приеду на побывку, но точной даты не сообщал, так как и сам узнал точную дату в самый последний момент. Я вбежал по парадной лестнице на второй этаж школы, в которой работала мама, и уверенно постучал в тяжелую дверь кабинета. Отворив дверь, я увидел несколько десятков любопытных детских глаз и строгую учительницу с указкой, чей урок я прервал своим стуком и вторжением. Через мгновение строгая учительница меня узнала и выронила от волнения указку. Мы расцеловались на глазах притихшего класса. Так начался мой короткий десятидневный отпуск. Кажется, я никак не мог адаптироваться к нормальной жизни. Вокруг было непривычно тихо и спокойно. Я чувствовал себя не вполне уютно в уютной домашней среде. Меня охватывали приступы неврастения, иногда меня буквально трясло, и Я лежал на диване неподвижно часами. Я пригласил одноклассницу на прогулку в Москву, но она мне отказала. Друзья были в

Армии, и мне стало тоскливо. Возвращение в часть после отпуска показалось мне избавлением от этой ноющей тоски. Я знал, что совсем скоро, может быть в конце весны, через пару месяцев, я приеду домой насовсем и поэтому прощание с родителями меня не сильно тревожило. Но как я хотел поскорее вернуться в роту и очутиться в привычном, уже ставшим родным мире.

Эпизод 16

Я уходил в Советскую Армию из страны, начавшей движение к переменам. Шел 1987 год. Я учился в Институте Стали и Сплавов, в Электростали. Многие мои одноклассники уже служили в Армии, а я имел небольшую отсрочку в связи с учебой в институте. Интересное это было время, конец 80-х годов. Законы принимались, потом спустя некоторое время отменялись. То было время каких-то нововведений. Я поступал в институт не по обычной схеме, а по эксперименту. Это значило, что при наличии документа о том, что я прослушал подготовительный курс, при хорошем впечатлении на собеседовании с ректором, достаточно было набрать всего восемь баллов, чтобы пройти в институт. Экзаменов было три: сочинение, физика (письменно), математика (письменно). Я боялся сдавать физику, т.к. последний год наш старенький учитель Юрий Васильевич болел, и часто уроки отменяли. Мне повезло, первый экзамен – сочинение, второй – математика. Сочинение я пишу на четверку, и задачи по математике также на четыре. Итого восемь баллов – я студент, минуя физику. Так физика и прошла мимо меня, как не старался очень хороший преподаватель в институте, Красильников. Он мне так сказал на лекции: «Ты, Маслов, как электрон, обогнул препятствие...» Препятствие это физика. Тогда разрешалась небольшая отсрочка для студентов ВУЗов без военной кафедры, чтобы отучится полный учебный год. Только я ушел в Армию, узнаю, что в институте открыли военную кафедру. Но я уже в Армии и впереди два года службы. Интересно, когда я уже готовился на «дембель», два года армии заменили одним годом, для студентов. Вот так я оказался подопытным участником экспериментов СССР.

Историческая справка:

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК (СССР), бывшее крупнейшее государство мира по площади, второе по экономической и военной мощи и третье – по численности населения. СССР был создан 30 декабря 1922, когда Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) объедини-

лась с Украинской и Белорусской советскими социалистическими республиками и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Все эти республики возникли после Октябрьской революции 1917 и распада Российской империи. С 1956 по 1991 СССР состоял из 15 союзных республик. 25 декабря 1991 года президент СССР М.С.Горбачев ушел в отставку, и на следующий день СССР был распущен.

Эпизод 17

Я оказался в ГСВГ. ГСВГ это Группа Советских Войск в Германии. Конечно, это было здорово после довольно не устроенной в бытовом плане жизни в Союзе оказаться за границей. Ведь ГДР это настоящая граница. Я помню, что жадно впитывал окружающую меня страну, так не похожую на Россию, вглядывался в людей, так не похожих на моих соотечественников. Эта непохожесть выражалась в свободе во всем. Дух этой свободы витал в воздухе и смешивался с угольной гарью от немецких печек. Однажды я увидел настоящего трубочиста. Он появился словно из сказок братьев Гримм. Это было удивительное впечатление. Все – чистые улочки, уютные домики под красными черепичными крышами, улыбающиеся люди – произвело на меня сильное впечатление. Запомнился такой эпизод. Мы только приняли присягу и нас стали «продавать» для выполнения различных работ. Причем учитывались личные пристрастия и профессиональные навыки. Деваться было не куда, да и неплохо было выбраться хоть на какое-то время из части, где наряды и «дедушки». Я с удовольствием работал в составе бригады с немецкими рабочими на постройке каменного коттеджа. Условия работы были очень хорошими, нас хорошо кормили и в конце недели даже пригласили за стол. Нас было двое русских солдат и мы, конечно, хотели показать свою удаль. Мой приятель, Костя Любимов, к удивлению немецких товарищей выпил какое-то немыслимое для 18-ти летнего парня количество шнапса, а я променял шнапс на кофе, так понравился мне этот напиток, который в Союзе я пил очень мало, хорошего кофе было не достать. Но главное, я познакомился с бытовыми условиями, которые были созданы в ГДР для рабочих, в частности для строителей, что было особенно для меня интересно. Нас возили обедать в столовую, развернутую для строителей вблизи основного объекта. Работающие с нами немцы как раз были сняты с этого объекта для работы на доме. Приезжаем к столовой, выходим из машины. Я вижу одноэтажное здание из легких металлоконструкций. И перед входом длинный ряд рабочей обуви. Наши сопровождающие

скинули башмаки и вошли внутрь. Мы с товарищем переглянулись и молча, согласились друг с другом, что разуваться не будем. Ведь разуться значило показать всей Европе наши «благоухающие» портянки и не менее «благоухающие» конечности. И мы вошли в сапогах. А за дверью, пол был покрыт белоснежным ковром с ворсом в один сантиметр высоты. Стыдно, но делать нечего. Прошли в обеденный зал, где нас угощали симпатичные девушки официантки. Я тогда впервые попробовал йогурт. Нам его подавали в суповых тарелках и ели мы йогурт большими ложками. Я обратил внимание, что столовая не только место для приема пищи, но и место послеобеденного отдыха для рабочих и персонала. В здании были специальные места, где можно было посидеть с сигаретой за чашечкой кофе или отдохнуть, поспать в отдельных комнатках. Для нас, советских граждан, это было удивительно! Мы не были избалованы подобным комфортом. Такие же великолепные условия я видел везде в ГДР, на всех предприятиях, где приходилось работать. Например, на знаменитом буроугольном комбинате, где делали похожие на сливочное масло брикеты, для каждой рабочей бригады были оборудованы комфортабельные комнаты отдыха, наполненные современной бытовой техникой: соковыжималка, кофемашина, электрическая духовка, холодильник и телевизор. Немцы всегда пьют чай с лимоном, причем не как у нас принято. Мы кладем в чашку с чаем ломтик лимона, немцы добавляют только что выжатый лимонный сок.

Эпизод 18

Мы часто работали на буроугольном комбинате, где делали брикеты. Помню, это была тяжелая, вредная работа. Уголь в процессе производства брикетов движется по участкам комбината по транспортерным лентам, под которыми скапливаются горы угольной пыли. Наша задача состояла в том, чтобы убирать эту пыль (сажу), грузить на тачки и отвозить в отвал (специальный бункер). После нескольких часов такой работы, мы превращались в «негров», а чернота в носу и ушах не исчезала и несколько недель спустя! Где мы только не работали. И ремонтировали подъездные ж/д. пути на дне огромного карьера, в котором открытым способом добывали тот самый уголь. И вооружившись кирками и лопатами (они у немцев тоже особенные) рыли кабельные траншеи. И строили коттеджи для нужных немцев. И пропалывали цветочки в цветоческом кооперативе рядом с нашей частью. И вот вопиющий пример использования бесплатного солдатского труда: работали на стекольном заводе – внутри остывшей, но все еще жаркой печи, для вы-

плавки стекломассы, откалывали стеклянные наросты со стенок печки при помощи кирок без какой либо защиты легких от стекольной пыли.

Короткая справка:

Комбинат, выпускавший буроугольные брикеты находился в поселке Гайзелталь (Geiseltal) недалеко от Мерзебурга.

Эпизод 19

Я часто спрашивал себя – а кому нужна наша служба? Спрашивал потому что видел частенько халатное отношение офицеров, про солдат нечего и говорить, ведь известно: «солдат спит – служба идет». Какая уж тут может быть разведка. На боевое дежурство смена заступала очень торжественно и красиво. Под барабанную дробь выстраивались шеренги бойцов, заступающих на дежурство. Весь полк, построенный для развода на плацу, внимательно следил за торжественной церемонией. Громко, казалось, что на весь тихий немецкий городок, зачитывалось задание полка и после соответствующей команды, смена уходила к месту несения боевого дежурства, запевая «Нам нужны такие мастера эфира, чтоб смогли услышать и поймать полмира....». Я только к концу своей службы начал вникать и нашел вкус к радиоразведке. Это была по-настоящему важная и интересная служба.

Короткая справка:

Интересно, что немцы именовали нас Regiment der Kosolapow. А шефами нашего полка были полицейские Мерзебурга.

Из письма С. Игнатычева:

«На боевом дежурстве система РТР (радиотехническая разведка) была многослойной (стратегическая и оперативная). Там были, спец. части РТР, как бригада в Торгау, центры по всей ГСВГ. Отдельные части и подразделения РТР в развернутых войсках (как наш полк армии первого эшелона), отд. бат и роты РТР – в основном на учениях – оперативная разведка. Но кроме этого – ГСВГ полностью накрывалось бригадой БелВО, отд. бат на территории СССР. Затем РТР разведка ПВО, ГСВГ и БелВО, целая система РТР КГБ в ГСВГ и СССР, плюс братья-немцы, которые имели отд. развед. баты и т.п. Кстати, на них очень даже рассчитывали за их педантичность. Затем стратеги. Система РТР, дальней, авиа, флот, ПВО, космическая. Все это как ни странно работало. Все это накрывало и следило за одними и теми же активными объектами. Система на обеих сторо-

нах делится на активную и пассивную часть. Активные источники, за которыми вы сонно следили, активны всегда. Первый признак опасности – необычная работа – молчит или переключился. И все! Больше задач нет. ЛИР – лаборатория на Командном Пункте (Приемного Центра), если помнишь Высоцкого и компанию – занимались анализом новых излучений, посылали записи в бригаду. Сидит боец на Ремхильде, от нечего делать крутит приемник – вот, что-то записало – если не лень, скажет старшему – тот, может быть, отдаст ЗОРу или прямо «лирикам» на анализ. Пассивная система относительно секретна и молчит в основном. Ее провоцируют обычно пролетом самолетом-нарушителем, как это было в 1985 с южнокорейским Боингом на Дальнем Востоке. Делается так – агент твой, скажем Ганс, по поручению Влад. Влад. прошел мимо пустоватой антеннки в ФРГ. Ее на всякий случай на карту нанесли. Потом при каком раскладе – скажем, «Отомн Фордж» – учении, включилась антеннка-то! Значит, вывели в относительно открытый разряд установок, значит, построили новую! Вот, и пошел Ганс дальше. Чтобы не вдаваться глубже, как ни смешно, ваша работа была не напрасна. Я помню, как на Ремхильде бойцы с вытаращенными глазами приносили километры пленки с ужасающей активностью старых добрых объектов – все во время натовских учений. А за спиной в это время за всем тем же самым наблюдало, еще скажем 5 организаций. Я много знал по своему опыту еще до Мерзбурга. Общей картины многие не понимали вообще. Уникальный, но абсолютно сломавшийся человек был майор Н! Он моложавый был такой в очках невысокий. Его бойцы любили за мягкость. Второй талант был майор Перепелица – чудо в перьях – интеллигент. Старое поколение выпускников моей конторы. Тоже очень опытный оперативник. Но первый, блин! Каждые учения он сидит в конце всех слушает – бойцы несут, мне доверял безмерно. Потом идет к карте и рисует расклад учения – блин, где он взял это?! Доклад «папе» – все ОК, полк в шоколаде! Потом приходит раскладка из развед. отдела официальная по факту – точка в точку! Конечно, всего нам не раскрывали – наверху знали мозаику точно, но нам в целях конспирации не доверяли полностью. Проверяли нашу тактическую подготовку. Но с другой стороны, кто лучше нас все это знал и делал!!!»

А вот еще строчки из письма С. Игнатьчева:

«Я очень любил Лейпциг. Это как окно в Европу было. После дежурства в 09.00 переоделся и вместо сна – вперед! Думаю, меня закладывали «особисту» за страсть к путешествиям, но я всегда был

обратно и не совался в Берлин. Наверно не знаешь, что русским запрещено было ездить в Берлин? Закрытый город! Причем, офицерский патруль был по «гражданке» – просто вычислял русских и подходил – и к женщинам тоже. Нет «аусвайса» – вперед! Можно было вылететь из ГСВГ запросто! В Лейпциге я открыл для себя Чинзано!!! Это был 1987 год...

Историческая справка:

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА – заграждение, возведенное властями Германской Демократической Республики (ГДР) вокруг Западного Берлина в августе 1961. Она полностью окружила территорию трех западных (американского, британского и французского) секторов старой германской столицы и прервала свободное сообщение между двумя частями города, разделенного с 1948.

Берлинская стена пала под напором народа в ночь с 9 на 10 ноября 1989. Это произошло во многом благодаря событиям, происходившим в СССР, с приходом к власти Михаила Горбачева.

Из письма И.Молдавского:

«Было ли чувство значимости нашей службы? О каких чувствах может идти речь, когда тебя в восемнадцать лет насильно забирают из дома, проводят через все круги ада, и бесплатно используют два года, как скот? На самом деле боевое дежурство мне нравилось за возможность уйти из роты, от нарядов, караулов – в относительное спокойствие и безопасность. Причем я не говорю о первом годе, когда мы были «слонами» и в роте ничего хорошего не ждали. Очевидно, что лучше было прятаться на смене, (лучше ночной). Большинство ребят ее не любили, а я любил. В то время как большинство смены рвалось обратно в роту, жить нормальной жизнью – я достиг договоренности с ротным Костюшко, что меня не трогают, и я так до «дембеля» и дохожу. Моей мечтой было уйти ночью на смену, а на следующее утро уехать на «дембель». Костюшко сдержал слово и со смены меня не снимал – хотя в ходу была ротация – походил пару месяцев на смену, потом несколько месяцев в роте. Причем, я не просто держался на смене все время, но и в одной и той же, «шесть через шесть». Заступал в два часа ночи, сменялся в восемь утра и в роту. Потом, заступал в два часа дня и сменялся в восемь вечера, пропуская, таким образом, всяческую неприятную активность в роте. Короче, забился в свою нишу, как и ты в свою каптерку. На смене был свой мир, свое удобство, привычки, хорошие отношения с остальными»

ми сменщиками, с офицерами, которые ночью приходили поболтать и даже угостить чаем. Там то, на смене, пристрастился к «Эра Грэй» с подачи лейтенанта Семенова. Смена, кроме того, это место, где писались ежедневные письма, и хранилась «подшива» (под крышками радиоприемников). С капитаном Игнатычевым произошел у меня смешной случай. У меня с ним были хорошие отношения, насколько они могут быть хорошими между солдатом и офицером, но все равно, разумеется, неравные. Время от времени он ставил меня на место. Ближе к «дембелю», когда я уже мечтал о доме, и мне было не до службы, я иногда в нашей буквопечатающей комнате выключал усилитель сигнала, чтобы все перестало печатать и шуметь, и можно было посидеть в тишине. Разумеется, только после того, как распечатывал для майора Перепелицы любимый им France Press. Как-то в этой тишине зарулил Игнатычев и стал давить, почему, мол, разведка не ведется, почему все стоит. Я скорчил невинную рожу: «Спит «супостат», нет сигналов». «Как нет, чего несешь! А ну дай наушники». Разумеется, в эфире тихо, еле-еле, что-то пробивается. Усилитель то я выключил! Он, бедняга, полчаса пытался найти хоть что-то. Пока я не показал ему свой способ «создания тишины». Да, чего на смене только не было. Посылали ходоков за едой. А потом поднимали ее на веревке в окно нашей комнаты на ПЦ. Прятали магнитофон, чтобы записывать музыку из эфира, слушали запрещенные радиостанции, Севу Новгородцева и т.д. Даже выпили однажды с Чеботком и Царюк, и были незамедлительно пойманы капитаном Бочко».

Эпизод 20

«Засовец» Матвиенко, замешкавшись на раздаче, последним усаживался за длинный стол в полутемной столовке. Смена, молча, поглощала остывший ужин. Было так тихо, что слышно было, как хихикали, чистящие картошку бойцы в комнатухе под варочным отделением. И вдруг Матвей, отбросив вилку, прошипел: «надоело все это, домой хочу». «А что надоело-то, Саня?» – осторожно спросил кто-то из ребят. «Да все, все надоело» – срываясь на крик, ответил Матвиенко, и громко толкнув тарелку, встал из-за стола. Матвея уважали. Было в нем что-то серьезное, основательное, во всей его художавой, но крепко сбитой фигуре. Выходили из столовой не спеша, кто-то закуривал сигарету, кто-то давал прикурить. Негромкая речь и светлячки сигаретных огоньков оживляли погрузившуюся во тьму площадку перед столовой.

Из яркого проема двери выскочил начальник смены старший лейтенант Янке, и мы побрели по ротам. На самом деле большинство из нас прекрасно понимали, о чем говорил Матвей и нам тоже все это порядком надоело. Надоело принимать безропотно все, как есть, без возможности изменить жизнь вокруг. Я помню, как старшекласником мечтал о взрослой жизни, о жизни без постоянных поучений и окриков старших. Помню, как веселой гурьбой, ночью после выпускного в средней школе, мы шли по тихим улочкам родного города и мечтали вместе о будущей, нам казалось, интересной дороге. Мы хотели сами принимать решения, сами исправлять ошибки, мы хотели быть самостоятельными. И вот я в армии. Мне говорят о долге, от меня требуют самоотречения во имя Советской Родины. Каждый день я слышу громкие слова о Славе, о подвиге, о партии, о народе. А в действительности я, как и Саша Матвиенко, вижу только пьянство офицеров, скудоумие начальников и полную деградацию нашей армии. На этом фоне положительные примеры являются только несколько обнадеживающими исключениями. Вот, например, боевое дежурство. Мы заступали на смену, которая продолжалась в течение шести часов в микрофонном зале на приемном центре, в количестве пяти, шести человек (из первой роты) Наиболее важными считались два поста. Пост имени Николая Кузнецова, который мы называли – «чибис-соловей», отслеживающий радиосигналы ЗАС (закрытая аппаратура связи) и пост «стратком», иначе «стратегическое командование ВВС США в Европе». Остальные посты имели тоже какое-то значение, но уже менее серьезное, чем два выше названных. Я работал на посту «2-ой ОБРКП», что в переводе на нормальный язык означало – 2-ой отдельный бронекавалеристский полк. Как я уже упомянул, заступали мы на шести часовую смену, в течение которой основной нашей обязанностью было прослушивать радиоэфир в заданном диапазоне частот и отмечать на специальных бланках время выхода в эфир наших «вражеских станций» и как можно более полно записывать текст передаваемых сообщений – радиogramм. Причем за смену, кровь из носа, но надо было положить на стол начальника смены пять бланков. Дело в том, что «стратком» работал почти постоянно, так как самолеты имеют обыкновение взлетать и потом приземляться. Поэтому и переговоры «командования» с бортами и наоборот довольно часты. Особенно эта «болтовня» усиливается во время учений или обычных праздников и тогда, например, на какой-нибудь «День Благодарения» в эфире полно поздравлений, приветов, сентиментальных «kiss» и в таком духе. Про ЗАС я говорить не буду, потому что ничего сказать не могу – не знаю. Эта закрытая аппаратура связи и впрямь такая закрытая, что «все окутано завесой тайны».

Я как-то уже говорил, что и бойцы, слушающие щебетания «чибисов и соловьев» сами постепенно приобретали что-то птичье, скорее даже, совиное во взгляде. Вспоминается такой эпизод. Вилли стоит, прислонившись спиной к стене. Надо отметить, у «засовцев» это была традиция такая – они работали только стоя. Видимо сидя быстрее сходишь с ума от постоянного щебетания в ушах. Так вот, Вилли стоит. Глаза его закрыты. Наушники, естественно на ушах, вернее на «пол уха», иначе оглохнешь. Я прохожу мимо, подхожу к Вильшонкову, снимаю с его ушей наушники и одеваю на свои уши. Минутку, может полторы послушал, почувствовал – что-то мне не хорошо стало, снял наушники и напялил обратно на оттопыренные уши «засовца». Вилли в течение всех этих манипуляций даже не дрогнул и конечно не думал открывать глаза. Вот такие они «засовцы».

Для меня сдать пять бланков было настоящей проблемой. Мой 2-ой ОБРКП выходил один раз в смену с обычным позывным и набором цифр – шифрограммой. Чтобы набрать еще четыре бланка, надо было крутить ручку и вслушиваться в то, что пицало и трещало в радио эфире. Эта работа называлась радио разведкой. Набрать четыре бланка было довольно сложно, так как эфир так же необъятен, как вселенная, и найти там что-то дельное очень трудно. «Старички» научили, а потом и мы сами поднаторели в заполнениях «липовых» бланков. Что это значило? Да мы просто выдумывали позывные и текст радиogramм, а частоту любую, какая понравится в заданном диапазоне, отмечали на бланке, предварительно, для верности, запросив у «местного» и на «центрах» пеленг. Интересно, что за все время службы мне ни разу не пришлось слышать о фальсификациях с бланками. Видимо в разведцентрах, куда стекалась наша липовая информация, тоже здорово умели халтурить. Почему все это происходило? Я думаю, от того, что задачи перед нами ставились не корректные и контроль за нами был соответствующий. Частенько приходилось видеть, как начальник смены засыпал на своем посту, за высокой трибуной с телефонами, аппаратами связи, разными тумблерами и переключателями. На деле вся эта аппаратура давно не работала, а пустое пространство трибуны было заполнено пустыми бутылками и банками из под пива. Вот в чем заключалось недовольство Матвееenko и многих других ребят. Я это тоже понял к концу службы. Мы многому научились и готовы были выполнять свою работу, но вокруг нас было обычное болото. С трибуны раздавались лозунги и призывы, а на деле царил полный бардак. Редкие офицеры вселяли в нас веру в значимость нашего дела и надежду на успех, желание совершенствоваться. Это прежде всего капитан Игнатьчев, п/п-к Смирнов, майор Перепелица, майор Лукин и некоторые

другие, имена которых уже и не помню. Они умели зажечь в нас желание работать и записывать не липовые, а самые настоящие бланки. Только благодаря этим равнодушным специалистам я могу сказать, что действительно, а не только по записи в военном билете являюсь командиром отделения специалистов радиоперехвата и пеленгования радиотелеграфных передач.

Эпизод 21

Мы встречались в Мерзебурге с Ильей осенью 2006 года. Я приехал в Германию на своей машине, проехав Белоруссию, Польшу и часть восточной Германии. Ночевали в Минске, затем в Варшаве, потом через Франкфурт-на-Одере въехали в Германию. Я намерено пересек Польшо-Германскую границу во Франкфурте, т.к. именно в этом городе мы вышли из поезда «Москва – Вюнсдорф» и нас, новобранцев разместили на плацу одной из здешних воинских частей. Въехали во Франкфурт, с польской стороны просто переехав речку «Одер». На мосту – немецкий паспортный контроль. Я просто опустил стекло и подал паспорта (свой и жены). Через минуту мы в Германии. Проехали по городу и свернули на автобан до Берлина. Скорость на автобане не ограничена и поэтому я летел почти 200км/час. Очень скоро мы «долетели» до Берлина, и, бросив машину в Трептов парке, отправились на такси в центр города. Гуляли по городу до самого вечера. А вечером уже мчались по направлению сначала на Дрезден, потом съезд на Лейпциг и уже совсем поздно вечером после 22-00 свернули на Галле (цель нашего путешествия). В Галле у нас был забронирован номер в отеле. 23-00. Машина на паркинге гостиницы. Вещи в номере. А мы пошли на центральную площадь города, где открыты рестораны и ресторанчики, столики выставлены на улице, так как очень тепло. Гуляют люди, звучит музыка. Утром выезжаем в Мерзебург (15 минут на машине), где у нас встреча с Ильей и его супругой Кариной. Встреча назначена на 10-00 утра у главного входа на ж/д вокзал Мерзебурга. Очень тихое утро. Совершенно безлюдная площадь перед вокзалом и вдруг на противоположной улице мы видим улыбающегося Илью с улыбающейся супругой! Встреча состоялась, и мы отправились к части той же дорогой, которой вел нас, «духов», капитан Ширяев. Пришли в часть, пройдя через КПП понтонеров. Казармы активно перестраиваются под размещение жилья и различных учреждений. Немцы все делают основательно и поэтому многие здания уже не узнать. Некоторые казармы в еще нетронутом виде, но совершенно разоренные с выбитыми стеклами и т.п. Хорошо, что сохранилось здание «учебки» и штаба,

куда можно было войти. И мы воспользовались этим и обследовали там каждый уголок. Много фотографировали. Вспоминали службу и наших ребят! После ностальгического тура по части совершили пешую прогулку по Мерзебургу, который, кажется, совсем не изменился – тихий немецкий городок. Остаток дня мы провели в Галле, где бурлил праздник города: на старой площади – музыканты, циркачи, еда, питье и другие увеселения!!! Вот такая была поездка и встреча в Мерзебурге! Конечно, было бы здорово сделать такие встречи традиционными. Мы на следующий после встречи день погуляли полдня по Галле и поехали домой с остановкой в Варшаве. Поехали через Герлиц. Ехали по почти пустому автобану, затем через длинный тоннель и пересекли немецко-польскую границу в Герлице. Выбрали направление на Бреслау (по-польски Вроцлав) и попали в этом старом польском городе в жуткую пробку, где простояли около трех часов. Представьте старый город. Узкая дорога. В одном потоке машины, трамваи и люди. Все это медленно движется среди старых стен старого города. Выбравшись из Вроцлава, рванули к Варшаве. В Варшаву приехали довольно поздно, но успели побродить по «старо место», посидеть в уютном ресторанчике. На следующий день погуляли по Варшаве и в 15-00 выехали в направлении Белорусской границы, которую прошли легко и незаметно и устремились уже почти ночью в «родные пенаты». От границы до Москвы я ехал без отдыха и сна в страшном тумане и крошечной темноте. Москва встретила нас рассветом и пробками на МКАДе. От «Можайки» до шоссе Энтузиастов мы ехали почти три часа.

Эпизод 22

Повсюду в ГДР – на промышленных предприятиях, в сельских кооперативах, в школах и государственных учреждениях, даже в рабочих столовых мы видели на почетном месте флаг ГДР и портрет лидера СЕПГ Эриха Хонеккера. Хонеккер выглядел не так, как по нашему мнению должен был выглядеть руководитель партии и страны. Вместо старого и сурового лица с портретов на нас смотрел улыбающийся, внешне добрый человек. Хотелось верить, что немцы любили своего лидера. Должны были любить, ведь так велик был контраст между жизнью людей в СССР и ГДР. В ГДР я впервые увидел большие продовольственные магазины, в которых было все. Все то, чего не было в Союзе. Я отвык от очередей и начал привыкать к изобилию. К хорошему быстро привыкаешь. Когда я приехал домой, в родное Подмосковье, в 1989 году и увидел длинные очереди в магазины за самыми необходимыми продуктами (я не говорю о модной одежде и др. товарах), узнал, что чай

и сахар продают по карточкам в строго определенных количествах на каждого члена семьи, я заскучал по ГДР, по Эриху Хонеккеру, которого я видел только на портретах.

Историческая справка:

Эрих Хонеккер (Erich Honecker) (25 августа 1912 года Нойнкирхен/Саар — 29 мая 1994 года Сантьяго-де-Чили) — председатель СЕПГ и госсовета ГДР.

В 1926 году вступил в Коммунистический союз молодежи Германии. В 1930 учился в Московской международной ленинской школе. Он возвратился в Германию в 1931г. и в 1935 году был приговорен к 10 годам заключения в концлагере.

В 1949 году Хонеккер стал секретарем ЦК Коммунистической Партии Германии по делам молодежи.

В 1971 году, заручившись поддержкой Брежнева, Хонеккер организовал бескровный дворцовый переворот и отправил предыдущего партийного и государственного вождя ГДР — Вальтера Ульбрихта, на «заслуженную пенсию». Хонеккер стал генеральным секретарем ЦК СЕПГ.

В октябре 1989года в ходе перестройки он был снят со всех партийных и государственных постов, в декабре исключен из СЕПГ. После объединения Германии в 1990 году он укрывался сначала в берлинской больнице, а затем в советском военном госпитале около Потсдама. Судебные власти Германии выдали ордер на арест Хонеккера. Он обвинялся в злоупотреблении властью и хищении государственной собственности.

В марте 1991 года Хонеккера тайно вывезли на военном самолете в СССР, где он стал «личным гостем» президента М.С.Горбачева. Но уже в декабре 1991 года Хонеккер был обязан в трехдневный срок покинуть страну. Он нашёл убежище в посольстве Чили в Москве. 30 июля 1992 года был выдворен из России в Германию. Судебное преследование против него было прекращено из-за плохого состояния его здоровья. Он эмигрировал в Чили, где скончался в 1994 году.

Эпизод 23

Я проснулся в комнате с зашторенными наглухо окнами. Поэтому было совершенно непонятно – день сейчас или уже ночь. В комнате стоял жуткий запах пота и грязных армейских портянок. Я лежал на одном из трех топчанов, установленных в комнате отдыха караула. На остальных двух храпели мои товарищи, Мишка Рыжков, по прозвищу

Рык и Андрей Вильшонков, которого все звали Вилли. Было холодно, и мы согревались, лежа в шинелях и засунув руки в карманы. Через минуту открылась дверь и старший смены младший сержант Богданов, Бодя зарычал: «Караул, подъем». Мы медленно сползли с топчанов вниз на затоптанный линолеум пола и, натываясь друг на друга, путаясь в полах шинелей, взяли каждый свои автоматы из деревянной стойки. Лейтенант Кадаш мирно похрапывал на кушетке в комнате начальника караула. Богданов почти шепотом доложил спящему Кадашу о готовности караула к смене. Начальник караула вздрогнул, на мгновение открыл глаза, напялил на нос очки, посмотрел сквозь круглые стекла на нас и, не вставая с кушетки, махнул рукой – «отправляйте, Богданов». «А забыл» – вспомнил он что-то важное: «присоединить магазины, цигель, цигель». Закрывая дверь в караулку, я услышал знакомое похрапывание Кадаша. На улице уже рассветало. Солнце медленно поднималось где-то вдали то, прячась, то вновь появляясь среди старых стен старого города. Стояла поздняя немецкая осень. Во влажном воздухе отчетливо различался запах гари. Запах исходил от печек, которые топили угольными брикетами, похожими на куски сливочного масла, только масло это было коричнево-черным. Мы не спеша побрели по территории гарнизона к постам, где наши товарищи ждали смены караула.

В карауле мне нравились две вещи. Свободное время перед заступлением на смену и возможность побродить и помечтать в светлое время суток во время охраны большого парка. Ночью в большом парке было жутковато. А если еще и ветер поднимется или туман спустится, то становилось по-настоящему страшно. Однажды поднялся такой сильный ветер, прямо ураган, что распахнулись со скрежетом и грохотом огромные ворота у нескольких боксов. А туман иногда бывал таким густым и белым, что не видно прожектор освещения в пяти шагах. Стыдно признаться, но в такие ночи, я стоял как вкопанный на одном месте и мечтал поскорее услышать долгожданную команду: «смена караула». Страх мой не был обычным детским страхом темноты и т.п. Ну не совсем таким обычным. Почти каждый день на построении нам зачитывали донесения о различных происшествиях в ГСВГ. Очень частыми были нападения на караульных с целью завладением оружия. Особенно часто такие нападения совершались накануне памятных для нацистов дат. День рождения фюрера и др. В один из караулов со мной произошел забавный случай. Но забавным он стал не сразу, а только тогда, когда я в сушилке рассказывал о нем ребятам. А случилось вот что. Я охранял большой парк. Было еще не очень темно, но уже после отбоя. И главное, меня начал обволакивать противный мерзбургский туман. Я уже плохо различал очертания боксов по периметру парка, а обычно такие при-

ветливые и манящие окошки немецких домов за забором были полностью поглощены туманной мглой. До смены было еще долго и в голову лезли всякие мысли. Иногда всякие мысли перебивались приятными и согревающими мыслями о горячей кружке чая и оставленной в караулке книжке. «Поскорее бы смена» – почти вслух бормотал я себе под нос. Вдруг я увидел темный силуэт, который извивался и покачивался на самом верху забора. Из-за тумана я никак не мог разглядеть, кто это или что это там на заборе. От страха у меня перехватило дыхание, и я услышал, как неистово забилося мое собственное сердце. Я вцепился в автомат и направил дуло на темную фигуру, все еще приплясывающую на заборе метрах в десяти от меня. Как там нас учили по-немецки. «Хальт вер ист да! Хальт их верде шиссен!» Кажется так или сначала надо по-русски. «Стой, кто идет! Стой стрелять буду!» А предупредительный выстрел вверх! Надо с предохранителя снять. Стрелять или подождать еще. Кричать или подождать. Что делать то? Все это вихрем пролетало в моей голове, кружилось там и билось наружу, подначивая: «Ну, давай делай что-нибудь, олух». Наконец я заорал почему-то сразу по-немецки «Хальт их верде шиссен» и потом по-русски «Стреляю». Фигура на заборе зашаталась и свалилась с забора, видимо скошенная моим криком, не дожидаясь пока ее скосит мой Калашников. Кто-то или что-то отделилось от забора и побежало ко мне. Счет шел на секунды. Надо стрелять, мать его, надо стрелять. Когда мой палец уже лежал на курке и тоненькие змейки пота поползли по моей спине, жала и извиваясь, в этот самый момент, как гром меня оглушил знакомый голос: «Маслов, ты че, охренел совсем, это же я Гунькин». Голос дрожал и почти всхлипывал. За голосом из тумана появилось бледная как луна рожа старослужащего рядового Гунькина. «Тебе чего, Козлов, чего, не сказал что ли, что я за пивом, чего не сказал Козлов, козел» срываясь на рев, затараторил бледный Гунькин. «Никто мне ничего не говорил, Я тебя чуть не грохнул» – оправдывался я. «Ну Козлов, ну сейчас огребешь у меня по полной программе» – забасил Гунькин и, позванивая бутылками за пазухой, скрылся в тумане по направлению к казармам. Я с трудом оторвал примерзший к курку палец и наполненный впечатлениями продолжал дожидаться свою смену.

Эпизод 24

Как-то Бутрий Сергей Стефанович – очень увлеченный и творческий человек – пригласил меня и Олега Тарасенко (полковой фотограф) в поездку по «городам и весям» в составе небольшой группы школьников гарнизонной школы. Выехали мы рано утром на стареньком пол-

ковом автобусе «Кубань» по направлению к городу Фрэйберг(Freiberg). Автобус остановился на крутом склоне горы. Подойдя к краю площадки, мы увидели внизу город – красные черепичные крыши, шпили нескольких кирхе, узкие мощенные извилистые улочки. А весь склон террасами засажен виноградниками. По узенькой тропинке мы спустились в город. Город был совершенно пуст – все на работе. Прошлись по главной улице до винного завода. На площади перед зданием конторы огромная бутылка вина – скульптура. Следующий пункт нашей поездки – Мейсен(Meissen) – центр немецкого фарфора. Автобус оставили на парковке, на берегу Эльбы. Смешно смотрелся рубленый силуэт нашей «Кубани» рядом с «Мерседесами» и «Вольво» западных туристических фирм. Любознательные бабушки-туристки охотно фотографировались на фоне фанерного кузова «Кубани» с нарисованной красной звездой. По крутой каменной лестнице мы поднялись к старому замку Мейсена. Во время последней войны в этом замке был устроен госпиталь, где попавшаяся после ранения рядовой СС Гюнтер Грасс, будущий нобелевский лауреат, великолепный писатель и художник. Огромное мрачное сооружение, навевающее страх. К сожалению, по каким-то причинам внутрь не пускали, и мы отправились к автобусу, сделав небольшой круг по примыкающей к реке части старого города. Наше путешествие продолжалось. Дорога бежала то через поле и тогда у дороги все чаще встречались белоснежные башенки мельниц. То дорога врезалась в маленькие городки-деревеньки – асфальт сменялся мостовой и «Кубань» подпрыгивала на камнях, рискуя развалиться. Иногда мы останавливались и заходили в маленькие забегаловки – «гаштеты», что бы перекусить. Везде традиции и необычная для нас ухоженность. Меня привлекли таблички на стенах, датированные 18 или 19 веком. Это могли быть записи о событиях этого места, или каких-то строительных работах. Все что угодно. В любом случае бывшие владельцы посчитали необходимым запечатлеть это на стенах своего заведения. Следующая остановка – Вайсенфельц (Weissenfels) – родина Генриха Шютца – почитаемого в Германии композитора, которого Бах И.С. считал своим учителем. Уютный маленький городок, с удивительной атмосферой традиционности. Нашли дом-музей Шютца. Походили по комнатам. Послушали органную музыку в небольшом зальчике дома-музея. Пообщались с ребятами – фотографами, которые развешивали свои фотографии в выставочном зале музея. Мы были действительно интересны для них, молодых немецких ребят. Все-таки, странно, солдаты интересуются классической музыкой. Это разрушало их представления о нас, наверное. Это одно из наиболее ярких впечатлений от «прогулок по Германии».

Вот как описывает свои впечатления от поездки в автобусе «Ку-

бань» бывший наш соотечественник, петербуржец, музыкант, педагог и музыковед, ныне живущий в Бостоне, США Александр Яблонский в книге воспоминаний «06/07 СНИ»:

«О, этот автобус «Кубань»! О, эти трехчасовые переезды по этим дорогам на этом автобусе! Кто придумал эти дороги и этот автобус, специально предназначенный для перевозки артистов? Только наш русский «Левша» мог додуматься до этого дивного инструмента тренинга космонавтов, и только наш русский чиновник мог похерить это совершенство, предпочитая ему никчемные и слабосильные центрифуги, искусственную невесомость, «американские горки», подводные тренировки и прочие пустяки. Выворачивало там всех».

Эпизод 25

Бугрий Сергей Стефанович – служил в партийном учете. Я, как комсорг роты, сменивший на этом высоком посту л-та Кадаша, был вхож в коридоры партийной власти полка. Я конечно преувеличиваю. Но факт остается фактом именно на комсомольской ниве, я с Бугрий и познакомился.

В полку я «прославился», как «корочник», то есть рисовальщик «дембельских» альбомов. А так как я делал это совершенно бесплатно, то конкурентов у меня не было. Я рисование это полюбил и, имея неограниченный запас красок, делал это с удовольствием и посвящал этому все свободное время. Бугрий оказался человеком, понимающим и любящим искусство, к чему мои жалкие опыты, разумеется, не относились. Но все, же он загорелся идеей уговорить меня написать ему классический вид Мерзбурга, чтобы присоединить этот вид к коллекции репродукций с видами немецких городов, вывешенной на центральной стене его квартиры. Я выполнил его просьбу. Я много раз думал, куда подевались мои «произведения», не те, что уехали в чемоданах осоловелых «дембелей» по городам и весям нашей необъятной Родины, а те, что написаны были для души и розданы были тем, кто брал. Я нарисовал тогда штук 10 или 15, может больше. И все они в основном остались где-то в каптерках, офицерских квартирах. Я привез с собой только одну работу. Мой автопортрет написанный, кстати, на портрете М.С.Горбачева. Просто у меня не было другой основы в тот момент.

В учебной роте был у нас командир отделения ефрейтор по фамилии Олешко. Я даже не помню его имени, для нас он был Олешко. Добрый, украинский парень с веснушчатым лицом. Он учил нас крутить портянки и заправлять по ниточке кровати, шкрябать паркет и покрывать его мастикой. Он ходил с нами в первые наряды и караулы. Мы любили

его за доброе к нам отношение. А ведь ему несладко было в компании старослужащих из числа сержантов учебной роты, которые доставали его своими придирками. Потом Олешко перевелся из «учебки» в боевую роту и стал бригадиром элитной команды плотников. Олешко и его коллеги выполняли для полка важную, ответственную работу – обивали кабинеты начальников вагонкой, ставили двери и окна, ремонтировали мебель. Короче говоря, ребята на все руки. Однажды мы вместе ехали на стареньком полковом автобусе «Кубань» в штаб армии в Дрезден. Олешко с командой облагораживать кабинет нач. фива армии, что бы тот не задерживал зарплату полку, а я с полковым фотографом Тарасенко и прапорщиком Бугрий в Дрезденскую галерею – смотреть Рафаэля!

Историческая справка:

ГОРБАЧЕВ, МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (р. 1931), президент Союза Советских Социалистических Республик (март 1990 – декабрь 1991) В ноябре 1978 Горбачев стал секретарем ЦК КПСС по вопросам агропромышленного комплекса, в 1979 – кандидатом в члены, в 1980 – членом Политбюро ЦК КПСС. В марте 1985 Горбачев стал генеральным секретарем Компартии.

1985 год – рубежный в истории государства и партии. Закончилась эпоха застоя (так определялся теперь «брежневский» период). Началась пора перемен, попыток реформирования партийно-государственного организма. Этот период в истории страны был назван «перестройкой» и ассоциировался с идеей «совершенствования социализма».

В 1989 по инициативе Горбачева начался вывод советских войск из Афганистана, произошло падение Берлинской стены и воссоединение Германии. Подписание Горбачевым в 1990 в Париже вместе с главами государств и правительств других стран Европы, а также США и Канады «Хартии для новой Европы» положило конец периоду «холодной войны» конца 1940-х – конца 1990-х годов.

С 1992 и до настоящего времени М.С.Горбачев является президентом Международного фонда социально-экономических и политических исследований (Горбачев – фонда).

По материалам сайта: www.krugosvet.ru

Эпизод 26

Как я познакомился с Ильей Молдавским? Не помню. Кажется, он уже был постояльцем белой казармы под красной черепичной крышей, когда я туда заселился. Мы оказались в одном взводе, спали в

одной комнате, которую привыкли называть по-морскому кубрик. Ходили вместе в наряды, и наше общение началось на фоне трудностей и переживаний. Мы говорили о Москве, о музыке, о книгах. И это разговоры помогали достойно переносить тяготы и трудности новой для нас жизни. Надо отметить, что в нашем первом взводе учебной роты собралась неплохая компания. Игорь Малашин, Андрей Костин, Коля Зорин – ЗОР, Костя Кисель – интересный, умеющий быть совершенно незаметным. Когда, после «учебки», он стал служить электромонтером в компании вольнонаемных, мы видели его очень редко. Вынырнет Костя из-за казармы, и вдруг уже опять скрылся. Филон – Филоненко, Шмалько, Коля Попов, в гражданской жизни директор сельской школы, самый старший из нас, который часто выручал меня и других ребят мудрым словом и добрым делом. Подольские ребята – Миша Рыжков и Алексей Гастев. Боборыкин, часто нарывавшийся на драку с жутким поваром – молдаваном. Этот повар крайне жестоко обходился с любым, кто что-то делал не так, как тому хотелось. Под руководством этого солдата мы, «слоны» занимались заготовкой овощей на территории свинарника. Там на свинарнике молдаванин мог дать волю своим рукам. Боборыкин, единственный кто не мог, молча принимать его оскорбления и побои. За это он был часто бит в присутствии нас, дрожащих от страха за себя. Боборыкин был настоящий мужик. Он меня здорово выручил, когда вступился за меня и фактически избавил от удовольствия быть избитым Кокоевым и компанией. Долгалев – Долгий, Андрей Вильшонков – Вилли, Анатолий Капустин, Стас Власов – Стас «осназ», Костя Любимов – Люба, Андрей Сергеев, Сергей Варнавский, Гена Мартиросов, написавший хорошую взводную песню, с которой мы наматывали круги по плацу во время вечерней поверки...

Эпизод 27

Когда человек оказывается в трудных для него обстоятельствах, проверяется его характер, приходит время вспомнить, что такое хорошо и что такое плохо! Горько вспоминать, как иногда проявлял слабость, не выдерживал испытания на прочность. Не хочется вспоминать так же и несправедливое отношение ко мне, оскорбления, душевную и физическую боль, которую мне причиняли другие, оказавшиеся со мной в тот отрезок времени в том месте. Бог нам всем судья. Хочется верить, что, пройдя каждый через свое испытание, мы научились жить по совести.

Из письма Ильи Молдавского:

«...какие имена: Дамир Ахатович Ямалатдинов, с лицом девочки и жестокостью садиста, Ташметов, жалостливый и добрый Олешко, близнецы Степановы, Петренко и Василенко, лейтенант Колоссовский, Джеймс, бедняга майор Эпшельман – какого быть евреем в полку?! Даргинец Мурат Ибрагимов, узбек Израил Артиков, армянин Гена Мартиросов – симпатичные ребята. А какие неприятные были Кокоев, Закаидзе, Мужумбаев и Курумбаев – где они сейчас. А Заза Кутателадзе был только нам с тобой относительно не страшен. Других он мокрым полотенцем за все про все по мордам стегал! Помню, конечно, Левана Блиядзе. Он меня запер в своем холодильнике, где свиные туши. И я ледяную кровь тряпочкой вытирал. Глаза у него были такие же свинцовые, как у мертвых свиней!»

Эпизод 28

С Андреем Костиным я познакомился в учебной роте. Андрюха – открытый, добрый парень и я нашел в нем хорошего друга в самый тяжелый период своей службы. А самым трудным временем для меня было привыкание к порядкам и нравам, которые царили в первой боевой роте, куда мы попали вместе с Андреем и другими ребятами осенью 1987 года. Помню, настроение было, как говорил персонаж Аркадия Райкина «мерзопакостное». Первое, что так поразило меня в казарме первой роты – страшный беспорядок. Беспорядок во всем. Я увидел грязный, черный паркет в кубриках, тусклое освещение и наглые, ухмыляющиеся лица старослужащих. Так началась наша служба в боевой роте. Нас разбросали по небольшим отделениям первой роты, и мы начали ходить на смену боевого дежурства и в многочисленные наряды.

Я вспоминаю один из нарядов по столовой. Вся часть была на учениях, и нам пришлось нести наряд через сутки. Мы были вымотаны, озлоблены на жизнь, друг на друга. И когда далеко за полночь этот наряд закончился, и мы сидели в мойке с тарелками нашей «награды» – жареным в кулинарном жире «картофаном», Андрюха Костин запел, а за ним и мы все затянули «Подмосковные вечера». Это было что-то. Это было «спасение рядового Райана», а может быть и покруче. И это не забудешь. Я уже писал о том, что мы много работали на немецких предприятиях, выполняли в основном черную и поэтому тяжелую работу. Сейчас я понимаю, что это было преступлением в отношении нас и в отношении Родины со стороны отцов-командиров. Вопиющим примером такого преступления была отправка наших ребят на работы по очистке печей для выплавки стекломассы на стекольном заводе. Мне

повезло, я не попал в состав команды. Андрей Костин, Иван Левшиц – Левый, Игорь Ломего – Лом и др. ребята уехали на работу на несколько недель. Я тяжело переживал отсутствие своего друга и ощущал себя несчастным и одиноким, но все, же мне было лучше, чем Андрею с товарищами там. После своего возвращения они рассказывали, как работали внутри остановленной печи, откалывали наросты стекла со стенок, используя кирки, грузили отколотое стекло и вывозили наружу. Внутри печки все еще было очень жарко, а стеклянная пыль забиралась в глаза и легкие.

Эпизод 29

Однажды, в самом начале службы в боевой роте, произошел забавный эпизод. Дело было поздней осенью. Туманная немецкая ночь окутывала спящие казармы и город вокруг. Смена караула лениво ползла по брусчатке гарнизона от «большого парка» к караулке. Впереди шел старший смены младший сержант Субботин, за ним стараясь идти в ногу, семенили сдавшие посты караульные Леха Гастев и Я. Когда мы проходили по территории понтонеров, то заметили движение за окнами одной из казарм. Все трое мы остановились и замерли, пытаясь разглядеть, что же происходило за окнами в столь поздний час. Наконец мы увидели человек семь или восемь фигур в белых кальсонах, выстроившихся на подоконнике с подушками в руках. Только тогда я понял смысл странной команды из армейского лексикона: строиться с подушками на подоконнике. То, что мы увидели туманной немецкой ночью, было одним из проявлений так называемой «дедовщины». В разных частях были разные традиции и свои особенности «воспитательной работы» с «молодняком».

Боевые роты комплектовались выпускниками учебной роты. После сдачи экзамена нам присваивалась ВУС – военно-учетная специальность, и мы отправлялись по разнарядке в ту или иную боевую роту. В части было шесть рот. Первая микрофонная, вторая – специалистов БП, третья рота – основная разведывательная большую часть времени проводившая «на Ремхильде» и четвертая рота – телеграфисты, пятая рота – рота обеспечения и шестая – учебная. Я попал в первую роту, как специалист радиоперехвата. Иногда боевые роты пополнялись молодыми из других «учебок». Этим «новеньким» приходилось в нашей части туго. Они не сразу привыкали к традициям, царящим у нас. Одним из таких пришлых был Сергей Волобуев. Он появился через пару дней после того, как я обосновался в первой микрофонной. У него уже были лычки на погонах, так как он окончил сержантскую школу. Первым

делом эти самые лычки у него были сорваны, и он был определен в отделение к младшему сержанту Богданову. Начались наши армейские будни. Запомнился первый инструктаж перед заступлением в караул. Я запнулся и не смог до конца ответить на вопрос, инструктировавшего нас начальника штаба полка п/п-ка Гусева. Как только мы вошли в казарму, Богданов неожиданно прямым ударом в лицо сбил меня с ног. «Понял, за что?» спокойно спросил он. «Понял?» утирая кровь, так же спокойно ответил Я. Первые дни, недели и месяцы в первой роте превратились для нас в настоящее испытание. Боевое дежурство по схеме «шесть через шесть», наряды, караулы, а в редкое свободное время бесконечное шкрябание бесконечных паркетных половиц, чистка туалетов, натирка «машкой» коридора «до блеска» и перед самым подъемом настоящее издевательство – повторение устава перед храпящим сержантом и подготовка к утреннему осмотру. Скажу совершенно честно эти полгода «слоновьей» жизни в первой боевой роте я, как и мои товарищи по периоду, спал не больше трех часов в сутки. Мы ходили как приведения, с кругами под глазами, со следами синяков на груди, вечно голодные и совершенно равнодушные к окружающей нас жизни. Вот в такую обстановку попал Сережа Волобуев. Он никак не мог привыкнуть к нашему «распорядку», и буквально таял на глазах. Кроме всего прочего его начали дразнить. Фамилия Волобуев легко переименовывалась в унизительное оскорбление. Ему было очень тяжело в этот период, но и нам тоже, правда, мы были в более выгодном положении, так как прошли хорошую подготовку в шестой учебной роте. Каждый сносил оскорбления и побои в одиночку, мы были разобщены и объединялись не для восстания, а лишь для радостных моментов, когда удавалось поесть сверх скудной нормы. Раз в месяц нам выдавали сахар и папиросы. Причем в первые месяцы даже некурящим выдавали папиросы, а сахар удерживал старшина. Старшина Жучков посмотрел на меня невозмутимо и спросил: «Куришь?». «Нет» честно ответил Я. «Значит теперь – куришь». И вместо сахара сунул мне несколько пачек папирос «Дымок». Правда, через пару месяцев некурящим все-таки начали выдавать сахар. Я помню, что съедал свою пачку жесткого кускового сахара буквально за несколько минут. Вспоминаю, как усевшись в курилке, я смаковал каждый сладкий кусочек.

В очередной, привычный уже, караул мы уходили под командованием лейтенанта Кадаша и старшего смены младшего сержанта Богданова. В составе караула был Сергей Волобуев, который был в очень подавленном состоянии, из-за непрекращающихся пошлостей в свой адрес. Метнуть в Волобуева оскорбительную шутку успел и смешливый Кадаш. Когда Сергей охранял большой парк, за его стенами кто-то огра-

бил продовольственный магазин. Немецкий магазин притулился почти вплотную к кирпичной стене нашего автопарка. Там сработала сигнализация, и ее дикий рев оглушил просыпающийся гарнизон. Волобуеву в связи с этим ограблением досталась новая порция оскорблений. «Да как же Ты не слышал, как грабили? Небось, вола еб...л? А Волоеб...в?» подначивал давящийся со смеха Кадаш. Оскорбления и подзатыльники сыпались на рядового Волобуева со всех сторон. В пору было зареветь. Он и заревел, что вызвало еще более мощную волну издевательств. Тогда в караулке Сергей произнес страшное: «Я повешусь». «Ты что с ума сошел, такие вещи говоришь. Фигня все это, забудь» – говорили ему мы.

В связи с этим ограблением магазина меня поставили охранять место преступления до приезда криминалистов, и я с важным видом, направив дуло АК в сторону прохожих и зевак, представлял себя таким Шараповым. Вскоре приехали немецкие сыщики в сопровождении нескольких полицейских. На меня произвели впечатление эти два господина в фетровых шляпах и осенних пальто. Точь-в-точь Шерлок Холмс и доктор Ватсон. А потом мы с автоматами наперевес прочесывали несколько близлежащих городских кварталов. Мы заглядывали в мусорные баки, шарили в подъездах и выглядели, наверное, угрожающе. Через пару дней все эти волнения улеглись. Про Волобуева забыли. Преступника ограбившего магазин нашли. Им оказался наш вольнонаемный рабочий сантехник. И вдруг перед самым отбоем поступает приказ: «Первой роте строиться перед штабом». Как назло, все офицеры роты находились в нарядах и на боевом дежурстве. Роту повел младший сержант Богданов. Мы выстроились перед крыльцом штаба. Богданов отправился на доклад дежурному по части. Через несколько минут в дверях появляется бледный Бодя с оторванными погонами в руке. Он, стараясь не смотреть в глаза товарищам, становится в строй. Всем ясно, что спектакль еще не окончен, и мы безмолвно замерли в ожидании продолжения, которое не заставило долго ждать. Кряхтя и переваливаясь с ноги на ногу, как боцман на шаткой палубе, на крыльцо вышел командир Косолапов. «Папа» молча, оглядел строй и, прорывав единственное слово «кончу», так же переваливаясь и кряхтя, исчез в дверном проеме. Наверное, мы простояли в немом оцепенении не больше минуты, но мне показалось целую вечность. Вдруг кто-то раздраженно спросил «Долго стоять то будем?». «В роту» – командовал разжалованный Богданов, и мы застучали набойками по брусчатке.

Так зачем командир приказал первой роте вместо отбоя построиться перед штабом, и почему были сорваны погоны у командира отделения Богданова? Мы об этом узнали от самого бывшего сержанта. Оказывается Волобуев, доведенный до попытки самоубийства и до полного

падения духа, написал письмо в родную часть, в ту самую «учебку» из которой его к нам и прикомандировали. В письме он слезно просил забрать его отсюда, рассказал о царящих у нас «традициях» и полном равнодушии к положению солдат со стороны командиров. Все, что он написал, правда. Как, правда и то, что письмо это легло прямо на стол командиру нашей части и со стола этого полетело прямо в мусорное ведро. Как отреагировал Косолапов на письмо, мы уже знаем. Богданов разжалован, на самом деле только внешне. Волобуев взят под особый контроль. Рота попала на некоторое время в немилость. И главное заключается в том, что весь гнев командира был направлен не на то, чтобы разобраться в ситуации и попытаться начать борьбу за человеческое достоинство и человечность, а на то, что возникла реальная угроза выхода за пределы части внутренних, как считал командир, проблем. В итоге, Волобуева стали «чморить» еще больше, а Богданов приобрел статус мученика. Думаю рано или поздно Сергей Волобуев ступил бы на путь Андрея Сакова, если бы в части не нашелся его земляк, прапорщик Охрицкий. Охрицкий командовал тепличным хозяйством и взял к себе Сергея. До конца службы Волобуев «просидел» в теплицах, занятый выращиванием к солдатскому столу овощей.

Эпизод 30

Настоящие «старики» ребята четвертого периода особенно нас молодых не донимали. Я не могу припомнить ни одного случая так называемой «дедовщины» или проявления неуставных отношений с участием этих ребят. Один из наших «дедушек» – Разумняк, серьезный парень, грамотный специалист. Я запомнил его, потому что он был самым ярким из бойцов этого периода – высокого роста, крепкого телосложения. Вскоре они уволились, и мы остались на попечении бывших «слонов», бойцов, которые были старше нас всего на один период. Вот тут начались наши мучения. Ночные подъемы. Знаменитая команда «С тылу». Отжимания от пола. В качестве профилактики «нашей послушности» применялись не только перечисленные выше меры, но и удары в грудь, которые якобы не заметны при осмотрах. Например, у особо своевольных и независимых «слонов» грудь в районе солнечного сплетения бала действительно солнечного цвета – желтая от многочисленных ударов в одно и то же место. Особенно отличались в нашем воспитании такие поборники мерзких традиций, как Ряполов и Субботин. Но, недолго продолжалось наше терпение и наша лояльность к нравам «каменного века». Однажды мы сказали: «Хватит» и сказали хором, во многом благодаря таким бойцам как Андрей Костин, Игорь Малашин, Костя Лю-

бимов и др. Наконец пришло время оттепели в наших отношениях со старшим периодом. Они перешли на четвертый, а мы перешли на третий период и стали «фазанами». И как говорили знатоки неуставного фольклора: «Фазан птица вольная...». После своеобразного обряда перевода, нам разрешалось расстегнуть крючок, до этого момента сильно стягивающий воротничок на шее, ослабить ремень и вообще выглядеть свободным. Обряд перевода, представляя собой интересное зрелище. Кандидат в «фазаны» из числа бывших «слонов» заходил в каптерку (в нашем случае – в каптерку помощника старшины сержанта Кости Кистенюка), где его поджидали «хранители традиций». Боец ложился на табуреты, составленные вместе, и получал некоторое количество ударов ремнем по заднему месту. В других частях это процедура проводилась жестко, а у нас носила чисто символический характер. Затем место приложения ударов опрыскивалось одеколоном, бойцу подавали кружку с водкой и зажженную сигарету. Я не избежал этой глупой церемонии и, выйдя из подвала «фазаном» действительно почувствовал себя свободным.

Эпизод 31

Как нас встретили в боевой роте, я уже рассказал выше. Хотелось бы назвать имена интересных ребят и солдат и офицеров, которые на тот момент населяли эту маленькую планету – первая рота. Или как говорили в полку – первая микрофонная или чаще говорили первая блатная. Почему, я расскажу немного ниже. А сейчас – имена: капитан Хайрулин, старший л-т Букин, старший л-т Кадаш, старший л-т Семененко, л-т Романча и конечно старшина – прапорщик Жучков. О Жучкове надо сказать особо. Мы с ним сдружились на почве увлечения музыкой. Я частенько выходил с ним в город в магазин грампластинок, и потом мы подолгу обсуждали покупки. Музыка вообще удивительным образом сближала подчас совершенно разных людей. Например, о музыке можно было говорить с Хайрулиным. Музыка подружила меня и с Кадашом и конечно именно музыка была общей для нас с Мишкой Целоусовым. Как он исполнял песни Гребенщикова или Цоя под гитару. В полумраке каптерки, окутанный сигаретным дымом он пел «Электрический пес» или «Алюминиевые огурцы на брезентовом поле» и мы, слушатели, пьянели без вина от ожидания свободы, дембеля, девушек и всего того, что мы видели в своих солдатских снах о свободе. Кроме офицеров нашей роты, мы по долгу службы общались почти со всеми офицерами части. Среди них хотел бы назвать старшего л-та Янке. Подтянутый, в шитой фуре, он частенько ходил с нами начальником

смены на Приемный центр. Мы любили его за справедливое к нам отношение, и еще он был почти что наш «свой в доску» – двухгодичник после военной кафедры. С ним можно было поговорить «за жизнь» и держаться более непринужденно.

Я уже говорил, что много рисовал, как правило, по ночам, запершись в своей каптерке. Помню – заваривал в кружке чай, пара кусочков сахара вприкуску. Расставлял открытые банки с латексной краской, которую мы называли просто: латекс. Раскладывал кисти и начинал рисовать, погружаясь в свой мир, забывая об армии и о времени. Потом уже далеко за полночь, даже ближе к подъему, выходил из каптерки и отправлялся наверх мыть кисти в умывальной, наполненной радостью от творчества и важностью от прикосновения к тайне, известной только мне одному. Так мне тогда казалось!

Многие мои сослуживцы просили меня нарисовать что-нибудь для них. Чаще всего обращались с просьбой написать «дембельские корки», то есть оформить обложку «дембельского альбома». «Дембельский альбом» это альбом с фотографиями, шутками и памятными подписями, который каждый солдат мечтал увезти домой. Да и не только солдаты, но и некоторые офицеры занимались подготовкой такого альбома. А я рисовал для всех, кто просил об этом эти самые корки. Один из заказчиков – Юра Кирпиков. Кирпиков был сержантом и командиром моего отделения, на период старше меня. Юра собирался в отпуск и мечтал привезти на Родину в Харьков альбом с фотографиями. Я постарался нарисовать так хорошо, как умел. Кажется, я угодил и Кирпикову и его семье, так как из отпуска он привез мне батон сыровяленой домашней колбасы, которую я, каюсь, не поделившись с голодными друзьями, съел за один присест. С Юрой Кирпиковым был еще один забавный эпизод. Начну немного издалека. Когда после «учебки», я оказался в боевой роте, мне пришлось очень туго от той атмосферы, в которую я попал. Я был буквально один – Илья Молдавский был во второй роте, Андрея Костина поставили в другую, не мою, смену и хоть мы с Андреем и оказались в одной боевой роте, но в разных сменах, а значит, почти не виделись. С Ильей сталкивался только изредка, и нам не удавалось толком поболтать. Конечно, эти проблемы возникли из-за отсутствия опыта жизни в боевой роте. Со временем, я научился находить лазейки в расписании нарядов и дежурств и как-то общаться со старыми друзьями. Но был начальный период одиночества. Именно в этот момент у меня завязались отношения с Толей Капустиным и по началу на фоне общей тяжелой обстановки эта дружба явилась как бы спасательным кругом. Больше ни на чем, кроме безысходности наша дружба не держалась, а значит, вскоре исчезла совсем. И дружба пере-

росла во взаимную неприязнь. В один момент накалившиеся отношения привели к драке. Это было в пасмурные дни немецкой зимы 1988 года. И до самого «дембеля» мы с Капустиным жили в роте как кошка с собакой, правда, драк уже не было. Надо признаться, что при расставании, перед лицом неизбежного прощания навсегда, Толик Капустин повел себя вполне прилично. Он подошел ко мне, пожал руку, и мы даже обнялись и прижались щеками по полковой традиции и как бы примирились друг с другом. Но я хочу рассказать о драке. Так вот мы с Капустиным подрались, и на моем лице в районе глаза образовался синяк, который скрыть было невозможно. Конечно, синяк был замечен начальством и нас, драчунов, посадили в караулку. Мы просидели в караулке почти всю ночь и под утро нас выводят на плац. На плацу нас дожидался командир полка, в совершенно пьяном состоянии. Когда мы оказались перед Косолаповым, он достал пистолет и, размахивая им, стал кричать, что имеет полное право пристрелить нас за не выполнение устава и подрыв боевой подготовки. Мы были сильно напуганы и страшно удивлены таким поворотом нашего «маленького» дела. Но командир продолжал рычать: «кончу» и мы продолжали трястись как колоски на ветру. На плац привели Кирпикова, как-никак он наш командир отделения. Юру было по-настоящему жалко. «Папа» немедленно разжаловал его и заставил читать вслух строевой устав. Нас уже отпустили в роту, а Юра Кирпиков еще стоял на плацу и громко читал устав. Все это действительно было. Спит еще немецкий город, медленно поднимается солнце и начинают светлеть черепичные скаты крыш, а в центре плаца, окруженного городом, стоит русский сержант и громко, чтоб слышал натовский боец за близкой границей, читает Строевой Устав.

Эпизод 32

Костя Любимов, умный и своенравный парень из Ростова-на-Дону. О таких говорят – «себе на уме». Костя походил на кота, который жил по своим законам, ходил куда хотел и когда хотел. Он бегал в самоволку, переодевшись в спортивный костюм, попить пивка в «гаштете». В ГДР для советских солдат были отменены увольнительные и появление солдата без сопровождающего офицера или прапорщика расценивалось, как самовольное оставление части, а значит как дезертирство. Понятно, что самовольное оставление развед. полка еще более тяжкое преступление. А Костя Любимов делал это периодически, да еще соблазнил на это Леху Гастева. Так они и гуляли вдвоем по городу. Иногда их останавливал патруль. Им удавалось убедить патрульных

в том, что они офицеры. Фантастика. А в полку начались, чуть ли ни ежедневные проверки наличия личного состава. Дежурному по роте приходилось с большим трудом скрывать недостачу бойцов. Собравшись в каптерке, сержанты постановили – прекратить «Любимовские» прогулки. К чести Константина он принял наше решение и самоволки прекратились. Вообще Костя Любимов в армии был как у себя дома: у него были земляки по всему гарнизону, он частенько жевал домашнюю чесночную колбаску, которую ему передавали из дома, и которой он нас угощал. Казалось, он никогда не унывал, всегда находясь в хорошем расположении духа.

Эпизод 33

Лейтенант Кадаш, ходил всегда по стенке – видел ужасно плохо. Удивительно сколько намешано бывает в человеке и хорошего и не очень. Общаешься с таким вот, как Кадаш офицером и подобно скорлупе разлетается его напыщенность, мундир и перед тобой нормальный человек. А иногда смотришь на него и думаешь, с ним ли ты вот только что так душевно беседовал. Вообще Армия наша уже в то время страшно деградировала. Сколько офицеров было горькими пьяницами, сколько их страдало и мучилось от ничего неделания. Страшно. А ведь это были молодые, в общем-то, люди.

Кадаш частенько заглядывал ко мне в каптерку на чаек. Я даже дома (в ДОСах) у него был, помогал печатать фотографии. Ленивый он был жуткий. Помню такой эпизод. Я стоял в наряде дежурным по роте. Кадаш – начальник смены боевого дежурства. Приводит он ночью смену и говорит мне – «Запри меня до следующей смены в каптерке, спать охота. Только не забудь разбудить, а то скандал будет». Я его, конечно, запер и конечно про него забыл. Вспомнил только утром, когда бойцов на утренний развод собирал. У меня прямо пот холодный на лбу выступил. Спускаюсь в подвал. Отпираю. Спит как сурок. Разбудил его. Он взъерошенный, очки набок, шинель мятая как рванет задами на ПЦ. Самое главное его отсутствие никто не заметил и он на меня не обиделся. Смеялись потом по этому поводу долго. Беседовать с ним было интересно. Хотя иногда он меня удивлял странными своими поступками. Да мало ли я странных, а скорее глупых поступков совершил в возрасте того же Кадаша. Даже стыдно вспомнить.

Вот еще история с участием лейтенанта Кадаша. Как-то Кадаш получил от ротного Рудакова задание – оформить класс боевой подготовки. Что это значило? А вот, что. Необходимо было написать несколько больших плакатов с текстами и схемами и прикрепить их на стенах

класса. Все это не так страшно, если бы не срок, который определил командир роты для выполнения задания. Готовый, оформленный класс надо было представить к утреннему разводу на следующий день. И ротный, в данном случае, не виноват – таково было указание сверху. Вы же знаете как руководство, будь то гражданское или военное, любит поставить подчиненных в трудные условия. Ведь их потом легче будет укорить в непрофессионализме. Для того чтобы решить вопрос, Кадаш оставил меня и Мишу Целоусова после ужина в классе. Он выдал нам все необходимое для работы над текстами, а сам занялся схемами радиоприемников. Сначала работа шла легко, но после отбоя, когда физически и психологически хочется спать, стало не выносимо трудно. Кроме того, мы с Мишкой сменились в этот день с наряда и были страшно усталыми. Кадаш склонился над столом и водил карандашом по линейке. Мишка выводил плакатным пером инструкцию по работе с аппаратурой. Я тоже писал плакатным пером какой-то текст. Время от времени, лейтенант поднимал глаза от схемы, и если заставлял нас спать над своими текстами, начинал кричать: «Какие же вы слабовольные, не можете бороться со сном». Так продолжалось некоторое время. Я помню, что уже не различал строчки перед глазами и начинал допускать ошибки. Мне уже начинал сниться сон, который изредка прерывал Кадаш своим криком. Время неумолимо двигалось к утру. В районе трех часов, Кадаш начал рассказывать нам, каким образом он выработал в себе сильную волю и научился не спать столько, сколько ему нужно. Мы заслушались его рассказом и как-то освоились с желанием спать. Не заметили мы момент, когда голос Кадаша умолк. Мишка и я, работали до самого утра, не отвлекаясь ни на минуту. Когда работа подходила к концу, мы слышали слабое похрапывание. Спал Кадаш, упав лицом на незаконченный им чертеж. Итогом этого ночного задания была страшная усталость от бессонной ночи – для нас, и ругательства от ротного – для лейтенанта Кадаша. Так и вижу его с включенными волосами в очках, съехавших набок, стоящего перед Рудаковым.

Одно из любимых выражений Кадаша: «Цигиль, цигель, а то кальтербрунер». (из обращения к караульному во время смены караула)

Эпизод 34

С Мишкой Целоусовым я познакомился при следующих обстоятельствах. Замполит роты старший лейтенант Семененко назначил меня своим помощником и передал мне ключи от своей каптерки. Каптерка это мечта каждого солдата. Это отдельное помещение, где можно

прятаться от «тягот и лишений воинской службы». Каптерка замполита была наполнена красками, кистями, журналами и книгами, агитационного содержания. Еще там был рабочий стол и кресло. Сам замполит появлялся в каптерке крайне редко, таким образом я становился владельцем этого укромного места и мой рейтинг, как говорят сегодня, сильно возрос. Но была одна проблема, которую взвалил на меня Семененко. Бывшим помощником и хозяином каптерки был младший сержант Целоусов, который совсем не хотел терять законную, по его мнению, площадь. Семененко, отдавая мне, ключи на длинном кожаном шнурке, произнес: «Это теперь твои ключи от моей каптерки и никого в нее не пускать, особенно Целоусова». Замполит недолюбливал Мишку за взрывной характер и несговорчивость. А я был спокойным и с удовольствием выполнял задания Семененко – писал «боевые листки», рисовал плакаты, писал плакатным пером лозунги и т.п. Я его устраивал больше, чем Мишка. «Но как быть с Целоусовым» – подумал Семененко. «Сами разберутся» – решил он. И мы разобрались сами. Началась наша с Мишкой дружба с ругани. Некоторое время я видеть не мог его, а он меня. У Мишки в каптерке были накопления в виде книг, каких-то вещей на «дембель», причем не только его личные, но и других ребят. Как я мог выставить его. Да никак. Я, конечно, пускал его в каптерку, к негоднованию замполита. Но «Сэм» – мягкий человек и скоро стал закрывать на это глаза. Однажды Мишка был в наряде дежурным по роте, сидел в каптерке и, коротая ночь, читал. Я тоже не спал, но по другой причине. Как обычно, необходимо было что-то срочно нарисовать. Сначала мы молчали, и каждый занимался своим делом, но затем незаметно разговорились. Говорили о Питере, о Москве, о БГ и проговорили всю ночь. С тех пор, мы дружили и теперь частенько засиживались за разговорами за полночь. Я благодарен Богу, что познакомился и подружился с Мишей Целоусовым, питерским «до мозга костей». Он научил меня хорошо писать плакатным пером и другим хитростям оформительского дела. В нашей каптерке мы устроили настоящий «Арт. салон». Мишка отлично пел под гитару песни Цоя и БГ, но пел по-своему, по-особому. Именно благодаря Мишке я полюбил Питер и Питерскую культуру, БГ, Виктора Цоя, Довлатова.

Мишка Целоусов уволился на полгода раньше меня. Мы переписывались. Уже на гражданке, я несколько раз был у него в гостях, сначала в Колпино, потом в Пушкино (Детское село). Познакомился с его замечательной семьей. Сейчас Михаил Целоусов работает в питерской милиции.

Мне повезло. Я встретил замечательных людей в Армии, которые помогли мне остаться собой. Не перестать думать о волшебных остро-

вах и нежных девушках, не перестать слышать музыку и жадно впитывать окружающий мир.

Заза говорил: – «От работы кони дохнут, а трактора ломаются».

Эпизод 35

Как-то еще на первом году службы наш замполит взял меня с собой в город. Это был солнечный весенний день. Мы направлялись в магазин хозяйственных принадлежностей и разного рода предметов для ремонта. Надо было купить краски для написания плакатов, боевых листов и т.п. Надо признаться Семененко давал мне полную свободу выбора в магазине, и я даже сам расплачивался в кассе. Но самое главное это возможность почти свободно ходить по городу, где меня окружали «живые» люди. Мое внимание привлекла немецкая семья и особенно девочка лет 13-15 очень симпатичная. Она посмотрела на меня, и я сразу влюбился – так мне хотелось думать тогда. Увидев мое смущение, она улыбнулась, подбежала и на плохом русском сказала: здравствуйте. Вот это было впечатление, которое долго не давало мне покоя и мысли (хорошие, добрые мысли) грели меня долгими часами стояния в карауле в большом парке, особенно ночью, когда так одиноко на душе и так притягивает теплым светом окружающий парк город.

«Вот так мы и живем в Болгарии» – как говаривал наш незабвенный замполит Семененко.

Однажды замполит Семененко попросил меня о помощи в одном деле. А дело состояло вот в чем: рядовой Криванчик и рядовой Левшиц занимались довольно сомнительным «бизнесом» по обеспечению офицеров полка немецкими моющимися обоями, которые они таскали через дырку в заборе с завода. Обеспечивали, конечно, за деньги. Бизнес процветал. Офицеры, купив дефицитных в Союзе обоев, заполняли контейнеры доверху и мечтали заработать на разнице в цене по прибытию в СССР. Не обошла эта мечта и секретаря партийной ячейки первой роты Семененко. А я был нужен в качестве грузчика, ведь одному «Сэму» не дотащить из «парка» целый кузов обоев. Встреча назначена в малом парке в темное время суток. Когда я пришел замполит, уже перегружал ценный груз из кузова автомашины на кусок брезента. Получилась довольно внушительных размеров гора обоев. Взявшись за разные концы брезента, мы потащили обои через пролом в ограде к ДОСам. Идти надо было очень осторожно, «Сэм» боялся нарваться на ненужных свидетелей из числа соседей. Завидев на балконе хозяйку, развешивающую белье, он падал и начинал ползти как лазутчик, с

упорством продвигая свой груз все ближе к дому. Всю дорогу замполит требовал от меня полной тишины и соблюдения конспирации. Представляете эту картину – парторг и комсорг крадутся с украденным добром мелкими перебежками. И смешно и стыдно. Наконец мы втащили рулоны в комнату, и мне открылась совершенно потрясающая мизансцена. Вся комната почти наполовину высоты была завалена обоями, которые собирались уже не один день. На вершине этой обойной горы восседала жена замполита и подгребала добро под себя. Удивительна человеческая природа.

Эпизод 36

Помнишь немецкое Рождество – иней какой-то сказочный, воздух волшебный, гномики и огоньки в окнах. А мы едем рано утром по сверкающей инеем дороге на работу, куда-нибудь на буроугольный комбинат или еще, куда и не можем оторваться от убегающего Рождественского пейзажа за окном автобуса. И это незабываемо. А новый год в роте или на боевом дежурстве. Торт и знаменитый TRINK FiX – напиток растворимый с какао. А выпечка!!! А кефир, который не забыть. Я до армии кефир и молоко никогда не пил. А в армии немецкий кефирчик был самым любимым моим напитком. А какой был культ арахиса и желатина.

Это был второй мой Новый год в Армии. 1989 год. Первый Новый год тоже запомнился, но второй запомнился особенно. Первая рота стала для меня и моих товарищей большой, ну почти дружной семьей. Часть стала большим общим домом, как огромная коммуналка, где знаком каждый уголок, где все знают тебя, и всех знаешь ты. Накануне праздника, я решил нарисовать большой новогодний плакат. Я начал работу и вдруг меня осенило: а что, если предложить всем, у кого есть желание, принять участие в рисовании. Что бы вы подумали, в роте не осталось почти ни одного бойца, кто бы ни решился взять в руки кисти и краски. Мы вместе, с шумными обсуждениями и смехом, приступили к работе. Кто-то уходил в наряд или на смену, с наряда или смены приходили другие и работа закипела. У нас получился удивительный плакат, с которого смотрел на наши перепачканные краской и веселые лица огромный удивительно добрый Дед Мороз. Дед Мороз был, как будто сшит из разноцветных лоскутков, в каждом из которых проявился внутренний мир, написавших эти лоскутки «художников». Такого трогательного приобщения к творчеству разных, иногда совсем не творческих людей я никогда потом не видел. Мы укрепили на стене плакат, разложили по тарелкам сладости и ровно в двенадцать часов

подняли полные кружки с «тринк фиксом», чтобы встретить последний для нас армейский год.

Эпизод 37

Был у меня товарищ, делопроизводитель, чертежник, рядовой четвертой роты Андрей Саков. Андрей Саков покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в рот из автомата. Что толкнуло его на такой крайний шаг. Издевательства офицеров роты, самодурство командира полка и начальника штаба, в чьем непосредственном подчинении служил Саков, равнодушие товарищей по роте. После самоубийства его объявили ненормальным, умалишенным. Возможно, Андрей был, слаб духом, не сумел справиться с положением, в которое попал. Но кто создал для него невыносимые нечеловеческие условия. Кто издевался над ним и мучил его слабую душу. Кто сейчас спит спокойно, забыв про Андрея Сакова?

Я помню, как вдруг стало тихо, очень тихо. Выстрел. Короткий. Резкий. В ушах зазвенело так, словно разбилось сотни зеркал. Все побежали. Куда? В большой парк. Там все остановились и попятись, стараясь не наступать на кровь, которая растекалась и растекалась. Как много красной, огненно красной крови и пронзительно белые кусочки черепа, не тонущие в море крови. Зачем? Неужели это так просто? Взять и нажать на курок. Зачем?

Эпизод 38

Чему меня научила армия. Разным вещам. Например, я стал терпимее к людям, научился понимать, что все мы разные. И самое главное научился оставаться самим собой в окружении самых разных людей в самых разных обстоятельствах. Навсегда запомнил слова старшины учебной роты Фрола Ивановича: «Если сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится!» Золотые слова. А еще я научился таскать хлеб. Я делал это мастерски в паре с товарищем, который отвлекал хлеборежа. Я проникал в хлебoreзку и быстро засовывал две или три буханки серого солдатского хлеба в сумку для противогаза. Для того чтобы полностью удовлетворить наши потребности в провианте приходилось совершать как минимум две вылазки в день. Мы ни разу не были пойманы, на наше счастье. Зачем мы таскали хлеб? Все очень просто. Это было тогда, когда мы были «слонами» и нам вечно хотелось есть. Непривычные для наших организмов нагрузки, частые ночные дежурства и психологический дискомфорт истощали наши тела.

Чувство голода было постоянным. Особенно это чувство давало себя знать на учениях, где поесть, толком не удавалось. Поэтому подготовка к длительным переездам во время учений была тщательная и касалась в основном продовольственного обеспечения. Для солдат младшего периода единственным местом, где можно было питаться, была столовая. Но в столовой есть было не возможно, после того как я увидел полчища тараканов, гуляющих по готовым обедам. О мышах нечего и говорить. Мыши примелькались и казались обязательной составляющей хлебозерезки и продуктовых складов. Рацион был скуден и включал в себя пустой суп, овощное рагу, каша-сечка и по вечерам жареная рыба. Рыба была сильносоленой и ее предварительно отмачивали в ванне с водой, и только потом жарили. Есть такую рыбу было невозможно. Все жарилось на кулинарном жире, о «пользе» которого я умолчу. Теоретически в супе должно было быть мясо, но его доставали и отправляли на другой стол. Лишь по воскресениям в рацион вводились варенные яйца и рисовая каша. Везло тем, кто оказывался в санчасти. Там кормили исключительно из офицерской столовой. Таким образом, больных можно было особенно не лечить, они выздоравливали сами, поправляясь за счет усиленного офицерского питания. А это картофельное пюре на молоке, белый хлеб, компот из свежих ягод, мясной суп и т.п.

Когда мы стали «фазанами» и у нас стали водиться немецкие марки в карманах, мы стали чаще посещать чайную, где можно было заказать огромные вкусные сосиски с кетчупом и булочки с конфитюром. Андрей Вильшонков, немного мрачный боец нашей роты основал «кофейный клуб». По его предложению мы (я, Андрей Костин и конечно сам Вилли) скинулись и купили банку хорошего растворимого кофе, которую оставили на хранение в чайной. Периодически, когда мы могли собраться втроем, как правило, вечером, мы приходили в наш «клуб» и «чапошница» подавала нам кофе. Мы ощущали себя такими аристократами в походной обстановке. Это было забавно.

Эпизод 39

В один из многочисленных нарядов по столовой, когда мы в пропитанных жиром «хэбэшках» снова по кухне туда-сюда, выполняя разную работу, или в жутком горчичном чаду работали в мойке, произошел этот совсем не забавный случай. Сначала, я поясню, почему чад на мойке горчичный. Дело в том, что для мытья посуды наполнялись две ванны горячей воды. В первую ванну, где собственно и отмывались миски, кружки, вилки и ложки, добавлялся порошок горчицы. Горчицу в килограммовых бумажных пачках, нам выдавал

дежурный по столовой. А во второй ванне происходило ополаскивание вымытой посуды. Вот такая нехитрая технология. Вначале этой цепочки был еще боец с железными нервами, который принимал грязную посуду через проем в стене, отделяющий мойку от обеденного зала и сбрасывал объедки в огромный чан. Этот чан, полный до краев жирной, густой и вонючей мешаниной мы периодически выносили на двор и переливали в емкость для полковых свиней. Так вот, в один из таких нарядов, повар, кажется это был, литовец Гинтарас, схватил меня, спешащего по кухонным делам, за рукав и приказал взять на раздаче приготовленный поднос с едой и отнести в комнату позади варочного цеха. Я знал, что в этой комнате обедали «блатные», но не знал, кто именно. Я взял поднос с тарелками, заполненными мясом и картошкой, и пошел к «блатной» комнате. Отворив дверь, я увидел жутко противные рожи, сидящих вокруг стола «дедов». Одним из них оказался известный Вам Леван. Леван посмотрел на меня и на содержимое тарелок. Видимо ему не понравилось то, что я принес, и он с заметным грузинским акцентом сказал: «Отнеси это обратно и скажи литовцу, чтобы сделал все, как надо». «Понял? Давай, бегом, бегом» – добавил он, увидев мою растерянность. Не знаю, что на меня нашло, но я бросил поднос на стол и процедил сквозь зубы: «Да пошел, Ты». Когда я метнулся к двери, я успел заметить, как побелел от ярости Биадзе, а его поделньники повыскакивали с мест. Вот тут я понял, что надо бежать. Я бежал через варочное отделение, шарахаясь от бурлящих кастрюль, поскальзываясь на скользкой от жира плитке пола, и молил о том, чтобы задняя дверь с кухни была открыта. Через несколько секунд я буквально влетел в решетку запертой двери. Я повернулся навстречу ухмыляющемуся Левану в тот момент, когда он занес свой огромный кулак для удара.

Эпизод 40

Все знают выражение «сто дней до приказа». Юрий Поляков даже написал одноименную повесть, которая была запрещена в ГСВГ, как разлагающая и т.п. А запрет был связан с тем, что в своей повести Поляков показал, как смог по тому времени, ужасы «неуставных отношений» происходящие как раз в ГСВГ. Мне удалось достать номер журнала «Юность» с повестью Полякова «Сто дней до приказа». И мы прочитали повесть всей ротой, не найдя там ничего нового и удивительного для нас. Все, о чем повествовал Поляков – правда, которая в реальной действительности, в конкретной нашей жизни была более ужасающая. Я не буду рассказывать о «ужасах» происходивших в нашем полку, пото-

му что, предполагаю, в других полках могло быть и хуже. Все люди разные. Один сильный телом, но слабый духом. Другой наоборот, а третий просто раскисает, попав в сложную ситуацию. Один молча, как «стойк» снесет удар и философски отстранится от губительных обстоятельств, продолжая жить дальше. А другой не может вынести бранного слова. Замыкается, и сходит с ума от безысходности. Поэтому трудно сказать, что и где было ужаснее, чем в нашем полку. У каждого человека свой страх, свое определение ужаса. Для того, чтобы создать товарищеские, боевые взаимоотношения в подразделении, исключающие издевательства и оскорбления достоинства и нужны отцы-командиры.

Эпизод 41

Запомнился эпизод, как мы утащили у старшины Жучкова мешок с картошкой. Жучков был ответственным по столовой и вечером после отбоя приготовил на вынос мешок с картошкой. Мы, находящиеся на смене, случайно увидели, как он выставил за дверь мешок, а сам ушел, чтобы отдать последние распоряжения по кухне. Недолго думая, мы совершили вылазку из приемного центра и похитили мешок с ценным грузом. Жучков так и не узнал, кто же стащил у него из под носа картошку. А мы в течение недели ели трофейный «картофан». Чего только мы не вытворяли. И бегали с боевого дежурства посмотреть кино в роту, бросив оружие на смене. И слушали музыку, вместо того, чтобы вести разведку. Конечно, ведь мы были еще, по сути, детьми, да и несерьезное отношение офицеров к своей работе, их откровенная халатность и пьянство было для нас плохим примером. Редким исключением были офицеры специалисты с командного пункта приемного центра полка. Это были грамотные инженеры, радиоразведчики. Например, капитан Игнатычев, майор Перепелица, п/п-к Смирнов, майор Лукин. Игнатычев, как зам. начальника ПЦ встречал почти каждую смену боевого дежурства. Мы поднимались на второй этаж и выстраивались в коридоре, чтобы выслушать напутственную речь капитана Игнатычева, как всегда остроумную и обязательно с шуткой. Спустя двадцать лет после армии у нас с Сергеем Игнатычевым завязалась переписка. Однажды мы встретились с ним в Сиднее, Австралия, где теперь живет и работает настоящий русский офицер Сергей Игнатычев. Как это обычно для нашей страны, когда лучшие представители Родины, оказываются востребованы на чужбине, а не на родной земле. Еще хотелось бы привести здесь имена достойных ребят, молодых офицеров, которые хочется верить, стали действительно цветом нашей армии. Это Григорий Глушко («Гриня»), которого мы приняли за справедливое к нам отношение

и честность, Фомин, немного разгильдяй, но хороший парень. С ними было интересно коротать время на смене или в карауле. Надо сказать, что в полку много было достойных грамотных офицеров. Жаль, скорее всего, они ушли из армии, которая сама выдавливала из себя наиболее честных и достойных.

Эпизод 42

Интересный был у нас ротный зампотех старший лейтенант Букин. Веселый, артистичный, похожий на артиста Жарова. Такая же мощная фактура. Помню, как он заставлял заучивать бойцов наизусть фамилии членов Политбюро и офицеров генерального штаба, а сам еле сдерживал смех. Это была самая настоящая выходка, своего рода издевка. Если бы вы слышали, как коверкали фамилии главных людей страны пацаны из глубокого Нечерноземья. А Букин потешался.

Эпизод 43

Помню свой первый караул. Я тогда охранял малый парк. Дело было ночью. Я ходил по территории парка и мечтал о вкусной жареной курочке. Я находился в каком-то полусне, двигался как призрак с автоматом наперевес и представлял, как разделяю курицу, кладу ее на сковороду, посыпаю специями. Я уже отчетливо слышал в своей полудреме, как потрескивает масло, видел, как сквозь разрывы на коже курицы проступает жир. Хочу поклясться, я почувствовал вкус, как вдруг меня окликнул старший смены караула. Пришла моя смена. Когда менялись, заметили упавшие ворота одного из боксов. Никто не мог поверить, что я совершенно не слышал грохота падающих ворот, замечтавшись о курином мясе. Кстати забавная традиция была у водителей-транспортников. После последнего рейса в одной из машин оставлялась буханка хлеба для караула. Я любил караулы. Прогулки на воздухе. Можно было побыть одному и помечтать о том, о сем, разглядывая, светящиеся домашним уютом, окошки домов по периметру парка. Любил отдыхать после поста в караулке, попивая горячий чай за чтением книги. К слову о караулах. Перед караулом был инструктаж, который всегда проводил начальник штаба подполковник Гусев. «Старички» предупреждали нас, молодых, «не смотрите Гусеву в глаза, только раз глянете – забудете устав». Гусев, действительно, задавал вопрос по уставу караульной службы, глядя в глаза испытуемому, «деревянным» и холодным взглядом. Наверное, поэтому его прозвали «деревянным».

Где-то ближе к четвертому периоду появился у нас в роте новый сержант по фамилии Маклаков. Маклаков был поваром и приписанным к нашей роте. Он целыми днями до позднего вечера пропадал на кухне. Появлялся ближе к отбою или даже позже с чем-нибудь вкусным в карманах. Повар Маклаков родом из Выборга. Все его истории были с финским уклоном. Совершенно на особом положении находились в нашем полку свинари. Свинари – Толя Величко «Великий» и «Стеша» Стешенко жили за территорией части в домике, который укрылся за мрачными стенами бывшего завода «Месершмидт». Это было интересное место. В некотором отдалении от нашей части стояли заброшенные цеха некогда мощного немецкого предприятия, про которое ходило множество слухов. Одна из легенд гласила, что во время войны новые самолеты вылетали прямо из-под земли, из подземных цехов. Не знаю так это или нет, но подземелье действительно было внушительное и казалось бесконечным. Под темными сводами мы запасали морковь и картофель по особой немецкой технологии. Например, морковь укладывалась в пирамиду рядами, и каждый ряд пересыпался песком. Считалось, что так морковь может долго сохраняться. Я видел, что в подземных коридорах, уходящих все глубже и глубже, стояла вода, которую невозможно было откачать, как не пытались. По легенде, затопленные коридоры вели к цехам, где собирали знаменитые штурмовики. Ребята свинари числились в нашей первой роте, но фактически жили на свинарнике. Они заботились о нескольких свиньях и следили за порядком и сохранностью запасов на складах, спрятанных под землей. «Стеша» и «Великий» были предоставлены сами себе и начали хулиганить. Угоняли мопеды «Симсоны» у доверчивых немцев и, накатавшись вволю, топили их в воде подземных коридоров. Уходили в самоволку и т.п. Но однажды попались на очередной своей выходке и были задержаны полицией Мерзебурга. Причем задержание русских свинарей было неординарным событием для расслабленных немецких полицейских. Русские носились на мопеде по всему городу, спасаясь от преследования. Мало того, когда наших догнали, они устроили драку. Немцы сдали ненормальных русских свинарей в комендатуру, откуда их забрал наш караул. В итоге ребят убрали из свинарника в роту, где я, как комсорг, по решению начальника политического отдела, должен был провести собрание по исключению Стешенко и Величко из комсомола. Собрание я провел, ребят исключили. Но страна уже летела к переменам. Комсомол уже был не тем, что раньше. И исключение это никак не изменило отношение бывших свинарей к жизни.

Эпизод 45

Одними из самых ярких воспоминаний являются выезды в составе полка на учения. Во-первых, это еще одна возможность хоть немного побыть на свободе и увидеть чужую страну, другую жизнь. Мы двигались впереди машин и рубили деревья, освобождая технике путь. Таким образом, машины забирались в полосу леса на окраине поля. Когда машина занимала положенное ей место, мы начинали разворачивать антенное хозяйство. Было четкое разделение труда – каждый боец знал, что ему нужно делать в нужный момент. Одни поднимали телескопическую стойку, другие цепляли и разводили лучи антенны и затем бежали, часто спотыкаясь и падая, с лучами в поле, забивали костыли в грунт. Другие в это время заземляли технику, запускали генераторы, и начиналась разведка в диапазоне заданных частот. Кроме того, необходимо было развернуть палатки, полевую кухню и полевую ленинскую комнату. Помню уже ночью, устав от дневной суматохи, я сидел в кресле перед приемником. Было довольно тепло, несмотря на осень. Дверь «кунга» была открыта, и вольный лесной воздух вместе с голосами ночных птиц и насекомых проникал в машину. А в моих наушниках – «Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле...» Поэт «Аквариум».

Эпизод 46

Я помню, как лежал в санчасти, но не по причине недомогания, а по прихоти санинструктора, который усиленно готовился к «дембелю» и ему был нужен свой «придворный» художник для воплощения его недалеких фантазий на корках «дембельского» альбома. Я наносил, запертый в кладовке, слой за слоем густую латексную краску на бока «дембельского» самолета, стремящегося сесть где-нибудь в Новочеркасске, а в это время в этом самом месте в санчасти действительно болел и действительно шуршал, как пчелка, за остальных болящих (в основном старослужащих) в бесконечных нарядах внутрибольничной жизни тихий, слабый, невозмутимо спокойный Коля Зорин. Мы оказались там с Колей вдвоем – на острове населенным людоедами, и нашей обязанностью было выносить пасмурными промозглыми вечерами мусорные баки на контейнерную площадку. «Враги» не знали, что обязанность эта была для нас уникальной возможностью заглянуть за забор, наружу, где двигалось, бурлило, искрилось и переливалось все то, от чего нас отняли, вырвали и посадили за этот забор. Технологический институт прямо за забором части. Студенты, юноши и девушки веселые, жизне-

радостные с тубусами и книжками. Интересно знали ли они о нашем параллельном мире, о том, что мы рядом.

Вместо заключения.

Лондон всегда был для меня магнитом. SOHO, Covent Garden & Abbey road. Я с детства люблю английский рок. ELO, Barclay James Harvest, S.Weenwood, E.L.P., Beatles, Robert Palmer, и др. И я английский язык полюбил через музыку английскую. И с Армией я считаю, мне повезло. Английский язык ведь был в нашей радио разведке основным. Кстати, мне многочасовое сидение на смене в наушниках, в которых, иногда, раздавалась английская речь потенциального противника, а чаще хорошая англоязычная музыка (РАДИО «ЛЮКСЕМБУРГ» – помнишь?) здорово помогло научиться воспринимать английский на слух. Приехав первый раз в Лондон в 1997 году, и столкнувшись с живой английской речью, я с удивлением обнаружил, что могу разговаривать на английском, и был просто обрадован тем, что меня понимают. Это была хорошая школа, начало которой было положено в Советской армии. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как мы отдали свой священный долг Родине. Одно время эти два года не засчитывали в стаж. Можно подумать, что мы добровольно уходили из гражданской жизни, прерывали учебу в институте, оставляли свои семьи. «Армия это не тюрьма» – говорил мне ротный Хайрулин. И страна, в которой мы живем не тюрьма, так почему же столько «от тюрьмы» и в армии и в стране! Прошло почти двадцать лет, а я все еще помню и хорошее и плохое, хотя армия была всего лишь эпизодом в моей жизни.

Фото на память

Мерзебург 1987 год.

Мерзебург. ж/д вокзал. Фото 2006г.
На этот вокзал нас привез капитан Ширяев летом 1987 года

Казарма учебной роты 2006 год.

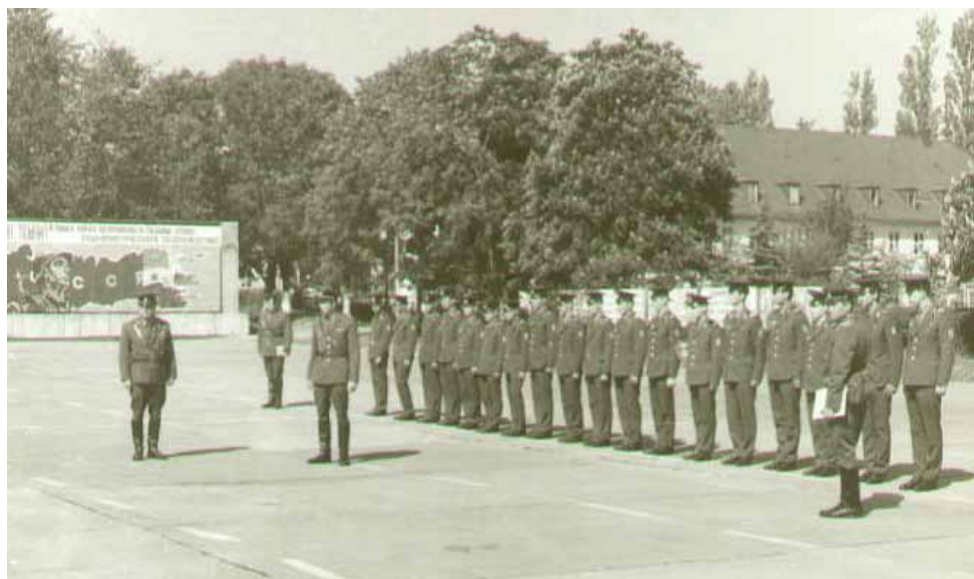
Кубрик в учебной роте. Фото 2006 года

И. Молдавский. Казарма учебной роты. Мерзбург 2006 год.

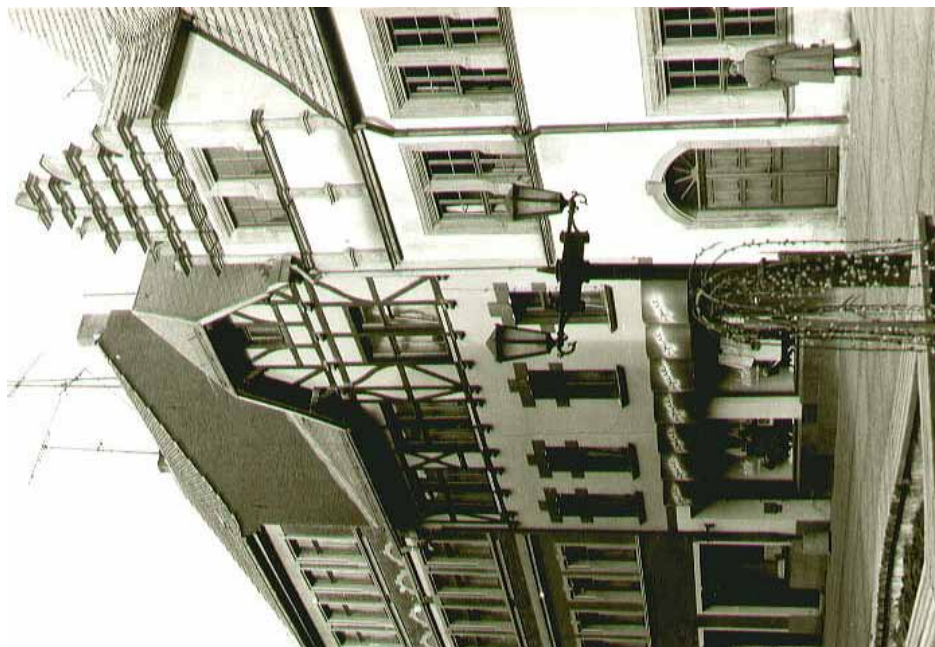
По этой лестнице гоняли нас вверх-вниз для «тренировки». И мы, нагруженные одеялами в «скатку» и подушками, спотыкаясь бежали сначала на верх, потом вниз. (фото 2006г)

Последнее построение. Домой! 1989 год

В каптерке замполита.
Маслов, Нерадовских, Любимов, Тарасенко. 1989 год

Weissenfels. У дома Г.Шютца 1989 год

Weissenfels. У кирхе св. Марианны 1989 год

В боевой роте. 1987 год

В чайной. 1989 год

Д. Маслов и И. Молдавский. Смитколледж, США, 2007 год.

«И я здесь сидел, однажды». Караулка. Сентябрь 2006 года

Сергей Игнатычев, Сидней, Австралия, 2008 год

С.Игнатычев. Лейпциг. 1988 год.

С.Игнатычев. Ремхильд 1987 год.

Игнатычев, Ошиц, Лукинский. Ремхильд 1987 год.

Офицеры КП на плацу.

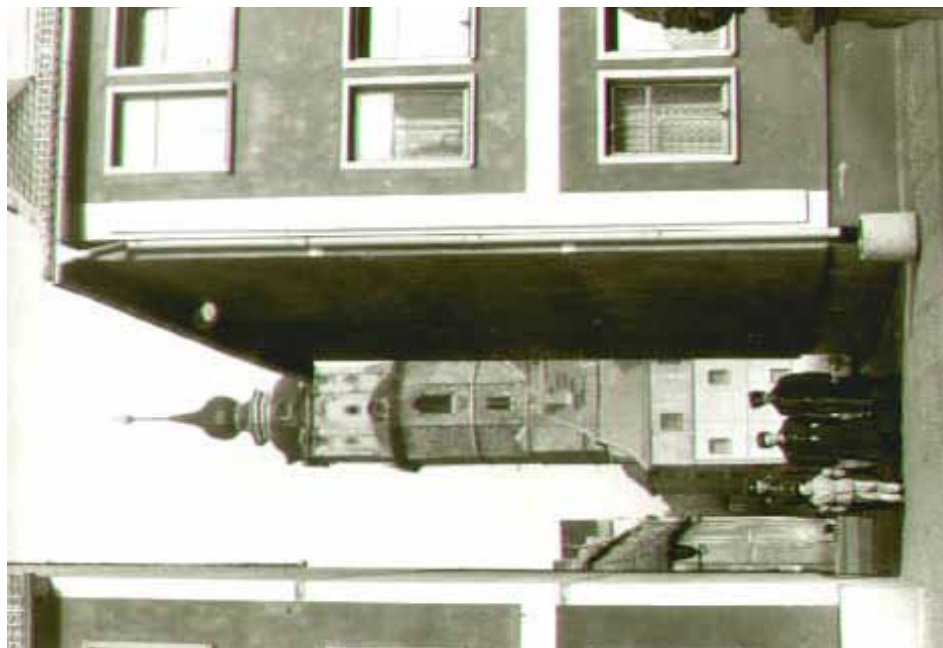
Игнатычев и Пахомов. Ремхильд 1987 год

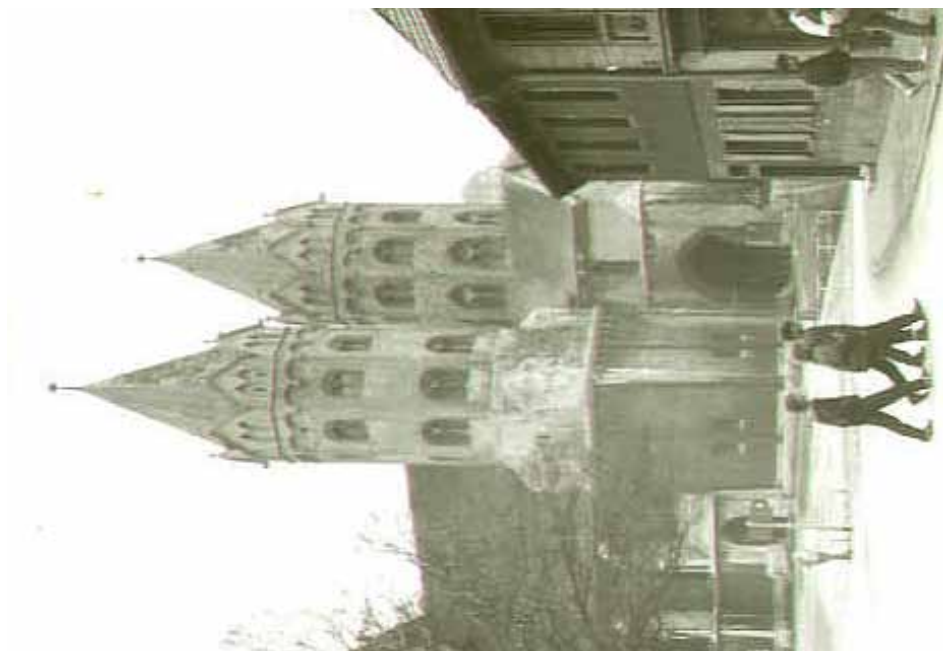
Начальник Полит отдела полка – Шиян и командир полка – Косолапов 1987 год

Творческая мастерская в подвале 1-ой роты.

Weissenfels. 1989 год.

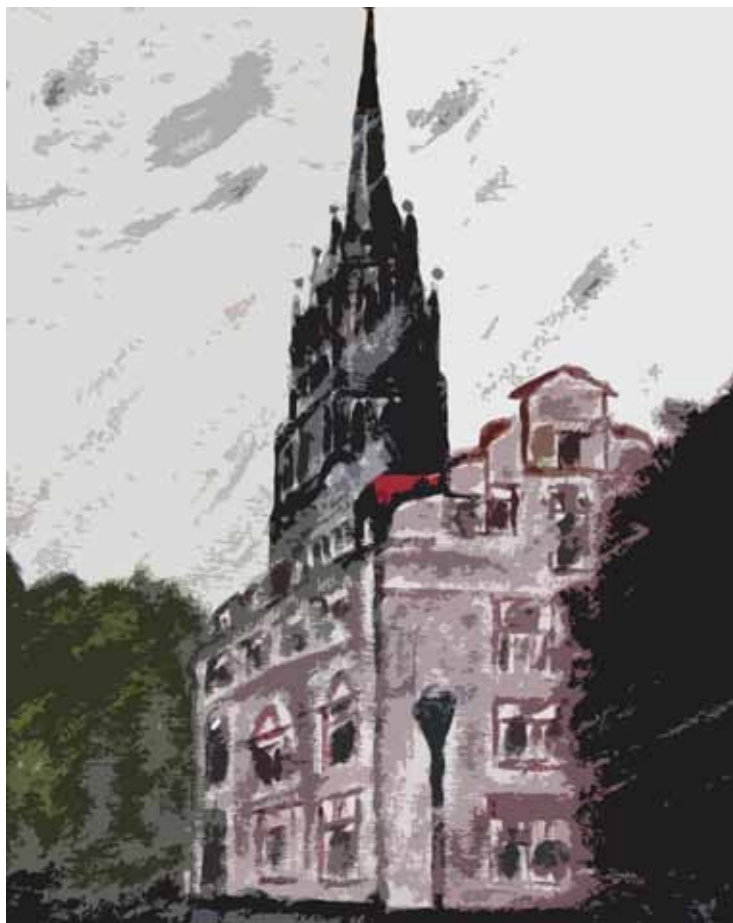
Freiberg. 1989 год.

Merseburg. 1987 год.

Мерзебург. 2006 год

Мерзебург. Работы С. Игнатычева

Флаг Германской Демократической Республики

Лидер ГДР
Эрих Хонеккер

Демонтаж Берлинской стены, возведенной 13 августа 1961,
начался в ночь с 9 на 10 ноября 1989

Флаг СССР

Горбачев Михаил
Сергеевич

Союз Советских Социалистических республик.

Дымный Мерзебург.

Гайзелтааль (Geiseltal)

Автомашина И.Молдавского с наклейкой «ДМБ-89»

На таком Мерседесе нас возили на работу на Буроугольный комбинат.

Наш полковой автобус «Кубань»

Андрей Костин

Игорь Малашин

Олег Тарасенко

Замполит 1-ой роты Семененко

Командир взвода Кадаш

Старшина 1-ой роты Жучков

Старший пр-к Бугрий С.С. с сыном

Подведение итогов в клубе в.ч. п.п 18766 (На трибуне майор Решетарь)

Савченко, Целоусов, Ряполов, Маслов, Костин 1987 год

На учениях. Малашин, Костин, Гунькин, Тарасенко, Рыжков,
Субботин, Маслов, прапорщик Жучков.

В кубрике. Тубольцев, Гунькин, Бондарь, Капустин, Рыжков, Костин, Стешенко, Тарасенко, Долгалев, Гастев и др.

В каптерке замполита. Маслов и Тарасенко 1989 год

Левшиц, Бескровный, Тарасенко, Гунькин, Тимошенко, Ахахлин

Кадаш, Жучков, Тарасенко, Субботин, Богданов, Козлов

Тарасенко, Стешенко, Ерохин, Горелов

Олег Разумняк и Костя Кистенюк

Ерохин, Субботин, Тарасенко, Богданов, Горелов

Слева старший прапорщик Голов

Зам. По тех.1 роты Букин И.С., командир 4 роты Дудник,
командир 1 роты Хайрулин И.А. 1987 год

Командир 253 ОРТП Осназ Косолапов. 1989 год

Поющие офицеры:
слева направо – Хайрулин, Кадаш, Мешко, Грудок-Костюшко

Маслов Дмитрий на боевом дежурстве.

Строевой смотр.
На снимке слева направо – Ломего, Маслов, Тимошенко. 1987 год.

Идет Первая рота 1988 год.

Первая рота лето весна 1988 года

Слева направо, снизу вверх – Власов, Савченко, Стещенко, Ломого, Бескровный, Гастев, Козлов, Гунькин, Сергеев, Тарасенко, Горелов, Субботин, Тимошенко, Ряполов, Богданов, Целоусов, Левшиц, Костин, Маслов, Криванчик, Капустин, Малашин, Любимов, Вильшонков, Козлов, Боборыкин.

Богданов

Гастев

Ломого

Вильшонков

Ахахлин

Долгалев

Рыжков

Сергеев

Савченко

Кононенко

Матвеев

Маслов

Молдавский

Андрей Костин. Москва 2007 год

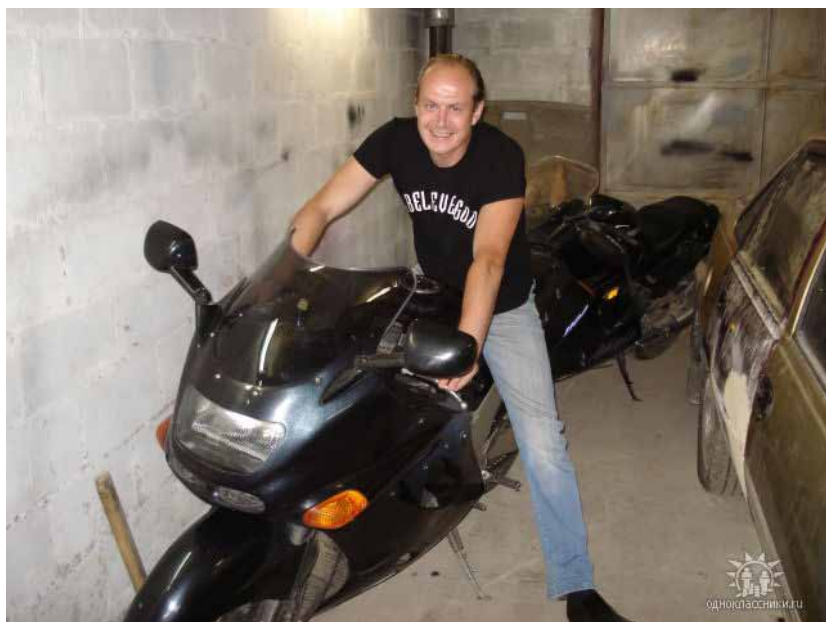
Николай Зорин 2007 год

Геннадий Мартиросов 2007 год

Игорь Малашин 2007 год

Сергей Варнавский 2007 год

Вторая рота. 2003 год

Молдавский и Савушкин. 1989 год

Вторая рота 1989 год.

Офицеры полка Левшин, Москвичев, Чернышов, Митин, Эпельман

На полевых занятиях Горлов, Хайрулин, Сарычев,
Дидык, Мошкаринец, Куимов и др.

Пфенишка, Корниленко, Митин, Букин, Кукса, Чинов

Гора Gr. Gleichamberg, близ Ремхильда

Въезд на гору. Осень 2006 года.

Все, что осталось от нашего присутствия на горе. Осень 2006 года

И.Молдавский во время путешествия на Ремхильд. Осень 2006 года.

Gleichamberg. Осень 2006 года

Майор Пахомов, Лейпциг, 1987-1990 годы

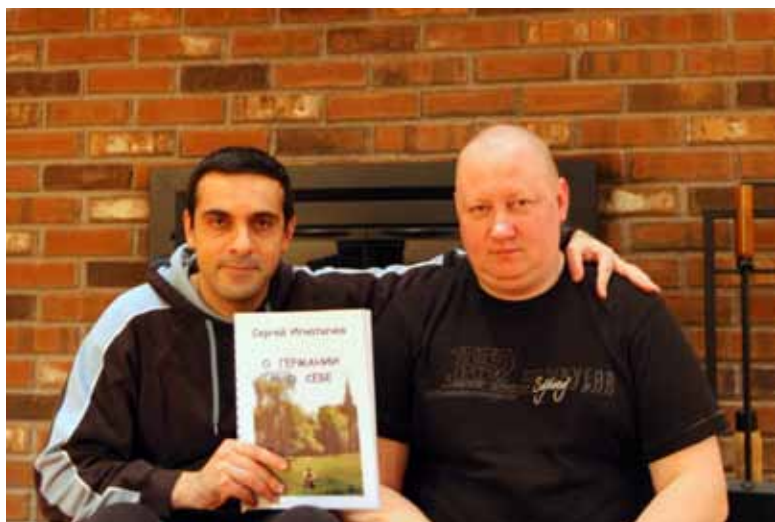
Сергей Игнатычев, Лейпциг.

Илья, Дмитрий, Андрей, Коннектикут 2008 год

Маслов и Молдавский в Йеле 2007 год

Коннектикут 2010 год

Гарвард

Мерзебург 2006 год.

Встреча полка в мае 2011 года

Грудок-Костюшко, Тарасенко, Вутрий, Смирнов, Шиян

Встреча полка в ноябре 2009 года

Колосовский, Рудаков, Поляков

Маслов, Молдавский, Костин. Встреча в Мерзебурге в ноябре 2010 года

Напротив казармы учебной роты

Илья Молдавский и Дмитрий Маслов. На фоне горы Глейкамберг 2009 год

Встреча однополчан в Мерзебурге 2009 год
Юра Кирпиков, Илья Молдавский, Андрей Костин, Дмитрий Маслов

Встреча однополчан Пекин 2010 год

Сергей Игнатычев и Дмитрий Маслов Сидней 2009 год

Замок Мерзебурга 2010 год

Наш плац в 2010 году

Замок Мерзебурга 2010 год

Наши казармы в 2010 году

Казармы нашей части. Фото 2006 года

Забор, за которым располагалась наша часть. Фото 2006 года.

Дембельские корки